
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

БАРОНЪ І. ГАЛКИНЪ.

ПАДШАЯ.

ПРИЗНАНІЯ КАМЕЛІИ.

ПОВѢСТЬ.

Изданіе второе вновь просмотрѣнное и дополненное.

Москва.
1871.

ПАДШАЯ.

Dmitriev, Andrei Mikhailovich

БАРОНЪ І. ГАЛКИНЪ. pseud.

ПАДШАЯ.

ПРИЗНАНІЯ КАМЕЛИИ.

ПОВѢСТЬ.

Изданіе второе, вновь просмотрѣнное и дополненное.

МОСКВА.
Типографія Ф. Іогансонъ у Мясницкихъ воротъ, д. Воейковой.
1871.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Менѣе чѣмъ въ годъ разошлось изданіе моей книги «Съ позволенія сказать», (что крайне рѣдко въ нашей литературѣ), и это даетъ мнѣ право думать что книга моя заинтересовала публику. Въ силу этого я выпускаю теперь отдѣльно повѣсть «Падшая» составлявшую главное содержаніе книги. Цѣль моя, высказываемая ниже въ предисловіи, отчасти мною достигнута: я знаю женщинъ, которыя сошли съ своей несчастной дороги благодаря моей книгѣ, знаю женщинъ, которыя остереглись этой дороги.

Пресса, за немногими исключеніями, не сочувственно отнеслась къ моей книгѣ—я не въ претензіи. Не въ претензіи потому,—что (работа эта была между дѣломъ) я самъ не придаю ей большаго значенія,—что больше всего критика прошлась на счетъ названія книги, а это вовсе не мудрено и впередъ было мною предугадано, и, что, наконецъ нѣкоторые критики столько же критики, какъ и бывшій импера-

торъ французовъ и если говорятъ что нибудь, то это потому, что языкъ есть, что выражаетъ только благость Божію—снабдившую и ослицу Валаамову даромъ слова....

Настоящее изданіе выходитъ въ свѣтъ въ значительно измѣненномъ противъ прежняго видѣ: здѣсь являются новыя лица, новые эпизоды.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Цѣль сего разсказа—это показать, какъ пагубно было даровитой, но слабой натурѣ женщины то воспитаніе, которое еще такъ недавно царило въ нашемъ обществѣ и которое теперь только начинаетъ свой конецъ. Смыслъ труда былъ непонятенъ нашей свѣтской дѣвушкѣ, работа немыслима; потребностей, кромѣ животной—любить, не было, и гибли, и гибнутъ много широкихъ, богатыхъ натуръ. Не служеніе похотливымъ негодяямъ вызвало этотъ разсказъ, я бы сжегъ его если бы вышло такъ, а желаніе, чтобы общество глубже взглянуло на соціальное положеніе женщины. Не самка и мать только должны быть въ сферѣ дѣятельности женщины, а и другія болѣе высшія потребности; не только умѣть нравиться задача образованія женщинъ, но также и кругъ положительныхъ знаній; значеніе труда должно быть понятно имъ, самый трудъ возможенъ.

Кромѣ выше писанной цѣли, наше сердечное желаніе—это по возможности остановить женщинъ извѣстной профессіи отъ продолженія своей дороги; показать, какъ полное незнаніе жизни, неумѣніе, непривычка къ работѣ ведутъ неизбѣжно къ извѣстному концу, если случай (а вѣдь это лоттерея) не выручитъ. Не идеализація порока цѣль наша, а желаніе показать, какъ иногда соблазнителенъ онъ для неразвитой личности и куда, къ какимъ казнямъ нравственнымъ ведетъ онъ. Деликатное, разумное чувство не оскорбится нашимъ разсказомъ, а до Тартюфовъ намъ дѣла нѣтъ! Задача писателя—правда; выборъ ея—дѣло вкуса, знанія извѣстныхъ положеній. Если нашъ разсказъ заставитъ людей, силу имѣющихъ, обратить вниманіе на положеніе несчастныхъ женщинъ—мы будемъ счастливы!

Нужнымъ считаемъ прибавить, что разсказъ нашъ не вымыселъ.

Вамъ, мои бѣдныя подруги, всѣми забытыя, всѣми презираемыя, посвящаю я грустную повѣсть моей жизни. Вы поймете меня. Вы повѣрите тому, что я стану разсказывать!

Человѣка въ насъ не видитъ никто—игрушки мы пока молоды и красивы; фуріи мы, гадкія, омерзительно гадкія—когда стары и немощны.

Для насъ нѣтъ исхода, намъ нѣтъ прощенія! Семейство и его радости погибли для насъ; погибли потому, что за нами стоитъ ужасное, полное позора, цинизма, прошлое! А его не забываютъ! Насъ видятъ веселыми, роскошно одѣтыми и никто не пойметъ, никто не подумаетъ, чего стоитъ намъ эта веселость, эта роскошь.

Мы гадки своимъ пьянствомъ, мы отвратительны своимъ цинизмомъ—это такъ!

А зачѣмъ пьемъ мы?

Да затѣмъ, чтобы хотя на время забыться, на время успокоить разбитое, измученное сердце.

Мы вещи, товаръ — мы не люди и всѣ люди отвернулись отъ насъ.

Намъ никто не помогаетъ, объ насъ никто не думаетъ!

Намъ удивляются, что у насъ нѣтъ сёрдца, что мы готовы завлечь и погубить человѣка! Вѣрно. Но поймите, что и насъ злость беретъ, что и мы можемъ мстить! У насъ взяли честное имя, взяли молодость, красоту, а мы молчи!

На любовь намъ отвѣтили—смѣхомъ; на дружбу, искренность—недовѣріемъ, презрѣніемъ.

Дружба камеліи—это смѣшно, дико!!

Такъ вамъ, вамъ однѣмъ, мои бѣдныя товарки, посвящаю я мою исповѣдь. Можетъ быть моя жизнь наведетъ васъ на новую дорогу, дастъ вамъ иныя мысли. Дай Богъ! А со мной, со мной дѣло кончено! Я стара, не годами только, мнѣ ужъ не долго страдать!

ГЛАВА I.

Любовная греза.

Было лѣто, лѣто жаркое, хорошее. Я жила въ деревнѣ съ своей старухой матерью.

Мнѣ было скучно.

Кругомъ никого; сосѣди все старые, а я молода.

Еще горитъ, бывало, тамъ, на вершинахъ высокихъ деревъ солнце, еще пѣсни птицъ не всюду смолкли, а я бѣгу въ садъ.

Свѣжо, хорошо тамъ послѣ жара томящаго. Роса падетъ на землю: красивая луна взойдетъ на небо и зальетъ своимъ трепетнымъ, голубоватымъ свѣтомъ и прудъ, и деревья и вдали колокольню.

И радостно какъ—то, и сердце—то бьется иначе.

Все тише, тише, а вотъ совсѣмъ тихо. Замолкли пѣсни птичекъ. Замерло все. Развѣ нѣтъ-нѣтъ и всколыхнетъ свѣжій вѣтерокъ темныя воды, а луна осеребритъ ихъ; качнетъ вѣтерокъ листья дерéвъ и будто тиху убоится—уйдетъ.

И снова все смолкнетъ. Тяжко одной мнѣ; томится молодое сердце,- ждетъ кого то.

И ходишь бывало, не зная покоя, по дорожкамъ сада. Горитъ лице, дыханье неровно. Скучно, скучно....

Тихо кругомъ.....

А потомъ, какъ нарочно, вдругъ польется красивая, полная нѣги чарующей соловьиная пѣсня. И гремитъ она на весь садъ, на всю тишь.

И отчего ты, пѣсня соловушки, ничѣмъ не лучшая— пѣсенъ другихъ птицъ, такъ волнуешь, такъ быстро даешь образы непутной думѣ, такъ сердце сильно биться заставляешь....

Или тебя краситъ ночь тихая, съ мѣсяцемъ блѣднымъ на небѣ, съ волной серебристою?...

Да?

И несется бывало мысль жгучая въ міръ чудесъ и загадокъ. И встаютъ предъ тобою волшебные за̀мки— добрый молодецъ, красна дѣвица, теща лютая.... ночка темная, рѣчь любовная.... колдуны, рыцари, ихъ дамы красивыя, гордыя.... Балъ блестящій, роскошь, музыка, огнями залиты залы, и въ окна чернѣетъ садъ хмурый, окутанный въ свѣтъ мѣсяца....

Онъ ждетъ въ саду, и вотъ вышла *она;* не замѣтилъ никто: боязлива такъ, робко идетъ....

И нѣтъ конца фантазіямъ, и ростутъ онѣ одна за другою, красивыя, какъ грёзы Пиронези, обаятельныя, какъ страстные звуки Гуно....

Какъ досадно бывало, какъ очнешься, какъ сердце охватитъ тоска одиночества....

И не милъ мнѣ мѣсяцъ ясный, не красна пѣсня соловушки....

Уйдешь домой—не спится: горяча подушка, душно, тяжело.

И сидишь бывало у открытаго окна до разсвѣта. Вотъ и воздухъ свѣжъ, а все жарко.

Подымается жаръ съ земли; птички проснулись— щебечутъ, луна побѣлѣла, какъ дяди Ѳаддѣича борода, и гдѣ-то далеко слышна уже пѣсня. Солнце встаетъ такое большое, красное, а мнѣ все сна нѣту.

Наконецъ, когда добрые люди на работу ужъ вышли, я засыпаю усталая, *блѣдная:* вѣдь нельзя же не посмотрѣть въ зеркало....

Богъ мой! тоска.... съ ума сойдешь....

Мать все хлопочетъ по хозяйству, а я одна, все одна.

Книги? надоѣли мнѣ книги, мучатъ онѣ меня, волнуютъ.

Любовь, вездѣ любовь и такъ все красиво тамъ, такъ полно живется, а я одна.... Вотъ читаю: „статный юноша ко мнѣ въ горницу зашелъ“.... „Она склонилась къ нему на плечо, красивая такая, и онъ цѣлуетъ ее....“ Откинутые назадъ черные, волнистые волосы, жгучіе, гордые глаза и такая нѣжная, страстная улыбка....

Вѣдь это горе! ужасно....

Помню разъ, было поздно, всѣ уже спали, ночь была темная, теплая, я вышла въ садъ; я прошла садъ, я очутилась на дорогѣ.

Безъ цѣли, почти машинально, я шла дальше и дальше.

Страшно мнѣ было одной и нравилось мнѣ это страшно. Какъ—то иначе забилось сердце; забылась я....

Куда я зашла, знаю только, что далеко, я никакъ понять не могу.

Гляжу—садъ и сквозь деревья его огонь виднѣетъ въ домѣ, и красиво такъ виднѣетъ: кругомъ темно, тихо и красноватый цвѣтъ, какъ въ романахъ....

Я ближе—слышу хохотъ мужской, веселый такой и задорный.

Ктобъ это былъ? И гдѣ я? Или волшебницы волей я въ міръ грёзъ залетѣла!

И боязно, и сердце такъ радостно бьется.

Потомъ, когда я стояла уже подъ самыми окнами и могла слышать голоса, я слышу:

— Спой, Воля,—ту пѣсню, что Катя Хлѣбникова, цыганка, такъ дивно поетъ. Ну какъ она?

— Ага! знаю это — Любила-ль я твои глаза. — Хорошая, братъ, пѣсня. Глинка изъ чужихъ романсовъ только одну ее и пѣлъ.

— Ну спой, спой.

— Изволь.

И звучный сильный баритонъ полною грудью запѣлъ эту чудную, полную нѣги и тоски безконечной пѣсню.

Хорошо какъ, Богъ мой!

Кто это поетъ, кто?

Не можетъ быть чтобъ человѣкъ безъ сердца могъ вложить въ эту пѣсню столько тоски, столько чувства.

Хорошія, добрыя слезы закапали съ глазъ моихъ.... Тревожно всколыхнулась грудь, точно новое что, незнаемое, вошло туда....

Вотъ послѣдніе аккорды и пѣсня смолкла. Зачѣмъ?

Кто поетъ это? Какъ увидать мнѣ его.

Увидать — къ чему? Ужъ и такъ не весела моя долюшка, а тутъ будутъ муки новыя, желанья напрасныя. А пускай ихъ муки идутъ, онѣ отрадны мнѣ, я хочу ихъ, жажду.... Все чѣмъ нибудь занята будетъ моя жизнь угрюмая, будетъ сердце полно чѣмъ нибудь.

Много пѣсенъ пѣлъ этотъ кто-то; устала я, а все бы слушала, до зари слушала бы.... Чаруютъ онѣ, ласкаютъ.

Не хочется, чтобы онѣ кончились, бѣда не хочется..

Слышу.

— Браво, Воля, браво!

Пѣніе кончилось. Мазурка Шопена, игривая, блестящая довершила концертъ.

— Пойдемъ въ садъ, Жоржъ.

— Пойдемъ.

Куда бѣжать мнѣ. Я потерялась. Гдѣ дорога—не знаю.

Съ крыльца сошли два господина, съ ними большой и такой страшный песъ. Я пустилась бѣжать, какъ съумасшедшая;—меня замѣтили.

— Пиль, Османъ, пиль! и громадный песъ былъ въ моментъ около меня.

Я погибла.... дурно мнѣ, дурно—я упала въ обморокъ.

Очнулась, и не могу понять, гдѣ я. Большая свѣтлая комната, на стѣнахъ ружья, сабли, рога. Я лежу на диванѣ. У рояли сидитъ кто-то и тихонько перебираетъ клавиши.

Я повернула голову — вижу въ зеркалѣ, что надъ роялью, красиваго мужчину лѣтъ тридцати. Онъ блѣ-

денъ, черные глаза, черные, довольно рѣдкіе и немного вьющіеся волосы, маленькіе усы и борода. Онъ не замѣтилъ, что я очнулась.

— Гдѣ я? спросила я.

Господинъ живо повернулся на стулѣ и кланяясь началъ извиняться.

— Извините, тысячу разъ, извините: я думалъ, воры и сталъ травить собакой! Мнѣ досадно....

— Боже мой!—да гдѣ я?

— Вы у вашего сосѣда. Имѣю честь представиться: Владиміръ Константинычъ Горинъ.

— Очень пріятно. Но простите меня... я... я смѣю васъ просить — нельзя ли довести меня домой? Пѣшкомъ идти я рѣшительно не въ состояніи.

— Сію минуту я распоряжусь, и господинъ Горинъ вышелъ.

Такъ вотъ онъ, Горинъ! Горинъ, про котораго такъ много кричали и который уже шесть лѣтъ не былъ у себя въ деревнѣ. Какъ онъ узналъ кто я? Вѣрно люди его сказали. А вѣдь онъ красивъ! Какіе смѣлые глаза, какія манеры. Говорятъ, что онъ большой волокита, ну чтожь,—я буду осторожна. А какъ онъ взглянулъ на меня, когда уходилъ—ой! ой! Однако онъ очень любезенъ. Интересно знать, что онъ обо мнѣ думаетъ: вотъ, думаетъ, съумасшедшая — забралась ко мнѣ въ садъ, и зачѣмъ? Онъ идетъ.

— Коляска готова. Если позволите, я буду имѣть удовольствіе проводить васъ?

— Я очень рада.

А сама, право же, вовсе не рада.

Что maman скажетъ? Какъ я домой явлюсь? Ну, да я попрошу высадить меня у сада.

Онъ помогъ мнѣ встать, мы вышли.

Пара быстрыхъ коней живо домчала насъ до дому. Дорогой онъ говорилъ мнѣ:

— Вамъ скучно въ деревнѣ?

— Страшно.

— Вы мнѣ позволите посѣщать васъ?

Ого! подумала я, какъ онъ самоувѣренъ: онъ думаетъ, что можетъ развеселить меня—посмотримъ.

— Maman будетъ очень рада, отвѣчала я.

У сада мы остановились, онъ пожалъ мнѣ руку, и крѣпко пожалъ, а рука у него такая нѣжная, худая.

— Такъ до свиданья?

— Да.

Уѣхалъ. Я вошла въ свой садъ. Еще спятъ всѣ. Что дѣлать мнѣ? Сонъ далеко бѣжитъ меня—буду мечтать.... Да.... отчего, когда я лежала въ обморокѣ, онъ не смотрѣлъ на меня? Неужели я такъ безобразна, что на меня нельзя и смотрѣть?... Глупая, дурочка: говорю, что онъ самоувѣренъ, а я то, я!

А что жъ, развѣ я уродъ?

У меня густые, темные волосы, коса моя до колѣнъ, у меня очень добрые, задумчивые, и представьте себѣ, почти зеленые глазки. Да, глазки. Зубы мои, я ихъ никогда не чищу, замѣтьте, бѣлы какъ.... какъ хотѣла сказать, глупенькая, какъ бѣлые грибы, — какъ перламутры! Старое, но вѣрное, относительно моихъ зубовъ,

сравненіе. Губы у меня какъ вишенки.... нѣтъ, немного, чуть-чуть, побольше. Носъ вотъ у меня не хорошъ: вздернутый! А цвѣтъ лица? Ну-ка, поищите такого?... загаръ ко мнѣ идетъ удивительно; мамаша говоритъ: „на цыганку стала похожа." Ну чтожъ, отлично, между цыганками есть красавицы. А вечеромъ при огнѣ, да я хоть кого съ ума сведу. Со мною—шутки плохи.

А онъ? Красивый господинъ! онъ ужъ теперь, пожалуй, торжествуетъ побѣду? А вотъ ошибся.... я не такъ скора.... но какіе у него дерзкіе глаза.... Нѣтъ, пора спать.

Лягу.

Легла — не спится. Какъ крѣпко онъ пожалъ мнѣ руку.... вдругъ онъ завтра пріѣдетъ! Какъ мнѣ объяснить мамашѣ, что я уже его видѣла. какъ? да не буду объяснять.... онъ догадается.

Не спится.... нѣтъ....

Вотъ и утро. Солнце совсѣмъ встало, пойду купаться.

— Дуня? Дуня? звала я мою горничную.

— Иду-съ, барышня.

Вошла Дуня. Я накинула пеньюаръ и бѣгомъ въ садъ, въ прудъ, подъ тѣнью широкихъ, развѣсистыхъ вязовъ я прыгнула въ воду. Холодно, хорошо. За мной Дуняша.

Сколько хохоту — какъ она боится брызганья. Мы живо выкупались и я здоровая, свѣжая, бѣгомъ ускакала домой.

Горячій кофе готовъ. Мамаша въ удивленіи, что я такъ рано встала.

А мнѣ хочется смѣяться, цѣловать всѣхъ.... Отчего? вотъ глупо — неужели оттого, что Горинъ пріѣдетъ. Нужно мнѣ очень.... А когда онъ пріѣдетъ? Вѣрно до обѣда. Я сѣла за рояль и старалась припомнить вчерашнюю пѣсню: не могу, никакъ не могу. А вѣдь это должно быть онъ пѣлъ? Онъ меня выучитъ....

— Лиза, говоритъ мамаша, — къ намъ кто-то.

Ахъ, это онъ! Рано, подумала я чуть-чуть, не громко. Къ крыльцу дѣйствительно подъѣхалъ въ щегольскомъ шарабанѣ Горинъ.

Развязно и ловко вошелъ Горинъ, представился моей матери и затѣмъ мнѣ. Уменъ, а я такъ боялась.

Мамаша была очень рада, угощала кофеемъ — онъ отказался.

— У васъ прекрасный садъ, кажется, началъ Горинъ. — Если бы вы были добры и показали мнѣ?

О, плутъ какой!

Я согласилась

Онъ подалъ мнѣ руку и мы вышли въ садъ.

— Вы сказали мнѣ, что вы скучаете. Мнѣ скучно тоже; хотите, я буду ѣздить къ вамъ часто и мы будемъ вмѣстѣ скучать? говоритъ и самъ улыбается и такъ безсовѣстно глядитъ въ глаза.

— Я рада.

Какъ онъ нѣжно смотритъ на меня и откуда эти дерзкіе глаза нѣжности взяли. Онъ тихонько жметъ мою руку локтемъ своимъ.

Вырвать мнѣ руку? Нѣтъ, мнѣ это пріятно.

— Вы рады! благодарю васъ, благодарю. Я, знаете, много жилъ, много видалъ и многое ненавижу и радъ, что здѣсь вдали отъ этого свѣта, гдѣ все интрига и притворство, я нашелъ такую женщину, какъ вы. Я отдохну здѣсь, успокоюсь. Вы такъ прелестны, такъ молоды и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ чисты сердцемъ, что я, надѣюсь, (и откуда онъ все это узналъ) около васъ извѣдать другую жизнь, другое, настоящее счастье. Простите, что я говорю такъ: я много страдалъ, много любилъ и всегда, всегда отходилъ отъ женщины или разбитый въ своихъ мечтахъ, или недовольный на себя, на свою близорукость.

Какъ онъ хорошъ! Какой огонь въ его глубокихъ, темныхъ глазахъ. Мнѣ жаль его, мнѣ жаль его потому, что гадкія женщины разбили его сердце, состарили его преждевременно. Онъ глядѣлъ мнѣ въ глаза.... я краснѣла, сердце такъ и стучитъ.

Богъ мой! что же это со мною!

— Еще разъ, продолжалъ онъ, замѣтя мое волненіе,— простите, что я смѣлъ вамъ высказаться. Простите меня и поймите — вы чистая святая дѣвушка. Не гоните прочь меня, а сжальтесь.... Скажите ласковое слово, взгляните на меня своими чудными, робкими глазками.

Что дѣлать мнѣ? И какъ это скоро случилось? И неужели я полюбила его, неужели?

Я одна, мнѣ скучно.... я ночи не сплю.... а онъ такой красивый, такой несчастный.

Я посмотрѣла на него.

— Вотъ такъ, такъ! Посвѣтите на меня вашими глазками. Вы улыбаетесь, ну, ручку вашу. Мы, значитъ, друзья. Вѣдь да, да?

— Ну, да.

— А когда пріѣзжать мнѣ?

— Завтра, чуть проговорила я.

— Ну, а ручку поцѣловать можно?

— Нѣтъ.

А онъ, противный, все-таки насильно, то есть, говоря по правдѣ, не совсѣмъ насильно (я бы если бы хотѣла, могла и не дать) поцѣловалъ мою руку.

— А верхомъ умѣете ѣздить? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, я васъ выучу. Завтра я пріѣду и пришлю вамъ лошадь. Прощайте.

Простясь съ maman онъ уѣхалъ. Что это со мною: и рада я чему-то безъ границъ и скучно мнѣ, и сердце такъ вотъ и бьется.

Вечеромъ я пошла въ садъ и тишина лѣтней ночи, прелесть ея еще глубже тронули меня.

Восторгъ — какъ хорошо!

Соловей поетъ какъ и всегда — а теперь мнѣ его пѣніе милѣе, лучше кажется. А луна-то, луна.... ай.... ай.... какъ хорошо! Чего же бьешся, глупое сердце, чего радуешься? Нѣтъ—я еще не люблю его. Какъ лице горитъ—я взяла листья, холодные листья съ дерева—приложила къ лицу, не холодятъ.

Отчего это мнѣ танцовать хочется?...

Кому бы это мнѣ сказать, что я люблю, да, да, люблю. Некому.... одна.... бѣдная я.

Послушай, ты, бѣлая береза, ты, широкій кленъ, ты—милый душка!—мѣсяцъ—я люблю! Я живая теперь.

Холодно стало. Тучи набѣгаютъ, частый, теплый дождь падать сталъ—домой пойду.

Легла и тотчасъ же заснула.

Заснула и во снѣ видѣла.... нѣтъ не скажу, что я во снѣ видѣла: и какой онъ былъ суровый сначала, а потомъ, какъ ласкалъ меня.

И отчего это во снѣ только....

Черезъ нѣсколько дней мы ѣздили съ нимъ верхомъ и я, не смотря на то, что садилась на лошадь въ первый разъ, не трусила, ѣхала молодцомъ.

Мы ѣхали лѣсомъ.

Хорошо тамъ: ландышемъ, липой пахнетъ; капли вчерашняго дождя дрожатъ на листахъ деревъ и горятъ лучами солнца.

Мы ѣхали рядомъ, онъ говорилъ мнѣ о себѣ, говорилъ много и красиво и въ концы концовъ, подвинувъ свою лошадь совсѣмъ близко ко мнѣ,—обнялъ меня за талью. Я вырывалась, но.... но не вырвалась. Мало того—онъ нагнулся ко мнѣ, и я.... я опять вырывалась, и опять не вырвалась, и поцѣловалъ меня.

Какъ хорошъ міръ! Какъ хорошо мнѣ!

— Скажи мнѣ, (слышите—„скажи“) скажи мнѣ, моя дорогая, моя хорошая, полюбила ты меня или нѣтъ?

Я молчала.

— Не стыдись, чего стыдиться этого хорошаго, свя-

таго чувства! что дурнаго — отдаться ему. Пожалѣй меня....

— Оставьте меня.... вамъ стыдно.... я одна.... я женщина.... Оставьте.

— Голубка моя! не бойся меня. Вѣрь мнѣ, вѣрь, что я говорю искренно, вѣрь, что я въ самомъ дѣлѣ люблю тебя.

— Неправда, и я улыбнулась сквозь слезы.

— Улыбнулась, весело тебѣ, любишь ты меня? О, я счастливъ!

Да, я его полюбила.

Думается мнѣ, что это горячее движеніе молодаго сердца, любовь по первому взгляду покажется читателю неправдоподобнымъ; но такъ ли это? Не есть ли любовь по первому взгляду, любовь такъ сказать по первому абцугу—логическій исходъ для молодаго, страстнаго, въ одиночествѣ томящагося сердца. Физическія потребности, потребности натуры—не есть ли зачастую причины самыхъ быстрыхъ и порою самыхъ неожиданныхъ, мало мотивированныхъ, движеній?

Тысячу разъ приходилось видѣть на сценѣ любовь по первому взгляду, любовь, для возбужденія которой стоитъ *только* явиться *ему* или *ей*—и побѣда надъ неопытнымъ сердцемъ совершена и этой побѣдѣ никто не удивляется!

Эта первая, святая любовь является по первому побужденію, какъ звукъ барабана по первому удару въ барабанъ.

Для возбужденія этой первой любви много не тре-

буется, такъ какъ любовь не разсуждаетъ, не обдумываетъ.

Явись существо схожее хотя немного съ идеаломъ созданнымъ молодымъ воображеніемъ—и любовь готова, любовь есть!

Я отдалась ему не размышляя, не задумываясь и теперь, когда я пишу эти воспоминанія, я плачу. Это хорошія минуты моей жизни. Но онѣ прошли, прошли какъ сонъ волшебный, какъ мечта, и такъ скоро!

Мы видѣлись съ нимъ днемъ, видѣлись ночью; я обманывала свою бѣдную мать и бывало на вопросъ: что это Лиза, какъ ты блѣдна? — я говорила: голова болитъ или что нибудь въ этомъ родѣ.

Вотъ ужъ и осень на дворѣ. Воля собирается уѣзжать въ Москву, а я то какже?

Я спросила его: неужели онъ меня оставитъ? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, если хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ, но.... но я долженъ сказать тебѣ, что я жениться на тебѣ не могу, не могу по очень простой причинѣ — я женатъ и жена моя заграницей.

Каково мнѣ было!

Какъ я плакала!

Да что же дѣлать то мнѣ, что?

Неужели здѣсь оставаться? Неужели!!

А жизнь здѣсь, что даетъ она, что?

Тоску, тоску такую, что право иной разъ утопилась бы. Я какъ-то отупѣла среди этого ничего не дѣланья, обезпамятѣла....

Жизнь идетъ такъ монотонно, та́къ однообразно,

такъ схоже сего дня со вчера, что это невыносимо....

Я читала много, я изъ книгъ узнала иную жизнь, иныхъ людей и это все сдѣлало то, что мнѣ еще невыносимѣе, еще болѣе ощутительно мое теперешнее положеніе....

Что ждетъ меня здѣсь?

Что! Да, ждетъ меня милый супругъ изъ здѣшнихъ сосѣдей.

А кто они?

Да, одинъ кромѣ разговора о густопсовой борзой Милкѣ ни о чемъ слова сказать не можетъ; другой, старый чиновникъ, взятками разбогатѣвшій и начинающій всякій разговоръ: когда я былъ столоначальникомъ, у насъ въ палатѣ, и т. д.

Весело очень мнѣ будетъ быть столоначальницей!

Третій, такой большой, масляный и всегда такъ много наливки пьющій. Этого я боюсь: онъ, когда ходитъ, всегда кулаки сжимаетъ и такъ руками размахиваетъ, будто бить кого хочетъ. Одѣтъ онъ всегда такъ, какъ будто на охоту собирается. Ну, кто еще?

Еще дьяконъ вдовецъ, но... но да ужъ это черезъ чуръ; я пари держу, что онъ помадитъ волосы, а они у него всегда масляные такіе, деревяннымъ масломъ....

Ну-съ, значитъ нѣтъ никого?

А Воля такой красивый, умный, нарядный....

Его жена умретъ, стыдно мнѣ желать этого, очень стыдно и дурно, а я.... я все таки, прости меня Боже, желаю,... умретъ, онъ женится на мнѣ, я буду grande dame, мы будемъ съ нимъ вездѣ выѣзжать; на балъ

въ театръ, въ маскарады! У насъ будетъ собираться такое блестящее общество! Будутъ и знаменитые литераторы, и музыканты, и актеры!

Ахъ, какъ весело.

Весело! А какъ же мать то брошу я, какъ? Вѣдь она меня любитъ, любитъ хотя и некрасиво, какъ-то своеобразно, но все такъ любитъ!

Гмъ — какъ быть? Что дѣлать?

Что дѣлать! Да ѣхать, больше ничего не остается дѣлать.

Здѣсь тоска, тоска смертная, а тамъ тамъ иная жизнь, тамъ любовь, счастье.

Здѣсь некрасиво все такъ, а тамъ, съ нимъ, тамъ блескъ и изящество.

Ѣду! ѣду непремѣнно — кончено и кончено.

Онъ сказалъ ѣхать завтра — ѣду завтра. Откладывать нечего, незачѣмъ!

Мать жалко....

Бѣдная мама! прощай.... я плачу.... прощай хорошая.

Да, надо проститься съ ней....

Теперь вечеръ поздній, она спитъ: пойду къ ней въ спальню проститься; не буду будить ее....

Вотъ и спальня ея.

Спитъ родимая, спитъ.

Въ комнатѣ слышиться только дыханье спящей, да жужжанье комаровъ; лампадка нагорѣла и свѣтъ отъ нея чуть чуть освѣщаетъ ризы образовъ.

Вотъ образъ Казанской Божіей Матери, которымъ

она говорила, что благословитъ меня подъ вѣнецъ.... бѣдная.

— Мама! сказала я громко—не слышитъ....

Ну, не надо, спи, спи, спи добрая....

Какъ темно здѣсь, некрасиво и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно, свято, уютно.

Вотъ онъ, вотъ комодъ то, въ который она прятала разныя сласти отъ меня, а вотъ этажерка стеклянная съ такой хорошенькой восковой куклой, которую подарилъ мнѣ, когда я еще ребенкомъ была, покойникъ дядя и которую отобрала у меня мамаша и спрятала, чтобы я не сломала...

Прощай все....

— Ну ты мама, прощай, милая, прощай, дорогая, прощай....

Слезы ручьемъ лились изъ глазъ моихъ, когда я нагнулась и поцѣловала мать...

Она, голубушка, улыбнулась, кажется....

Ахъ, тяжело....

Чуетъ сердце недоброе, что бьется такъ....

Остаться.... остаться развѣ?

Остаться!—и въ одинъ мигъ встала въ моей головѣ громадная картина скучнаго будущаго, встала со всѣми подробностями и такими некрасивыми, отталкивающими и безъ всякихъ яркихъ тѣней....

Нѣтъ, ѣду....

И я быстро, не оборачиваясь вышла изъ комнаты....

Ну теперь, (такъ думала я) теперь все кончено, теперь нѣтъ поворота назадъ....

Соберу вещи..

Нѣтъ, надо еще проститься съ Дуняшей: она такая добрая была ко мнѣ.....

А съ Колчаномъ, съ Арабкой развѣ не надо проститься? Развѣ не они странствовали со мной по ночамъ....

Я пошла въ комнату къ Дуняшѣ — ее нѣтъ на постелѣ... гдѣ это она?

А! — она изволитъ съ Павломъ, больше ни съ кѣмъ кажется, соловья слушать...

Ну, Богъ съ ней.

Положу ей мою браслетку подъ одѣяло на память; она все нѣтъ, нѣтъ, да и вспомнитъ: а вѣдь барышня то была хорошая....

— Колчанъ! Арабка! тихо позвала я.

И мои вѣрные ночные спутники живо явились передо мною.

— Бѣдный Колчанъ! у тебя носъ горячій — ты нездоровъ? Что съ тобой....

Колчанъ помахалъ хвостомъ, чихнулъ какъ будто хотѣлъ сказать: ничего, пройдетъ,—и облапилъ меня.

Арабка-же, весело полаивая и задавая круги, будто приглашалъ на прогулку.

— Ну, прощайте, милые мои псы, прощайте.... Если я ворочусь, вы меня пожалуй не узнаете?

Я сѣла на ступеньки крыльца и обѣ собаки положили свои морды ко мнѣ на колѣни.

Ты Колчанъ — будь умникъ, не кусай Арабку, онъ маленькій, а ты большой и тебѣ стыдно; а ты, Арабка

брось свою дурную привычку бѣгать за курами и хватать всѣхъ нищихъ за ноги.

Хорошо, хорошо, будто говорили псы. смотря мнѣ прямо въ глаза.

Ну а теперь прощайте, и я поцѣловала собакъ и заплакала.

— Ну прощай Колчанчикъ, дай я тебѣ почешу за ухомъ, ты вѣдь охотникъ до этого... и тебѣ милый Арабка хочется того же... Ишь плутъ, какъ головой трется....

— Ну довольно, прощайте....

И я отправилась въ садъ; собаки весело, не поняли знать, что я прощалась съ ними, пустились впередъ.

Ну водъ и садъ: каждая то дорожка, каждая то липка, акацiя знакомы въ немъ.

Вотъ бесѣдка, гдѣ мамаша варенье варила, а я, молча поглядывая, дожидалась пѣнокъ, а вотъ гдѣ качели прошлый годъ стояли.... вотъ тутъ былъ мой садикъ, въ которомъ я маленькая сама цвѣты садила....

Все это мнѣ мило, все это мнѣ дорого, и всему этому прощай сказать надобно-...

Мило, дорого, говорю я и прощаюсь со всѣмъ этимъ, къ чему же, если это такъ, къ чему, почему?

Да потому, что это уже не ново, это уже испытано. это уже прошлое милое, дорогое, а меня ждетъ новая жизнь, новыя милыя вещи, новое будущее милое....

Я простилась со всѣмъ, со всѣми. Въ дорогу я взяла съ собой самое необходимое.

На столѣ у себя я оставила записку мамашѣ; я ей писала:

Мама!

Прости меня гадкую — я скучаю здѣсь, я полюбила человѣка хорошаго и... и я уѣзжаю. Я буду писать тебѣ мама — не сердись ты, не сердись пожалуста. Молись за меня. Я тебя право же глубоко люблю, но... но я гадкая, глупая еще...

Мы съ Волей на другой день, чуть солнце вставало, были уже на дорогѣ въ Москву.

Говорить ли о томъ, что меня занимало мое новое положеніе, что я была отуманена страстью, что я почти не вспоминала прошлаго, не понимала ни будущаго, ни настоящаго?

Не стоитъ, мнѣ кажется — говорить объ этомъ.

Люди съ сердцемъ поймутъ, что моими поступками не руководилъ разсудокъ и принявъ во вниманіе мою крайнюю неразвитость, найдутъ если не возможность извинить мой поступокъ, то по крайней мѣрѣ глубоко пожалѣть меня.

Въ Москвѣ послѣ моего пріѣзда я получила слѣдующее письмо отъ матушка:

„Пишу, чтобы сказать вамъ, сударыня, что у меня нѣтъ больше дочери, что у меня была дочь, но теперь.... теперь нѣтъ! Она убила меня старуху; опозорила сѣдины мои, опозорила честное имя отца своего и я проклинаю ее. Возврата въ домъ для нея нѣтъ, никогда, никогда. Я любила ее, я проклинаю ее.

В. Варская.

P. S. Письма я не принимаю отъ нея.

Я плакала, я рвалась домой, рвалась упасть въ ноги къ матери, вымолить у нее прощеніе—Горинъ не пускаетъ: живи въ Москвѣ.

Такъ жили мы полгода. Я начала замѣчать, что Воля сталъ сердиться на меня, сталъ не ласковъ со мною; я видимо надоѣла ему.

Разъ, это было въ февралѣ, послѣ обѣда, онъ вошелъ ко мнѣ серьезнѣе чѣмъ когда либо.

— Лиза, дѣла меня зовутъ за границу — я долженъ оставить тебя. Ты не плачь, терпѣть не могу сентиментальныхъ сценъ; я ворочусь скоро. Я оставляю тебѣ квартиру, оставляю лошадей и денегъ. Завтра я ѣду.

Сказалъ, и несмотря на мои слезы, мольбы, ушелъ.

На другой день рано утромъ, кагда я спала еще, онъ уѣхалъ не простясь со мною.

Такъ началась моя многострадальная жизнь! Здѣсь впервые я поранила свое сердце; отъ сего момента я начала губить свою молодость.

ГЛАВА II.

На содержаніи.

Уѣхалъ. Бросилъ. Насмѣялся. А я такъ вѣрила ему! Такъ думала, что и конца не будетъ счастью. И за что? За что посмѣялся надо мною? Не за то ли, что я отдалась ему всѣми восторгами первой, юной любви? Что я не размышляла, не работала головой, а слушала только неотступныхъ требованій сердца, жизни молодой....

Вотъ она неопытность-то. Глупы мы, что только сердцемъ и живемъ.

Плакала я, но и слезы изсякли.

Что буду я одна, неопытная, молодая, дѣлать?

Чѣмъ я жить буду?

Одна, въ цѣломъ мірѣ одна!

А какъ любила я его и какъ ошиблась въ немъ.

Бросилъ! за что? Развѣ я перемѣнилась, развѣ я подурнѣла?

Или глаза мои блескъ утратили?

Нѣтъ! — Я лучше стала, интереснѣе....

И всѣ они мужчины таковы: поигралъ, позабавился, и съ Богомъ.

Да и что дѣлать-то съ нами, къ чему годны мы? Не нужно насъ тебѣ, гордый, рабочiй человѣкъ! Не подруги мы твои, не товарищи въ работѣ, въ мысли. Чужда намъ жизнь твоя, для любви одной мы годны.

Прочь идутъ отъ насъ милыхъ, воздушныхъ, неземныхъ, люди труда и достаемся мы этимъ празднымъ, развратнымъ барямъ и смѣются же они надъ нами!

Надоѣла....

Горько мнѣ, охъ, какъ горько.... Не родиться бы и на свѣтѣ мнѣ.

Бѣдная моя матушка!—Прости, прости меня. Прости, пожалѣй меня гадкую, глупую. Сидишь ты теперь, голубушка моя, одна, нагорѣла твоя свѣча, слезы капаютъ на чулокъ твой, а кругомъ, кругомъ вьюга злится; рветъ ставни вѣтеръ, свиститъ вѣтеръ. Угрюма пѣсня его, тяжело тебѣ,—одна ты! Распустила ты хозяйство свое, тащутъ изъ-подъ рукъ у тебя, а тебѣ все равно; не для кого тебѣ беречь добра своего, некому приданое готовить,—одна ты! Вотъ заболѣла ты бѣдная, и чужая рука, не родимая, бережетъ тебя. Некому тебѣ, страдалица, ласки дать—озлобили тебя. Тоска гложетъ тебя. Вотъ неотвязная мысль шепчетъ тебѣ обо мнѣ и ты сердишься будто, а слеза за слезой бѣжитъ; одна ты, голубушка. Позднiй часъ, полегли всѣ и ты въ своей горницѣ спать собираешься.... стала предъ образомъ, а этимъ вѣдь образомъ стариннымъ съ каменьями ты меня на сговорѣ благословить хотѣла, и идетъ твоя

молитва о душѣ твоей, а мысль неотгонная шепчетъ, шепчетъ тебѣ о твоей дурной дочери.... И снова слезы, и снова мысли объ ней.... Помолилась ты и задумчиво сѣла на постель твою.... Не жди, не прійдетъ твоя дочь цѣловать тебя, некому тебѣ благословенье дать.... Не спится тебѣ.... одна ты!

Матушка! воротилась бы я къ тебѣ, да силы нѣтъ. Вѣдь я знаю, ты бы простила, простила бы, не хмурь лице свое доброе, простила бы....

Силы нѣтъ! Ну какъ я покажу тебѣ лице свое, какъ я взгляну на тебя.... Какъ страшно скажешь ты мнѣ: бросила меня, старуху..... промѣняла, на кого? Да, тяжело тебѣ, одна ты!... да вѣдь и я одна.... одна....

И наказана я.

Прости мнѣ.... поплачь надо мною и.... и забудь меня.

Что дала я тебѣ кромѣ горя?—Стыдъ, позоръ....

Эхъ! да идите прочь, милыя, но грозныя воспоминанія. Что теперь говорить объ этомъ.... теперь иное....

Деньги, которымъ я счета не знала, вышли скоро. Не знала я что дѣлать мнѣ, добрые люди научили: я стала закладывать вещи. Потомъ я продала экипажъ и лошадей. Какъ мнѣ жалко было моихъ кровныхъ лошадокъ, какъ я ихъ хвалила покупателю, а онъ улыбается, думаетъ, что и хвалю то я для того, чтобы подороже взять. А какой тамъ! я ихъ любила такъ.

Михайло, кучеръ, пришелъ прощаться: „прощайте, барышня, дай вамъ Богъ всего хорошаго“, а самъ

чуть не плачетъ. Я хотѣла дать ему десять рублей на чай,—не взялъ. Говоритъ: поберегите, барышня.

— Ну прощай, Михайло.

И заплакала я. Видитъ онъ мое горе, чуетъ онъ бѣду мою.

И эти деньги прошли.

Нужда стучится ко мнѣ.

Немного время прошло, какъ уѣхалъ Воля, стала я записочки получать отъ разныхъ негодяевъ. Одинъ пишетъ, что лишь только онъ узрѣлъ меня и покой его жизни нарушенъ; сожалѣетъ очень объ этомъ и въ концѣ концовъ проситъ возвратить ему утраченный покой; другой пишетъ, что онъ не зналъ до сихъ поръ, что такое любовь и страданія, но теперь... теперь увидѣвъ меня онъ понялъ высокое, святое чувство любви (какъ Воля) и онъ счастливъ, счастливъ надеждою, что я снизойду до него и раздѣлю сіе *чувству;* третій, что я мила... мила, какъ картина (о, остроуміе!), которую онъ желалъ бы носить въ сердцѣ; четвертый, что я „королевишна“ его и что поэтому, значитъ, на счетъ капиталовъ опаски имѣть не извольте.

Всѣ эти письма оканчивались, съ извѣстной точки зрѣнія, логичнымъ вопросомъ: гдѣ и какъ увидѣть меня можно.

Понятное дѣло, что я злилась, выходила изъ себя, плакала, получая подобныя письма; но что мнѣ было дѣлать?

Кому было защитить меня, кому была нужна я, собственно я, а не красота моя?

Не спорю, можетъ и нашлись бы люди, что сжалились бы надо мною, да гдѣ искать ихъ? Да наконецъ, и кто же повѣритъ мнѣ?

Знаемъ мы этихъ отставныхъ маіоровъ дочекъ, знаемъ этихъ жертвъ несчастной любви,—скажутъ мнѣ.

Нѣтъ, тѣ люди, что богаты, которые могли бы помочь мнѣ, отойдутъ отъ меня, съ усмѣшкой, съ недовѣріемъ; вѣдь они не знаютъ, что такое горе, нужда, и не поймутъ ихъ, ну а тѣ люди, что изведали нужду-то, не могутъ помочь,—бѣдняки они всѣ.... да и озлоблены ужъ очень, очень....

Передъ Святой недѣлей явилась ко мнѣ очень пожилая и на видъ очень добрая особа. Откуда она явилась, какъ она узнала про мое грустное положеніе—не знаю. Я рада была ей, я разговорилась съ нею, расплакалась. Сколько сочувствія, сколько искреннихъ словъ сказала мнѣ добрая эта особа; какъ она ругала Волю, о, какъ мнѣ это больно было слушать! и говорила, что на него плюнуть слѣдуетъ, что онъ негодяй, подлецъ.

Я рада была хоть кому нибудь высказать свое горе, хоть не одной поплакать и пригласила ее ходить ко мнѣ почаще.

Повадилась она ходить ко мнѣ почаще, и всегда помогала мнѣ.

Вотъ оно, думала я, иногда, и нашлась добрая душа и пожалѣла меня....

Я удивлялась ей; почему думала я, за что она благоволитъ ко мнѣ, что я ей?

Разъ, видя, что мои платья поизносились таки и что

мнѣ нужно весенній гардеробъ, она предложила мнѣ занять денегъ подъ вексель.

Дура была — согласилась.

Дура! а какъ не согласиться-то, откуда мнѣ еще-то взять, кто дастъ?

Она дала триста рублей.

Деньги эти,—нужда не научила меня, я быстро истратила, а срокъ векселю подходилъ.

Платонида Антоновна (такъ звали сію особу), въ день срока векселя явилась ко мнѣ и тонъ ея, какъ я замѣтила, сильно измѣнился: мягкости ни-ни. Она говорила мнѣ:

— Вы, матушка, похлопочите къ послѣ - завтрему деньги приготовить. Я женщина бѣдная: сама нуждаюсь.

— Да гдѣ же я возьму-то, Платонида Антоновна?

— Да ужъ гдѣ угодно-съ. Вѣдь вы же думали чай отдать-то мнѣ?

— Думала отдать; думала,что вотъ въ лоттерею выиграю, у меня было два билета. Вы ужъ потерпите.

— Да что толку терпѣть-то.

— Я отдамъ.

— Откуда же онѣ у васъ, деньги-то, явятся; съ неба что ли свалятся? Вѣдь въ лоттерею-то не выиграли.

— Я можетъ въ другую выиграю.

— Ну это еще бабушка на двое сказала. А вы всетаки деньги-то ужъ, сдѣлайте милость, приготовьте.

— Мнѣ негдѣ взять.

— Такъ зачѣмъ же вы брали?

— А зачѣмъ же вы давали?

— А я, матушка, думала, что вы поумнѣе маненько. Теперь же вижу, что съ вами киселя не сваришь: горды ужъ больно не кстати. Да-съ! Вы оглянитесь, матушка моя, вѣдь у васъ тутъ нѣтъ никого, ктобы помогъ то вамъ, такъ то-съ. Были бы умнѣе, такъ бы не то и было-съ.

— То-есть какъ это по умнѣе? Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Да такъ: вы молоды, вы хороши собою....

— Ну?

— У васъ нѣтъ никакихъ средствъ: нѣтъ ничего въ виду ни спереди, ни сзади....

— Ну?

— Ну, а жить-то нужно. Жизнь-то полна соблазновъ: того хочется, другаго....

— Ну?!

— Васъ видѣли хорошіе, богатые люди; вы имъ нравитесь....

— Ну-съ?

— Ну и я вамъ найду человѣка, который васъ будетъ любить, ласкать; будетъ дѣлать все, что вы прикажете. Да-съ! у меня даже ужъ есть такой.

Я была безпомощна, молода, неопытна; средствъ къ жизни не было никакихъ; около меня не было друга, не было даже просто добраго, честнаго человѣка, который бы показалъ мнѣ на ужасъ дальнѣйшаго.... Что

оставалось мнѣ дѣлать?... что? Работать.... да развѣ я привыкла къ работѣ-то? да и что же я могу работать? что умѣю?

Развѣ насъ учатъ чему нибудь дѣйствительно полезному?... учатъ чему нибудь, кромѣ искусства нравиться мужчинамъ, прилично держать себя въ обществѣ. Куклы мы бѣдныя! глупыя....

Сказалъ ли кто намъ, наконецъ, что всякій трудъ, на пользу другимъ, честенъ? сказалъ ли кто намъ, въ чемъ настоящая задача жизни женщины, въ чемъ ея гордость, сила.

Въ любви нашей, въ красотѣ *нашей*, говорили намъ.... ха! ха! Знакомыхъ, къ кому бы я могла обратиться за помощью, не было; къ матери писать я не смѣла. Да, не смѣла....

— Ну.... ну я и пустилась....

Еще разъ пришла Платонида Ивановна и уговаривала еще *убѣдительнѣе*. Мнѣ ужъ нечего ѣсть, нечего закладывать....

— Но кто же этотъ, кто покупаетъ меня, спросила я?

—О, это хорошій господинъ: лѣтъ сорока, добрый, богатый. Баловать-то васъ какъ будетъ.

— Это ужасно! это гадко!

— Э, полноте, радость моя, вѣдь такъ-то жить, во всемъ себѣ отказывая, хуже! Вѣдь вы молоды, вамъ блистать надо, жить. Плюньте, да согласитесь. Онъ и

мнѣ заплатить должокъ-то вашъ. А то вѣдь согласитесь, что я уже давно жду и мнѣ остается одно: посадить васъ въ яму.

— Неужели въ васъ нѣтъ сердца, неужели вы не сжалитесь надо мною, не потерпите еще?

— Не могу-съ, самой деньги нужны.

Бѣдное сердце! прощай моя молодость, прощайте чистые порывы души!

Усни совѣсть, усни голубушка! Я на площадь иду; ей! кто больше? подходи!

Я согласилась. Согласилась.... Безъ борьбы, безъ размышленья, скажутъ мнѣ.

Да, безъ борьбы! мое сердце мнѣ ничего не сказало: бьется глупое, ровно и знать ничего не хочетъ. Безъ борьбы! да всмотритесь въ наше сердце, когда мы падаемъ, полюбуйтесь на наши страданья! будто съ жизнью растаешься—идешь на эту дорогу! Будто другая дѣлаешься....

А размышлять, обдумывать!... да что тутъ обдумывать, какой толкъ будетъ?

Закрыла глаза на все и.... и качай!

Умереть развѣ! что жъ, все лучше....

Но да на это силу надо, силу надо на это....

А гдѣ взять ее?

Странно мы созданы: силы, смѣлости на то чтобы умереть, нѣтъ, а жить такъ, какъ мы живемъ, мы дерзаемъ!

Позоръ, стыдъ, жизнь хуже Богъ знаетъ чего, а все жить хочется. Манитъ она жизнь-то.... надежды....

Молодая, что я извѣдала въ жизни! Ничего! и не любили-то меня, какъ надобно, какъ любятъ хорошіе, честные люди. А сама-то я, любила я что ли? А? любила я....

Не кровь ли это сказалась во мнѣ, не избытокъ ли силъ? Одна, все одна.... ну, а онъ подвернулся.... Не такъ ли.

А умереть—нѣтъ! боюсь.... Можетъ вѣдь быть, кто знаетъ, и мнѣ жизнь улыбнется.

Я согласилась.

На другой день пріѣхалъ мой содержатель.

Это былъ гадкій, пошлый старикашка. Онъ безъ церемоніи поцѣловалъ меня и гнусаво, самодовольно спросилъ:

— Уходилась, красавица?

Пожалѣйте меня! поймите, что я, несчастная, вынесла! Какъ на каждомъ шагу оскорблялась моя деликатность, моя стыдливость!

Я переѣхала къ нему. Роскошь, блескъ удивительные.

Онъ накупилъ мнѣ бездну подарковъ, я требовала еще. Что жъ! продавать, такъ ужъ продавать себя дороже.

Я сдѣлалась вакханкой, я перестала быть женщиной!

На новоселье онъ пригласилъ своихъ пріятелей: хотѣлъ похвастаться мною.

Хорошая парочка, ровная.

Народу съѣхалось множество. Все это были избранные денди. Шутки, намеки пошлые, циничные, оскорбляли меня! не привыкла еще....

Я краснѣла; надо мною смѣялись! смѣялись надъ чѣмъ? надъ моею стыдливостью — надъ украшеніемъ женщины!

Жалкіе, подлые людишки!

О, зачѣмъ я не умру! Зачѣмъ моя память жива во мнѣ и рисуетъ другія картины. Къ чему тревожитъ она меня, къ чему?

Мнѣ предложили шампанскаго. Я выпила. Легче будто бы стало.

Я выпила еще,—голова кружиться стала, лице разгорѣлось. Должно быть я была очень хороша — я слышала кругомъ себя одобрительный шопотъ.

— Смотрите, говорилъ красивый молодой господинъ,— какъ горятъ глазки у Лизаветы Григорьевны, кажется такъ ваше имя?

— Да.

Мой, мой былъ внѣ себя отъ удовольствія, что нашелъ, добылъ меня. Ему завидовали всѣ.

— Спойте, что нибудь, Лизавета Григорьевна, обратился опять тотъ же молодой господинъ, фамилія котораго была князь Латовскій.

Я была почти пьяна, я согласилась. Я запѣла:

Иль можетъ быть мечты мои безумны.

И не докончивъ на половинѣ, я разрыдалась и вышла.

Мой противный за мною:

— Душка, прелесть, что съ тобою?

— Оставьте меня, оставьте меня на минуту. Не все еще продала я вамъ — мое горе — мое! дайте мнѣ выплакать его. Оставьте меня.

— Но, душка....

— Умоляю васъ! Неужели вы не поймете, что мнѣ тяжело, что страдаю я, и что вы.... вы ведете меня къ позору, къ страшной, ужасной жизни? Такъ сжальтесь же, уйдите.

— У, какая! и гадина ушла.

Какъ я плакала!

Всю ночь я молилась, всю ночь я вспоминала мать мою. Но какъ мнѣ выйти изъ этого положенія. Кто поможетъ мнѣ; кому нужна я? Имъ нужна моя молодость, моя красота — а что я страдаю — какое *имъ* дѣло! Не я первая, не я послѣдняя. Я прожила съ этимъ старикомъ три мѣсяца; я раззоряла его, я ругалась надъ нимъ, а онъ, какъ собака, которую бьютъ, лизалъ мои руки. Но что мнѣ изъ этого, — надоѣлъ онъ мнѣ, бѣда какъ надоѣлъ. Я убѣжала отъ него и.... и попала къ князю Латовскому. Иного исхода уже не было: позоръ стоялъ за мною, я сдѣлалась извѣстностью, на меня пальцами указывали.

Князь Латовскій былъ глупый, но незлой человѣкъ. Онъ забавлялъ меня, вывозилъ ь маскарады, въ театры, всюду. Разъ, я помню, отправились мы въ итальянскую оперу, шла Травіата, пѣла Фриччи.

Уже въ началѣ оперы я чувствовала себя разстроенною: положеніе Віолетты такъ подходило къ моему.

Сцена, когда Альфредъ бросаетъ ей деньги за любовь, шла живо, естественно; я тихонько плакала. Но что сдѣлалось со мною, когда я услышала восхитительную интродукцію четвертаго акта, когда скрипка, нѣжная страстная, заливалась горемъ, плакала, молила. Рыданья слышались мнѣ, тоска безъисходная. О! замолчите звуки, кончитесь! не рвите, не рвите на части моего сердца—умолкните! нѣтъ льются, льются будто и конца имъ нѣтъ, будто изъ этого горя, изъ страданій и выхода нѣту. Какъ я страдаю! Какъ близки мнѣ, какъ родны эти звуки.... а дальше, дальше „addio del passato“ и живой голосъ, страстный, могучій раздался, разлился смертельною, мрачною какъ могила, тоскою! Я плакала какъ ребенокъ.... со мною истерика сдѣлалась.

Князь былъ такъ деликатенъ, что не показывался до утра.

А утромъ.... утромъ опять началась та же жизнь, тѣ же мученія. Я изстрадалась вся, но нужно сознаться, моя чувствительность отупѣла: я стала пить.

Началось начало конца....

Вотъ и зима. Я познакомилась съ женщинами одной со мною профессіи; много было между ними еще не совсѣмъ упавшихъ, не совсѣмъ потерянныхъ. У меня устраивались вечеринки, на которыхъ плясали, пѣли. Мы часто ѣздили въ паркъ на тройкахъ. Одно изъ этихъ катаній я опишу. Мы обѣдали въ Эрмитажѣ, выпили много, моя голова шумѣла, кровь расходилась.

Тройка ждала уже насъ. Мы вышли садиться.

Свѣтлая ночь, легкій морозецъ. Тройка борзыхъ коней, звеня бубенчиками, подкатила къ крыльцу, — не стоятъ кони — озябли.

— Эхъ! родимые! крикнулъ ямщикъ и бѣшеная тройка рванула.

Живо миновали мы Тверскую, Тріумфальныя Ворота и вотъ мы въ полѣ.

Высоко и въ самой срединѣ неба, стоитъ мѣсяцъ, а кругомъ, къ низу, звѣзды безъ счета искрятся, мигаютъ.

Бѣлѣетъ, серебрится снѣгъ, залитый лучами мѣсяца; тишина кругомъ и бѣшеная, какъ буря, какъ туча, летящая тройка нарушаетъ тишь.

Летятъ кони!

Ухабъ! ахъ! и снова бѣшеная тройка, подъ свистъ и крикъ ямщика, летитъ сломя голову.

Холодный воздухъ рѣжетъ лицо, щипетъ носъ, дыханіе захватываетъ, а тройка все шибче и шибче.

Снѣжная пыль бьетъ въ лицо.

Будто дымъ голубой, серебримый свѣтомъ мѣсяца, поднимается она легкая, красивая.

Убѣлила насъ она.

Мелькаютъ деревья, сторонятся обозы, а тройка летитъ. Кричитъ удалой ямщикъ, глуше и глуше брянчатъ бубенцы. Холодно мнѣ, я въ шубу князя укуталась, цѣлуетъ онъ меня, ласкаетъ.

Трахъ! трахъ! — ухабъ, посбилась коренная, направилъ ее ямщикъ и опять несется тройка, какъ ураганъ.

— Люблю, кричитъ князь. — Сотенную на водку!

— Эге! соколики! гаркнулъ, свистнулъ ямщикъ, — гррабятъ!!!!

Но откуда же, откуда эта прыть берется? еще шибче мчится тройка.

И-ти-ти-ти-ти — катай!

Мнѣ страшно отъ этого бѣшенаго скока, душа замираетъ — но мнѣ пріятно.

— Пади! пади! кричитъ удалой ямщикъ на встрѣчу мчащейся тройкѣ.

Бухъ! ахъ! ай! ай!

И мы вылетѣли.

Хохотъ, крикъ!

Я упала лицемъ въ снѣгъ — мокро вездѣ, холодно.

Но вотъ и Стрѣльна. Мы подъѣхали.

Цыгане были тамъ. Князь спросилъ вина; я выпила, озябла. Хоръ цыганъ вошелъ въ комнату. Женщины сѣли, а мущины помѣстились сзади.

— Ну-ка, Катерина Михайловна, спой мнѣ: „Скажи душою откровенной„ любила-ль ты когда нибудь ‟командовалъ князь.

Нѣсколько стройныхъ аккордовъ и пожилая уже цыганка запѣла.

Прелестный, полный огня контральто раздался. Сколько умѣнья, какая страсть! Эта цыганка — волшебница! она мертваго разбудитъ, гранитъ расшевелитъ. Гремитъ пѣсня, контральто ниже и ниже сходитъ и наконецъ замираетъ въ безнадежномъ вопросѣ; „Скажи ты мнѣ?‟

— Браво! браво! дивно! я бросилась и расцѣловала цыганку. — Еще что нибудь.

Катерина Михайловна запѣла:

Любила-ль я твои глаза....

Я вспомнила Волю. Я вспомнила прошлое, слезы дрожали на глазахъ моихъ, а Катерина Михайловна пѣла безпощадно — хорошо пѣла. Сколько чувства, Богъ мой!...

— Замолчите, замолчите, голубушка! кричала я.

— Ну вотъ, сказала улыбаясь, и видимо довольная моими похвалами, Катерина Михайловна, пускай вамъ Липочка споетъ Долю. Хорошенькій очень романсъ.

— Ну, пой Липа! приказывалъ князь.

Маленькая, ребенокъ еще, и такая плутовка, цыгаганочка запѣла.

Голосъ хорошій, славный голосъ, и глазки такіе, что бѣда, но.. чувствъ не имѣется, нѣту; чтобы пѣть хорошо Долю нужно знать, что такое любовь, каковы бываютъ страданья и проч. и проч.

Она допѣла, но эта пѣсня меня не тронула.

Я просила Катерину Михайловну еще что нибудь спѣть.

— Устала я голубушка; вотъ пускай Маша — „Разставаясь" споетъ.

— Ну спой Маша — „Разставаясь."

Чудо, что это за цыганка Маша! Будь я мужчина — я бы съ ума сошла отъ ея глазъ, отъ взгляда ея. Цѣлыя поэмы любви говорятъ эти взгляды и любви бѣшеной, любви, которая не знаетъ идиллій, которая не хочетъ луны и трелей соловья, а жаждетъ одного поцѣлуя.

Чудная женщина эта Маша, чудная!

Въ эту красавицу влюбленъ, какъ говорятъ, извѣстный въ Москвѣ истасканный селадонъ Бичевъ — пожалѣемъ объ немъ.

Ну и спѣла же она! спѣла!

Сколько выраженія, страсти великой вложила она въ слова:

Одному лишь тебѣ дозволяла
Цѣловать мои смуглыя плечи!

Дивно! дивно!

Я была внѣ себя: мнѣ хотѣлось и цѣловать, мнѣ хотѣлось и плакать.

Я готова была залиться слезами.

Князь видѣлъ, что я расчувствовалась и велѣлъ веселую.

Цыгане запѣли „Ивушку“.

Пѣсня идетъ сначала тихо, но потомъ темпо ускоряется, скорѣй, скорѣй и переходитъ въ дикую, безумную, полную удали, молодечества пляску. Молодой цыганенокъ, вертлявый, живой, выскочилъ впередъ и началась пляска; молодая, красивая Домаша, какъ пава, граціозно покачиваясь и подергивая плечами — стала противъ него. Хоръ гремѣлъ. Движенія пляшущихъ дѣлались быстрѣе, циничнѣе....

Послѣ я пила еще.... послѣ я была пьяна.

И съ княземъ я жила не долго, онъ воротился какъ-то разъ домой пьяный и ударилъ меня. На другой день— я ушла отъ него.

До чего, до чего я жалкая дожила: бьютъ по лицу меня!!

Послѣ князя я еще жила съ двоими и мнѣ мое положеніе не казалось уже столь ужаснымъ.

Я начинаю втягиваться!

Страшное слово, — страшная дѣйствительность!

Я заболѣла — простудилась.

Горячка продержала меня въ постелѣ два мѣсяца; я долго была безъ памяти и когда я очнулась, я была одна, обожатель мой уѣхалъ куда-то, оставивъ мнѣ довольно большой кушъ денегъ.

Что мнѣ дѣлать, что?

Да что! вѣдь я перестала быть женщиной: я вакханка.

Итакъ я продолжаю начало конца.

ГЛАВА III.

Сама по себѣ.

Опять я одна; но теперь обстоятельства иныя: у меня есть деньги, есть бездна дорогихъ вещей.

И мнѣ захотѣлось пожить, захотѣлось любви поискать, или, лучше сказать, не любви, а наслажденій.

Независимости хотѣлось мнѣ.

Я наняла блестящую квартиру, завела лошадей, экипажи, прислугу. Мнѣ было не скучно; прошлое отошло отъ меня, рѣдко тревожило меня.

Я была хороша еще!

Бывало смотришь въ большое венеціанское зеркало: статна-то какъ, свѣжа! Такъ и хочется поцѣловать свое плечико.

Денегъ много — я давала вечера. На вечера эти собиралась знатная молодежь, знаменитыя камеліи.

Пили, хохотали.

Въ числѣ приглашенныхъ бывали и мои старые любовники. Я не брезгала ими: они меня дарили иногда.

Разъ на Рождествѣ у меня была вечеринка. Шутки, остроты такъ и лились. Мнѣ почему-то было скучно.

— Господа, кричалъ мой бывшій князь,—какова Лиза-то: швейцара завела!

— Драконъ добродѣтели, кричалъ ему другой кто-то, охраняющій яблоки Гесперидъ!

Захохотали.

— У меня послѣ завтра вечеръ, говоритъ высокая, статная Адель, — я васъ приглашаю къ себѣ, господа!

— А кто будетъ у тебя? раздались голоса.

— Мои пріятели.

— Значитъ весь свѣтъ?

— Нѣтъ, по одному отъ каждаго племени, съострила Адель.

— Виноватъ, сударыня, я не зналъ, что вы женщина международная.

— Но кто же именно, спросила я.

— Одинъ изъ твоихъ друзей, отвѣчала Адель.

— У меня ихъ нѣтъ.

— Ну такъ одинъ изъ твоихъ враговъ.

— У меня ихъ столько, что я ихъ и не знаю.

— Сама виновата: все по одному, да по одному любовнику; а ты ихъ сотню заведи.

— Значитъ у тебя, Адель, враговъ нѣтъ?

— Браво! Лиза, браво! смѣялись мои гости.

— Ну, чтожъ такое, отвѣчала Адель не смущаясь, il faut que jeunesse se passe! Что за женщина, которая не смѣетъ этого сказать!

— Скажи, замѣтилъ кто-то, что за вакханка!

— Fallait pas qu'il y aille! пѣла смуглая, красивая Вѣрочка Алкина, кокетничая съ двумя франтами.

— О, Вѣрочка! о божество мое, говорилъ Ватковъ.

— Большое божество, смѣялась она.

— Я.... я люблю тебя.

— Ну, такъ убирайся къ чорту и налей мнѣ вина.

— Воды прикажешь налить въ вино?

— Дуракъ! невѣжа! хохотала Вѣрочка.—Воду въ вино! да это платонизмъ въ любовь.

— Ха! ха! ха!

— Вѣрочка, продолжалъ Ватковъ,—я тебѣ браслетъ привезу.

— А, это дѣло другое: ты можешь пріѣхать ко мнѣ смотрѣть, какъ солнце садится.

— А твой-то также?

— Гм! онъ будетъ любоваться на восходъ его.

— Пусти! чортъ тебя возьми, болванъ! раздалось въ передней.

Въ отвѣтъ на мой вопросъ влетѣлъ къ намъ въ залу молодой, высокій брюнетъ. На немъ былъ охотничій костюмъ, хлыстъ въ рукѣ. Онъ былъ выпивши и взошелъ въ залу не снимая шляпы.

— Шляпу долой, закричалъ, какъ бѣшеный, князь, и что вамъ угодно, сударь?

— Что угодно? говорилъ незнакомецъ, все еще не снимая шляпы,—а угодно мнѣ видѣть хозяйку дома!

— Я! что нужно вамъ?

— Солгали мнѣ, сударыня, говорилъ онъ, снимая

шляпу и низко кланяясь. — солгали: мнѣ сказали, что вы только хорошенькая!

— Ну что-жъ изъ этого? спросила я, невольно заинтересованная этимъ страннымъ господиномъ.

— Да то, что они всѣ слѣпы: вы красавица. Вѣрите ли вы, belle Lise, фатализму?

— Да, если угодно, отвѣчала я. — Я вѣрю потому, что никогда не знаю, что я буду дѣлать.

— Такъ я вамъ скажу вотъ что: я слышалъ объ васъ давно, вы давно меня интересовали; я не зналъ, какъ къ вамъ попасть и, представьте себѣ, сегодня я къ вамъ попалъ совсѣмъ нечаянно. Ѣхалъ мимо: гляжу свѣтло, слышу хохотъ, взошелъ, спросилъ у швейцара, кто живетъ здѣсь и я у васъ, если не выгоните.

— Очень пріятно. Но вѣдь я васъ не знаю.

Онъ мнѣ подалъ свою карточку.

Знакомство завязалось живо. Это былъ Борисъ Петровичъ Ординскій.

Я вглядѣлась въ него: это былъ красавецъ, какихъ двухъ нѣтъ: румяный, чудные голубые глаза и масса черныхъ, какъ крыло ворона, курчавыхъ волосъ. Статенъ, какъ Аполлонъ.

Бесѣда, прерванная на минуту, полилась опять,

Ординскій съ меня глазъ не сводилъ. Вино лилось рѣкой. Въ пустую, отъ цвѣтовъ, вазу налилъ Ординскій больше бутылки шампанскаго и подойдя ко мнѣ, выпилъ почти залпомъ.

— За саму грацію, за васъ! крикнулъ онъ, опускаясь блѣдный и совсѣмъ пьяный на кресло. Dieu! слышалось

мнѣ шепталъ онъ, глядя на меня: — cette grâce plus belle encore que la beauté!

Мнѣ это было пріятно. Я улыбнулась.

— О женщина, дважды женщина! Какъ я тебя понимаю, подцѣпилъ меня на этой самодовольной улыбкѣ старый фельетонистъ Бановскій.

— Ну и понимайте, отвѣчала я.

— И понимаю! смѣялся противный сѣдой Бановскій. Мы.... мы можемъ дать только то, что имѣемъ, я говорю про мужчинъ, а вы, вы хотите дать, дать этому мосье Ординскому (сей послѣдній дремалъ на креслѣ) то чего у васъ нѣтъ!

— Что же это такое? спросила я.

— Вы хотите дать ему любовь.

— Ха-ха-ха! смѣялась Адель, Бановскій строгъ, но справедливъ.

Я разсердилась: глупыя шутки.

Сѣли играть въ карты. Я проигрывала, князь выигрывалъ. Игра шла серьезная. Я такъ увлеклась игрой, что и забыла про Ординскаго, вдругъ слышу:

— Зельтерской воды! приказываетъ Ординскій лакею.

Меня это взбѣсило. Онъ хозяйничаетъ какъ у себя дома.

— Мосье Ординскій, сказала я, — вы можете продолжать пить и не здѣсь.

— Простите, тысячу разъ простите: забылся.

Онъ выпилъ зельтерской воды и подошелъ къ столу. Игра продолжалась.

— Сколько въ банкѣ? спросилъ онъ.

Князь, который металъ банкъ, остановился и счелъ:

— Семь тысячъ.

— Дама — va banque! крикнулъ Ординскій.

Мы остановились играть. Князь началъ метать.

— Дама бита, холодно проговорилъ князь, доканчивая талію.

— Дама va banque, повторилъ Ординскій, не спуская глазъ съ меня.

— Бита! крикнулъ князь, блѣдный, торжествующій.

— Баста! проговорилъ Ординскій. — Загадалъ — не сдается дама, а жалко.

А самъ все смотритъ на меня:

— Вамъ не угодно продолжать больше? какъ-то ядовито спросилъ князь.

— Виноватъ, виноватъ! Кажется, двадцать одна тысяча?

— Точно такъ.

— Не угодно ли получить, и онъ отсчиталъ князю деньги. — Хорошо бы было если бы правда была: кто несчастливъ въ картахъ....

— Счастливъ въ любви? подхватила Адель.

— Именно.

Игра продолжалась снова. Ординскій сѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Я начала выигрывать.

— Поставьте даму, сказалъ онъ. — Я слѣжу за игрой.

Я поставила и взяла.

— Поставьте опять даму.

Я опять взяла.

— Что вы сами не играете? спросилъ князь.

— Я бы игралъ, отвѣчалъ Ординскій, — но я теперь какъ король Араукановъ: генералъ безъ солдатъ.

— Угодно вамъ денегъ? спросила я.

— Никогда — отъ женщины.

— Я съ удовольствіемъ повѣрю вамъ, сказалъ князь.

— Не въ моихъ правилахъ игра безъ денегъ.

Игра продолжалась. Вѣрочка выигрывала страшно.

— Вотъ счастье! замѣчали ей.

— Это всегда такъ у ней, замѣтилъ князь.

— Она недумаетъ, вставилъ кто-то: ni d'où vient l'argent ni où va la vertu.

— Ну, это глупо, отрапортовала Вѣрочка, — и махрово глупо.

Наконецъ игру кончили.

Ужинъ стоялъ на столѣ.

Сѣли. Разговоръ шелъ бойко, остро. Ординскій овладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ; остроты такъ и сыпались. Заговорили о какой-то Бланшъ.

— Я не знаю ее, замѣтила я.

— Ну, а я, началъ Ординскій, — знаю ее хорошо. Это женщина красивая, не глупая, У ней была и душа, но никогда не было совѣсти.

— Кто она?

— Высокая женщина! Явилась она неизвѣстно откуда и отправилась туда же — то-есть умерла. Да какъ умерла-то! — влюбилась и отравилась!

— И вы ее хорошо знали? спросилъ князь.

— Какъ вамъ сказать? видалъ я ее и прежде, а позна-

комился я съ ней такъ: иду я по Кузнецкому, она мнѣ на встрѣчу и расхохоталась. Чему ты смѣешься? спросилъ я. „Чему же мнѣ плакать,“ отвѣтила она. Меня поразила эта логика. „Куда ты идешь?“ продолжала она. Прямо. „Намъ значитъ по дорогѣ; возьми мою руку.“ Я взялъ. Меня здѣсь никто не знаетъ, а стало быть я себя компрометировать не могъ, ну и она себя тоже не могла: ее слишкомъ хорошо знали.

— Вы злы, мосье Ординскій, замѣтила я.

— И есть за что-жъ! Эта женщина воображала, что къ ней должны падать деньги, какъ падаютъ лучи солнца на розы; какъ должна свѣтить луна влюбленнымъ и какъ должны ручейки бѣжать въ рѣку. О, ее забыть трудно!

— Но отчего же она умерла?

— Да влюбилась и влюбилась въ господина, у котораго денегъ—никакихъ! А онъ труженикъ, гордый человѣкъ. Прошлое ея забыть нужно было ему, чтобы полюбилъ ее и онъ.... онъ не полюбилъ ее.

— И вамъ не жаль ее? спросила я.

— Жаль, очень жаль! Нѣтъ той падшей женщины, которая не могла бы снова стать добродѣтельной! Да.... а она полюбила. Полюби она меня....

Онъ не договорилъ. Не любилъ ли ужъ онъ ее?

Грустно настроилъ этотъ разговоръ общество. Стали разъѣзжаться.

— Часовъ здѣсь нѣтъ, говорилъ Бановскій осматриваясь, и это не даромъ: не нужно, думаетъ хозяйка, чтобы знали сколько здѣсь времени теряютъ.

— А вы развѣ изъ тѣхъ, щипнула я его, которые теряютъ что нибудь?

— Это очень жаль, перебилъ Ординскій, что у васъ нѣтъ часовъ: намъ нѣтъ возможности счесть минуты счастья.

— О, это ужъ чрезъ чуръ жалостно, отозвалась Адель.

Прощаясь, Ординскій просилъ позволенія бывать у меня.

Уѣхали. Легла спать. не спится. Что это за личность Ординскій? Нахалъ, кажется, большой. А впрочемъ, чѣмъ же нахалъ-то? Къ намъ, женщинамъ съ торгу продающимся, можетъ явиться всякій и въ какомъ угодно видѣ? Да, вѣдь онъ сегодня заплатилъ и хорошо заплатилъ за знакомство со мною. А хорошъ, безсовѣстно хорошъ.

Неужели онъ любитъ эту Бланшъ? Вѣрно такъ. Но зачѣмъ же онъ такъ зло говорилъ объ ней?—Вѣрно досадно, что не его полюбила? или можетъ быть она грабила его ужъ черезъ чуръ?

Нѣтъ той падшей женщины, говорилъ онъ, которая не могла бы быть снова добродѣтельной: полюбила сердцемъ и опять прежній міръ поэзіи, чистой любви открылся передъ нею.—Хорошо бы мнѣ найдти сердцу утѣху....

Сны какіе хорошіе снились, когда я заснула....

На другой день, я только что еще встала, явился Ординскій. Я приняла его въ будуарѣ.

Что *намъ* церемониться. Что за стыдъ у нашего брата камелій!

— Вы пріѣхали, начала я, указывая ему на стулъ, немного не во время и сами виноваты, если вамъ придется присутствовать при моемъ туалетѣ!

— Лизавета Григорьевна, отвѣчалъ онъ, каждый долженъ почесть за счастье присутствовать при туалетѣ богини.

— Богини, чего?

— Красоты! любви!

— Много чести.

— Не скажите. Я жилъ сильно, я видѣлъ много, но клянусь вамъ, я не видалъ такой красавицы какъ вы! Говоря, вчера, что мнѣ солгали — называя васъ только хорошенькой, я не такъ выразился: васъ оклеветали передо мною.

Глупыя мы! намъ такъ часто говорятъ подобныя фразы, а мы все-таки рады, да, рады ихъ слушать.

— Вы большой льстецъ.

— Глаза мои можетъ быть обманываютъ меня, но я,... я говорю про то, что вижу.

— У васъ у мужчинъ все ложь: и ваши глаза лгутъ вамъ.

— Пускай они лгутъ мнѣ, я ихъ благословляю за эту ложь: я наслаждаюсь.

— Однако же вы долго можете говорить любезности.

— Не любезности, а истину. О, если бы я продолжалъ говорить вамъ ее — я бы состарѣлся.

— Или бы меня состарѣли: вѣдь ужъ это надоѣло.

— Надоѣло! надоѣло! Да, это необходимо: извѣстный предметъ вызываетъ извѣстныя ощущенія, наводитъ на извѣстныя мысли. Чтобы люди молчали вамъ о вашей красотѣ, нужно чтобы они были слѣпы. Вы поразительно хороши и не сказать вамъ этого нельзя, какъ нельзя удержаться отъ стона, чувствуя мучительную боль.

— Будь другая на моемъ мѣстѣ, она бы пожалуй повѣрила вамъ, увлеклась бы вашими фразами.

— Будь проклятъ тотъ или тѣ, простите мнѣ *это—тѣ*, которые заставили думать васъ, что только ложь выходитъ изъ насъ. Они, жалкіе, не понимали красоты.

— Нашолся цѣнитель ея—вы.

— Я бѣднякъ чтобы оцѣнить ее!

— Вы перевертываете фразу.

— Нѣтъ, я даю ей настоящій смыслъ.

— То есть, что-же это такое?

— А это значитъ то, что я бы купить васъ былъ не въ состояніи. Я бы и не хотѣлъ этого.

— Что же вамъ угодно?

— Что мнѣ угодно бы было? васъ всю, всю, и съ вашимъ умомъ, и съ вашимъ сердцемъ, и съ вашимъ дивнымъ тѣломъ.

— Ну, это дѣйствительно трудно.

— Пойдете вы, почти закричалъ онъ, какъ-то бѣшено, сердито, пойдете ко мнѣ на содержаніе? нѣтъ? нѣтъ!

— Нѣтъ.

— А къ другому? вѣдь тоже нѣтъ?!

Тревожно задалъ онъ мнѣ этотъ вопросъ.

— И къ другому—нѣтъ. Довольно мнѣ мучить себя; довольно насиловать свои чувства. Я богата почти! Я хочу на эти деньги, деньги за мой стыдъ, за мое униженіе. — дорого доставшіяся деньги!—пожить немного и сама, воротить если не счастье, то хоть покой!

— Хорошія слова, только изъ дурнаго источника!

— Какъ это? Я васъ не понимаю.

— Да такъ: вы хотите пожить на тѣ деньги, которыми купленъ вашъ стыдъ, вашъ позоръ! А хорошо-ли это будетъ? Не будутъ-ли онѣ напоминать вамъ про ваше прошлое? Не будутъ-ли онѣ жечь ваши дивныя руки? Не будутъ-ли онѣ вамъ напоминать, когда счастье улыбнется вамъ, какою цѣною вы купили это счастіе?

— Такъ что-же дѣлать мнѣ?

— Бросьте ихъ, сожгите, бѣднымъ отдайте и....

— И?...

— Найдите себѣ работу. Я помогу вамъ въ этомъ. Я подниму васъ вновь на высоту! Вы опять сдѣлаетесь женщиной и перестанете быть вакханкой!

— Слова, однѣ слова....

— Нѣтъ, не слова. Мнѣ жаль васъ: вы молоды, прекрасны? Къ чему губить себя и свою молодость.

— Да чѣмъ же губить?

— Да развѣ вы найдете въ жизни и любовь и уваженіе.

— Да развѣ это мыслимо! Развѣ это возможно! Поздно и любовь и уваженіе вмѣстѣ! За мною стоитъ мое позорное прошлое, а его, какъ дурную книгу, нельзя

закрыть и бросить въ огонь! Нѣтъ! А это было бы прекрасно....

— Къ черту прошлое, когда есть будущее!

— Будущее! Уйдите! вы отъ меня, уйдите! Къ чему вы тревожите старыя больныя раны, къ чему говорите о невозможномъ! Не сами ли вы вчера, разсказывая о Бланшъ, сказали, что она полюбила, но ей на любовь ея не отвѣтили.

— Я сказалъ это, но я сказалъ и другое что то; я сказалъ—нѣтъ той падшей....

— Знаю, знаю, что вы сказали....

— И это вѣрно.

— Нѣтъ и нѣтъ! Воспоминанія, какъ занозу, вырвать нельзя. Я не могу забыть своего прошлаго, значитъ и другой, зная это прошлое, не въ состояніи вырвать эго изъ своего ума.

— Такъ, но вѣдь нѣтъ преступленія, которое не искупалось бы наказаніемъ, а наказаніе не вызывало бы забвенія этому преступленію, сожалѣнія преступнику.

— О, лучше ненависть, чѣмъ сожалѣніе.

— Не говорите этого: не вынести вамъ ненависти!

— Вынесу: я перенесла мой позоръ, перенесла горе, проклятіе матери, вынесу и ненависть.

— Такъ къ чему страданья, вѣчная глухая борьба? Вѣдь вы жить хотите? Или вамъ нравится ваше положеніе?

— Нравится! Злое слово! Да знаете-ли, какъ я страдаю подъ смѣющейся маской куртизанки? Нѣтъ, вы

не знаете, да и не поймете этого. Вѣдь смѣхъ мой, это моя кираса въ битвѣ съ жизнью—и я бьюсь!

— Такъ значитъ иной жизни вы не хотите? Не хотите ничего, кромѣ любви для любви!

— Хотѣла бы, да не вижу возможности. Къ чему годна я? къ какой работѣ? Да и выдержу ли я, если найдется такая! Куда мнѣ: я облѣнилась, я превыкла къ извѣстной обстановкѣ. Не выдержу я! Пропадай все! Если нельзя найдти любви и уваженія вмѣстѣ, то нужно брать то, что даетъ жизнь!

— И это ваше послѣднее слово? И вы думали надъ тѣмъ, что вы говорите?

— Да, послѣднее. Думай не думай — все одно? Полнаго счастья я не найду, я можетъ никакого счастья не найду, но я буду бороться. Мнѣ дала, вы сами это сказали, природа большую силу и для любви и для мести! Хороша я?

— Дивно, страшно хороша!

— Мстить вамъ, гадкіе мужчины, могу?

— Смертельно.

— Ну, я буду мстить.

— Ухожу я отъ васъ! боюсь я васъ!

— Прощайте и помните, что я скажу вамъ: для однѣхъ женщинъ любовь — это деньги, для другихъ любовь—это не болѣе какъ курьезъ, для меня любовь — это любовь. Попомните это. Прощайте.

— Прощайте. Не хочу я съ вами встрѣтиться.

Онъ ушелъ убитый, разстроенный.

Что это за человѣкъ? Что онъ хочетъ отъ меня? Неужели онъ любитъ меня!

Любитъ! ха! ха! Знаемъ мы васъ, бонъ-виваны! Слышала я про эту любовь по первому абцугу! ха! ха! И всѣ мы одинаковы, какъ Воля, который взглянулъ на меня и новый міръ тотчасъ открылъ, такъ и всѣ. Знаемъ мы васъ, мореплаватели, Колумбы!

Найдти любовь! Ну, найду ее, хорошо. Что-же дальше? Привяжется глупое сердце, захочетъ невѣдомо какихъ восторговъ и найдетъ.... найдетъ одинъ цинизмъ! Одно желанье поиграть въ хорошенькую куколку.

Нѣтъ, гоняться за невозможнымъ нечего. Нужно жить такъ, какъ будетъ житься: впередъ не загадывая.

Черезъ нѣсколько дней я была ва вечеринкѣ у Адель. Собралась почти таже компанія. Ординскаго не было.

— Ну что этотъ чудакъ, Ординскій, былъ у тебя? спрашивали меня.

— Былъ одинъ разъ, отвѣчала я, прочелъ проповѣдь, я не вняла ей и онъ уѣхалъ.

— Какой это Ординскій? вмѣшалась хорошенькая смугляночка Милла.

Ей объяснили.

— Знаю я его, продолжала она, славный господинъ. Недавно я была въ паркѣ, у Юля, у цыганъ; пріѣзжаетъ Ординскій одинъ и съ нимъ куча какихъ то

женщинъ. Пьянъ какъ молнія! Запѣли ему цыгане, онъ кричитъ все — громче! громче! Тѣ орутъ во всю глотку, а онъ все кричитъ: громче! Женщины эти, съ нимъ, жалкую роль играли: пей, да пей! только и разговору съ ними. Пріѣзжаетъ какая-то компанія еще. Пошелъ разговоръ. Заговорили о тебѣ, говорила Милла, обращаясь ко мнѣ, онъ сталъ прислушиваться. Одинъ изъ пріѣхавшихъ говоритъ: хороша эта бестія Лиза Варская, да дорога ужъ очень. (Разговоръ шелъ по-французски). А какъ? спросилъ другой. Да никакъ! ввязался Ординскій: elle est tout une, elle se donne et ne se vend pas! Съ какихъ это поръ? спросили его. Да съ тѣхъ самыхъ, отвѣчалъ онъ, какъ это такъ. Однако.... Пошелъ споръ, надъ Ординскимъ стали острить. Онъ слушалъ, слушалъ, а самъ все молчитъ, да какъ крикнетъ: вонъ, негодяи! Если бы ты Лиза видѣла, какъ онъ былъ грозенъ въ эту минуту, какъ онъ красивъ былъ.

— Ну! ну!

— Они всѣ вышли, они испугались его. Одинъ изъ этой компаніи подошелъ къ нему и спросилъ его карточку. Ординскій подалъ.

— Дальше что? спрашивала я.

— Дальше? Онъ выпилъ еще вина, крикнулъ женщинамъ: и вы твари вонъ, вотъ вамъ деньги! — и задумался. Долго, долго сидѣлъ онъ задумавшись и все пилъ. Блѣдный такой сталъ. Потомъ увидавъ меня, подошелъ ко мнѣ и говоритъ: ей ты! поѣдемъ со мною. Скучно мнѣ одному. Лаинъ, который пріѣхалъ со мною,

всталъ и говоритъ ему: она съ вами не поѣдетъ. Онъ не слушаетъ его и снова говоритъ мнѣ: „вакханка! я обклею тебя радужными, поѣдемъ со мной.“

Какъ было устоять противъ этого соблазна, да и красивъ же....

— Ну? спрашивала я.

— Ну я и уѣхала съ нимъ.

Не то, что больно мнѣ было, слыша это, а какъ-то досадно. Ссора изъ-за меня. Что бы это значило? Вѣдь не въ самомъ же дѣлѣ онъ полюбилъ меня. Дуэль еще пожалуй будетъ? Интересно. Вотъ каковы они мужчины: увидалъ разъ и подавай. А вѣдь не глупъ онъ! Смѣлая, широкая натура! Что передъ нимъ эти франтики? Щелчкомъ онъ ихъ всѣхъ перешибетъ.

Какъ-то нравятся намъ женщинамъ мощные, смѣлые люди. Обаяніе въ нихъ есть какое-то, или это слѣды романовъ? герои нужны намъ. Да вѣдь и красиво положеніе-то: молодъ, красавецъ, разъ только видѣлъ меня и жизнь копѣйка для него! Онъ сказалъ, что онъ меня боится, да. А что значитъ это? Значитъ это то, что онъ гордъ дьявольски: его страшитъ возможность, что я не полюблю его! Каковъ? Ну да объ этомъ послѣ.

— Что задумалась, Лиза? спросила меня Вѣрочка.— Или Ординскій задѣлъ? Ну чтожъ, онъ твой, онъ влюбленъ въ тебя. Богъ мой! да понравься я ему, я бы не

задумалась ни на минуту бросить своего толстяка. Какъ онъ мнѣ надоѣлъ: смотритъ изъ подлобья, точно выстрѣлить хочетъ. Да къ тому же ты вѣдь свободна теперь.

— Не таковскій это баринъ, Вѣрочка, отвѣчала я.

— Высшее существо чтоли?

— Не то.

— Ну такъ и думать объ немъ нечего

— Да я и не думаю.

— Господа, кричалъ Вася Датенковъ, — приглашаю васъ каждаго сказать по глупости.

— Идетъ.

— Ну-съ.

— Вы очень умный человѣкъ, бухнула Адель.

— Браво! браво!

— А вы, отвѣчалъ Датенковъ, — очень добродѣтельная дама.

— Bis! bis!

— Я скажу, старался князь, — что на свѣтѣ нѣтъ ничего глупѣе любви!

— А я скажу, проговорила я, — что я вѣрю въ любовь.

— Вотъ это кровная глупость! смѣялась Адель.

— Я, господа, сказала Вѣрочка,—скажу, что Бановскій глубоко понимаетъ то, что онъ пишетъ въ своихъ фельетонахъ; что онъ въ нихъ одну святую правду говоритъ.

— И это не дурно.

— Если я буду, отвѣчалъ Бановскій,—писать и хвалить Вѣрочку,—я не лгать буду.

— Это предположеніе положительно глупо, замѣтилъ кто-то.

— Да это, господа, замѣтила я, — все неправды, а не глупости.

— Вѣрно.

— Что же касается до глупостей, говорила Милла,—то намъ ихъ нечего стараться говорить. Не правда ли, князь?

— Совершенно вѣрно, сударыня, отвѣчалъ князь.—Мы съ вами два сапога....

— Скажите, князь, сапогъ и туфля.

— Знаете, господа, прервала Адель, что намъ бы не мѣшало сегодня въ паркъ проѣхаться; можетъ быть, Ординскаго увидимъ и пассажикъ легонькій какой нибудь при этомъ. А?

— Что жъ идетъ, господа.

Поѣхали.

Все можетъ надоѣсть, надоѣлъ мнѣ и бѣшеный скокъ тройки, да и грязно же было.

Хорошо бы, думала я, увидать Ординскаго. Почему хорошо, я не могла себѣ дать отчета. Не потому ли, что онъ заступился за меня? А что если онъ будетъ драться на дуэли и его убьютъ? Жалко будетъ? Нужно бы это узнать какъ нибудь. Я бы разстроила

эту нелѣпую дуэль. И что за причина? сказали обо мнѣ то, на что имѣютъ полное право. Да полно, это ли причина-то? Надоѣла ему вѣрно жизнь, извѣдалъ онъ все въ ней, надежды наполнить чѣмъ нибудь ее— нѣтъ, ну онъ и придрался. А что если я ему въ самомъ дѣлѣ нравлюсь? да быть не можетъ. Красивъ онъ, красивъ. Люби его такъ, какъ ему хочется! да я не могу, не хочу. Да.... не хочу....

Вотъ мы пріѣхали.

Въ передней, когда мы раздѣвались, изъ залы слышалась бойкая тарантелла. Пригожевъ, музыкантъ въ этомъ ресторанѣ, человѣкъ со смысломъ.

Мы вошли и первое, что бросилось въ глаза — это Ординскій, безъ сюртука, отплясывающій тарантеллу. Онъ не обратилъ на насъ вниманія и продолжалъ свое дѣло. Горячо, красиво, страстно плясалъ онъ: черные волосы размѣтались, точно вѣтеръ поднялъ ихъ, глаза горятъ, и быстрыми движеніями такъ и манятъ къ себѣ. Странный человѣкъ! красивый человѣкъ!

— Браво! браво, Ординскій! закричали мои товарки.

Онъ остановился, взглянулъ на насъ, будто сконфузился немного, увидавъ меня, и надѣлъ сюртукъ.

— Италію, господа, вспоминаю. Да и скучно: нужно подурачиться.

— Хороша Италія, засмѣялась я, — снѣгъ и грязь!

— Да вѣдь я только вспоминаю ее, Лизавета Григорьевна. Бывало, какъ выйдетъ это — черноглазая

шельма, топнетъ ножкой, да какъ змѣя начнетъ изгибаться,—такъ отдай все. А кругомъ-то виноградники, а сверху-то небо голубое.... Эхъ! любить бы я хотѣлъ тамъ. Человѣкъ, вина! Господа, позвольте мнѣ угощать васъ.

— Ни-ни! сказалъ князь.

— Господа, я въ долгу передъ всѣмъ вашимъ обществомъ, въ особенности передъ Лизаветой Григорьевной, къ которой я ворвался незваный и непрошеный.

Онъ угощалъ насъ.

Вино расшевелило кровь: пѣсенъ, шуму захотѣлось.

— Спѣть бы что нибудь, замѣтила я.

— Человѣкъ,—гитару, крикнулъ Ординскій. — Позвольте, господа, мнѣ спѣть одну дивную вещицу божественнаго Глинки.

Гитару подали, онъ запѣлъ:

Я помню чудное мгновенье
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетнос видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Поетъ, а самъ глазъ отъ меня не отрываетъ. Мнѣ даже какъ-то неловко стало.

Пѣлъ онъ съ большимъ чувствомъ, всѣ въ восторгѣ были.

— Еще! еще! что нибудь, просила компанія.

Адель, Вѣрочка, Милла такъ и впились въ него глазами.

Я хотѣла не смотрѣть на него. Не могу: такъ и тянетъ.

Два, три красивыхъ аккорда и онъ началъ:

Полночный пиръ;
Шальныя рѣчи;
Бокалы въ дребэзги летятъ,
Покровы прочь!
Открыты плечи
Язвитъ и жжетъ горячій взглядъ!

— Браво! браво! кричала публика.

— Ура! кричалъ князь.

— Вина! вина! и вина! закричала я.

Мы пить будемъ.
И кутить будемъ!
Когда смерть прійдетъ
Помирать будемъ.

Пѣлъ князь.

— Да, пить! пить! Вы будете? спрашивалъ меня Ординскій.

— Море выпью! отвѣчала я съ восторгомъ, любуясь имъ.

Пили много, болтали еще больше.

Ужъ разсвѣтало.

— Мнѣ пора! закричалъ Ординскій.—Да и надоѣли вы мнѣ всѣ! Противны мнѣ—всѣ! всѣ! Ты въ особенности!—Да, ты, ты въ особенности, онъ обратился ко мнѣ. Ты, которая хороша, какъ.. какъ.. ну, да чортъ тебя знаетъ какъ! и которая стало быть опаснѣе, чѣмъ это можно думать! Ты, которая каждый разъ, когда я тебя вижу, заставляешь меня и любоваться тобой, любоваться до опьяненія и ненавидѣть тебя. О зачѣмъ

зачѣмъ ты дивная — съ ними!? Съ ними, которыя никакихъ мыслей, кромѣ соображеній о платѣ за ласки, не вызовутъ въ головѣ мужчины; съ ними, которыхъ берутъ съ собой, какъ принадлежность кутежа, какъ мебель, обстановку его и которыхъ увозятъ съ собой, берутъ съ собой обратно, какъ берутъ перчатки и шляпу; съ ними, съ которыми не объ чемъ говорить, отъ которыхъ нечего слышать. Ты такая прекрасная, зачѣмъ ты съ ними, зачѣмъ!? Зачѣмъ ты съ *ними* и съ этими господами, а не со мной!? Вѣдь ты знаешь, что я... я.. я...

Слова замерли на губахъ его, но сердце мое почувствовало, что любовь хотѣлъ онъ сказать мнѣ. Я была довольна, что онъ не сказалъ люблю при *нихъ*, довольна была тѣмъ, что поняла, что̀ онъ хотѣлъ сказать.

Утомленный послѣ этой залпомъ вылившейся рѣчи, онъ опустился на кресло; красивая голова его склонилась и онъ тихо, тихо, такъ что только я оставшаяся послѣ всѣхъ услыхала, сказалъ:

«Если ты вакханка, родилась вакханкой,
Много разъ падетъ передъ тобо̀й,
Геній, невладѣющій собой».

Взглянулъ на меня, горько, зло улыбнулся и махнулъ рукой, чтобы я вышла.

Воротилась домой. Непослушная дума идетъ къ нему, къ нему.

Пора! сказалъ онъ.

Что значитъ это — пора?

Ужъ не на дуэль ли пора? Ну пусть себѣ дерутся, если такая блажь пришла.

„Блажь пришла“, „пусть себѣ дерется“ и зачѣмъ я говорю все это, зачѣмъ сама себя обмануть стараюсь, зачѣмъ?

„Въ особенности я противна ему“!

Вѣдь вретъ? право вретъ: не противна я ему.

А кто знаетъ!

Смѣяться хотѣлось мнѣ, говоря это — „а кто знаетъ“. Я знаю, что я не противна ему, но я хочу себя увѣрить въ этомъ, хочу потому что лучше думать, предполагать дурное чѣмъ хорошее: если ошибешься въ предположеніяхъ, — не такъ больно будетъ.

На утро пріѣхала ко мнѣ Милла, — эта женщина была моя лучшая подруга; она была и умна, и съ сердцемъ и сильно выдѣлялась между моими товарками. — и сообщила, что они дрались.

— Что жъ!? что жъ! спрашивала я, а сердце то такъ и стучитъ.

— Тотъ, съ которымъ дрался Ординскій, мнѣ разсказалъ вотъ что: когда мы пріѣхали, Ординскаго еще не было. Мы ждали больше получасу. Это бѣсило насъ. Вдругъ видимъ—скачетъ верхомъ, одинъ безъ секунданта. Извините, говоритъ, господа, что опоздалъ: искалъ секунданта и, какъ видите, не нашелъ. — Какже безъ секунданта? — Я вѣрю вамъ, господа, такъ какъ, отвѣчаетъ Ординскій, — я считаю васъ за порядочныхъ лю-

дей, иначе я бы не дрался. Дѣлать нечего; отсчитали шаги. На всѣ наши условія онъ согласился. Возникло затрудненіе на счетъ пистолетовъ: онъ не привезъ своихъ. Онъ разрѣшилъ это сомнѣніе, взялъ наши и сказалъ: „я уже сказалъ, господа, что считаю васъ за порядочныхъ людей и потому увѣренъ, что пистолеты новые, неизвѣстные вамъ.“ Это была правда. Онъ поклонился своему противнику, снялъ шляпу и сюртукъ и полною грудью сталъ на мѣсто. Выстрѣлъ первый былъ не его. Когда въ него цѣлились онъ свисталъ: Я помню чудное мгновенье.

Богъ мой! не обо мнѣ ли онъ думалъ въ это время? мелькнуло у меня въ головѣ.

— Продолжай, продолжай, проговорила я.

— Выстрѣлъ раздался: ему оцарапало шею. Пришелъ чередъ его. Онъ поднялъ высоко надъ головою пистолетъ и выстрѣлилъ въ воздухъ. Прошу извинить меня, говорилъ онъ, обращаясь къ своему противнику, что я оскорбилъ васъ. Я былъ пьянъ. — Отчего же вы не стрѣляли въ меня? спросилъ Вартовъ, такъ звали его противника. Вѣдь это оскорбленіе. — Нѣтъ, это не то, отвѣчалъ Ординскій. Вы моложе меня, не годами можетъ быть, а жизнью, и вамъ еще жить надо, а мнѣ она подлая! — надоѣла, бѣда какъ надоѣла. Ну помиримтесь! и Ординскій протянулъ Вартову руку. Тотъ пожалъ ему. Вспрыснуть миръ надо! предложилъ Вартовъ. Идетъ! согласился Ординской. И они пили до девяти часовъ утра. Всѣ шампанское, а Ординскій водку стаканами. Говорили объ тебѣ. Ординскій сказалъ: эта женщина,

которую я боюсь! да, господа. Я — боюсь ее. Я мало видѣлъ ее, а она уже теперь не даетъ мнѣ покоя; вотъ пью я, пью водку стаканами, нѣсколько времени тому назадъ я пилъ шампанское бутылками, а все забыться не могу: стоитъ она какъ живая передъ мною и глядятъ на меня ее лукавые, подлые глаза. Вонъ.... вонъ.. она! Онъ становился пьянѣе и пьянѣе и все пилъ. Желѣзо, а не человѣкъ! Онъ любитъ тебя, Лиза, любитъ безъ памяти.

— Хочется вѣрить и страшно.

— Почему?

— Любитъ! нѣтъ, ему просто дѣлать нечего. Помнишь, какъ говорилъ толстякъ Мацокинъ: „мнѣ нечего дѣлать, — я люблю любить, ну я и люблю.“ Такъ и онъ. Такъ и всѣ мужчины, которые красивы, молоды и праздны.

— Ну нѣтъ, этотъ не таковъ. Онъ не отъ нечего дѣлать будетъ любить, а отъ того, что силы въ немъ избытокъ, что дѣвать ее некуда.

— Ну и это не лестно.

— А я бы горячо полюбила такого человѣка; я бы не стала искать причины его любви. Что мнѣ за дѣло до нее, когда онъ-то... онъ красивъ, какъ я не знаю, кто... Нѣтъ... нѣтъ... не знаю. Я не видала такихъ. Что всѣ эти наши передъ нимъ: дунулъ и нѣтъ ихъ.

Наши мысли встрѣтились: я тоже это думала.

Думала и мнѣ пріятно было думать объ немъ такъ, потому что мы слабыя женщины чувствуемъ какое-то инстинктивное, независимое отъ нашихъ разсужденій влеченіе къ смѣлости, къ величію силы. Намъ бываетъ

страшно за мужчинъ, которыхъ мы любимъ и которые ради насъ идутъ на смерть, но... но, странно, мы едва ли употребимъ *всѣ* усилія, чтобы остановить ихъ отъ этого.

Мы разсуждаемъ въ этомъ случаѣ такъ: если мужчина рискуетъ жизнію ради насъ — значитъ мы дороже ему этой жизни.

Это разсужденіе, если подумать хорошенько, не болѣе какъ ловкій софизмъ, но оно намъ нравится.

Странно! что это со мной? Что съ тобой, мое сердце? Или еще не все кончено съ тобою.

Ахъ! — кабы...

Ну да что думать о генеральскомъ чинѣ, когда солдатъ я есмь, и сраженія вблизи не предвидится.

А что, да если?

ГЛАВА IV.

Бѣлка.

Для того, чтобы мнѣ въ своихъ запискахъ нарисовать полную по возможности картину закулисной жизни нашихъ московскихъ бонъ-вивановъ, мнѣ необходимо порвать на нѣкоторое время нить моего разсказа и повести читателя въ тѣ дебри, гдѣ наши купчики и солидные купцы (конечно не безъ исключенія) находятъ себѣ развлеченіе, удовлетвореніе дикимъ инстинктамъ,—въ дебри, гдѣ они живутъ на распашку, гдѣ они властвуютъ, не боясь скандала, не боясь мировыхъ судей.

Въ тѣхъ мѣстахъ, полныхъ самаго мрачнаго цинизма, самой поразительной мерзости, купчики наши вознаграждаютъ себя за такое поведеніе, за видимую порядочность, приличность въ семьѣ. Здѣсь, „на сторонѣ", они безъ церемоній, здѣсь гуляй душа, здѣсь за всякое безобразіе заплатить можно.

Въ моей ужасной жизни, въ минуты полной безпомощ

ности, отчаянія, мнѣ пришлось посѣтить эти мѣста, пришлось,—Богъ мой, какихъ мукъ мнѣ стоило это,—увидать нашихъ кутящихъ купчиковъ.

Что развратъ ужасенъ, омерзителенъ во всѣхъ видахъ—это вѣрно, но все таки онъ болѣе понятенъ въ утонченной формѣ, въ формѣ, гдѣ хотя соблюдаются, правда, внѣшнія приличія, гдѣ есть еще, конечно послѣ громадныхъ усилій, возможность иллюзіи.

Цинизмъ же пирушекъ "на сторонѣ" нашихъ купчиковъ—это геркулесовы столбы гадости, скотства,—это такъ дурно, что хуже и быть не можетъ.

Рисовать вамъ подробно эти *картины* я не намѣрена, да и права не имѣю: я бы ими оскорбила самую невзыскательную стыдливость; но показать читателю, насколько это возможно, чѣмъ удовольствуются наши купчики, ради чего они оскверняютъ свою семью, въ чемъ они находятъ радости — это возможно сдѣлать и въ одной картинѣ, въ одномъ бѣгломъ очеркѣ.

Указывать на всѣ эти дебри, вертепы лишнее; всѣмъ извѣстны эти Марьи Астафьевны, эти Мавры Петровны (такъ гласитъ огромная мѣдная доска на одномъ изъ домовъ Никитской улицы—наглость какая!), и многое множество другихъ.

Я вамъ, читатель, опишу одну изъ прелестницъ нашихъ купчиковъ—пресловутую Бѣлку (Сашка тожъ).

Эта на свободѣ дрессированная Бѣлка своей особой

и гостями ее посѣщающими покажетъ вамъ кутежъ, забаву нашихъ купчиковъ.

Бѣлка эта толстая, пожилая, дебёлая—смѣсь польки съ жидовкой, всегда до безобразія накрашенная, нарумяненная въ особенности, всегда неряха, всегда почти полуодѣта.

Женщина она крайне, въ смыслѣ самомъ мрачномъ, практическая: у ней есть деньги, которыя она наворовала у своихъ пьяныхъ благопріятелей, и которыя положены на текущій счетъ въ банкъ, уне й пропасть дорогихъ вещей. Сколько у какого пьянаго украсть, она великолѣпно знала: пріѣдетъ, напримѣръ, богатый холостой купчикъ и привезетъ тысячь пять въ карманѣ: она у него больше какъ рублей двѣсти у пьянаго не вытащитъ, при чемъ она руководствуется такими соображеніями: укради я у него больше — онъ не испугается скандала, гласности; онъ призоветъ полицію, будетъ жаловаться, а это не рука. Вотъ другое дѣло голи пожалуетъ его степенство женатый, да человѣкъ извѣстный въ коммерческомъ мірѣ за человѣка солиднаго, да пожалуетъ пьяный и съ большими деньгами, ну тогда, если есть съ нимъ тысячь десятокъ изъ нихъ три можно стянуть, когда его степенство изволятъ укушаться разными питіями: посердится, побранится, пожалуй и поколотитъ слегка, но за то все дѣло этимъ и кончиться—жаловаться не пойдетъ.

Такова судьба Бѣлки въ настоящее время, но прежде, когда она пріѣхала изъ Польши только, а пріѣхала она

во время коронаціи, она очень бѣдствовала: была даже въ горничныхъ.

Въ настоящее время Бѣлка богата; Бѣлка имѣетъ компаньонку Аделаиду, прежде корчившуюся изъ себя угнетенную невинность, бывшую горничную, а теперь содержимую Бѣлкой для обстановки, на случай пріѣзда двухъ гостей, на случай помочь когда нужно.

Въ настоящее время Бѣлка имѣетъ двухъ содержателей: Семена Ивановича, (богатѣющій купчина) коротенькаго толстяка, съ большимъ брюхомъ, китайскими глазами и гадкимъ коротонькимъ носомъ и подрядчика Осипа, молодаго красиваго мужика, ходящаго въ русскомъ платьѣ—ситцевой рубашки и высокихъ сапогахъ. Оба женатые и дѣтей имѣютъ. Они двое соперники, но въ простотѣ душевной не вѣдаютъ того.

Кромѣ этихъ двухъ господъ ее посѣщаютъ, понятное дѣло, и еще многіе. Бѣлка доходами не брезгаетъ.

Съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ,—разсуждаетъ она.

Вотъ напримѣръ вечеръ Семена Ивановича.

Подъѣзжаетъ онъ къ дому Бѣлки, понятное дѣло, на извощикѣ (нельзя на своихъ лошадяхъ, потому что кучеръ можетъ проболтаться) и останавливается шаговъ за сто отъ ея крыльца.

Звонитъ — входитъ.

— Здравствуй, Шаша, картавя говоритъ онъ, сбрасывая шубу и входя въ грязную, всякой непотребной вонью пропитанную комнату.

Шаша, выбравъ величественную позу, хранитъ суровое молчаніе.

— Аль не слышишь? Здравствуй! повторяетъ улыбаясь Семенъ Ивановичъ.

Шаша опять молчиттъ.

— Что ты и здороваться не хочешь? ха! ха! ха!

— А привезъ браслетъ? удостоиваетъ наконецъ Шаша.

— Привезъ! привезъ!

— Покажи.

— Завтра привезу, смѣясь говоритъ Семенъ Ивановичъ.

— Ахъ, ты подлый какой, подлый! Ты такъ-то меня любишь? Ты думаешь, что дуру нашелъ что ли! Нужны мнѣ твои гроши что ли? Гроши—да: мнѣ вѣдь еле еле на пропитаніе хватаетъ. Ну, братъ, адью—поищи-ка себѣ другую! Поищи-ка такую, какъ я!--Ахъ! я дура! дура! и чего я смотрю—да я бы тысячу рублей въ мѣсяцъ достала, если бы не любила этого скота!

Говоря эти слова, Бѣлка съ лыбопытствомъ наблюдаетъ, какое впечатлѣніе производятъ эти слова на Семена; Семенъ доволенъ, что успѣлъ ее раздражить и съ торжественной улыбкой достаетъ ей браслетъ изъ кармана.

— На́ вотъ тебѣ дура, не ругайся!

Семенъ собирается любоваться эффектомъ подарка, но сего эффекта не слѣдуетъ: Бѣлка, взвѣсивъ браслетъ на рукѣ, съ пренебреженіемъ бросаетъ его на столъ.

— Дутый! фи! И это тебѣ не стыдно! Тебѣ, богачу,

купцу извѣстному! Дутый браслетъ! ха! ха! А вотъ что Семенъ: дай-ка мнѣ денегъ на ложу завтра къ тальянцамъ.

— Туда же: къ тальянцамъ! А не хошь ли въ балаганъ?

— Ахъ ты рожа толстая, пентюхъ ты этакой!

— Ну, ну, потише, обидѣвшись говоритъ Семенъ Ивановичъ, — чего разгулялась; вѣдь мы за свои денежки ругань слушать не намѣрены, мы вѣдь и наше почтенье-съ, дама вы этакая пышная-съ, скажемъ.

Семенъ разсерженный ищетъ шапки и собирается уходитъ.

Бѣлка наблюдаетъ, что́ дальше будетъ.

Семенъ нашелъ шапку, надѣлъ шубу

— Прощайте-съ, въ дверяхъ говоритъ онъ.

— Наше почтенье-съ, отчеканиваетъ смѣло Бѣлка.

— Навсегда прощайте-съ! говоритъ Семенъ и смотритъ, какое дѣйствіе его слова произведутъ.

— Очень пріятно-съ! съ усмѣшкой говоритъ ни мало не смутившаяся Бѣлка.

— Вѣдь я въ самомъ дѣлѣ уйду!

— И уходи.

Бѣлка увѣрена, что онъ не уйдетъ; Бѣлка знаетъ, что ему дѣваться кромѣ какъ къ ней некуда.

Семенъ рѣшительно направляется къ двери; онъ у двери уже; онъ уже отворяетъ дверь.

Вдругъ.... шуба летитъ на полъ, шапка въ уголъ и Семенъ разсаживается въ кресло; онъ покраснѣлъ отъ досады.

— Вотъ не уйду же! Вотъ-те и вся не долга.

— Ха! ха! смѣется Бѣлка. Ишь горячій какой: уйду, говоритъ! уйду! Пугаетъ тоже! Ну ужъ коли ты хочешь оставаться, такъ на ложу давай.

— На, глупая, говоритъ Семенъ доставая двадцатипятирублевую, на, подавись; на сдачу пошли за водкой, да закуски вели.

— Ладно, пошлю.

Приносятъ штофъ водки, протухлой колбасы, сыръ въ родѣ мыла и огурцевъ соленыхъ.

Семенъ садится за столъ и стаканами начинаетъ истреблять водку; Бѣлка дѣлаетъ видъ, что тоже пьетъ, на самомъ же дѣлѣ водка на полъ льется.

Семенъ, по мѣрѣ того, какъ упивается, все умильнѣе и умильнѣе посматриваетъ на Бѣлку: та ему дѣлаетъ глазки.

Семенъ обзываетъ Бѣлку разными нѣжными именами: Сашокъ, сволочь, Сашурка, Сашецъ и прочее неудобопечатаемое.

Среди этого плѣнительнаго tête a tête вдругъ рѣзкій звонокъ.

Семенъ встрепенулся.

— Кто это? кто? тревожно спрашиваетъ онъ.

Бѣлка по звонку узнаетъ, что это ея другой содержатель Осипъ.

— Это купцы—знакомые твои, объясняетъ Бѣлка.

— Ай! бѣда! увидятъ еще здѣсь—сплетни пойдутъ.

— Бѣги, бѣги! командуетъ Бѣлка.

Звонокъ повторяется.

Семенъ въ охапку кушакъ и шапку и драло черезъ заднее крыльцо

— Калоши держи! кричитъ Бѣлка, выкидывая за дверь калоши.

— Постой, постой, останавливаетъ вдругъ Бѣлка Семена: а ложу-то?

— Да я далъ!

— Ахъ ты такой сякой. Да нѣтъ, я тебя не пущу; давай, коли обѣщалъ.

— Да я далъ!!

— Да врешь, безстыжіе глаза

Семенъ плюетъ, но раскрываетъ бумажникъ и суетъ Бѣлкѣ первую попавшуюся бумажку.

— Пусти-же!

— Съ Богомъ.

Возвратясь, Бѣлка первымъ дѣломъ разглядываетъ бумажку

— Серія—ага!

Звонокъ все сильнѣе.

— Матрена—отвори! приказываетъ Бѣлка.

Матрена стремглавъ летитъ

Отперла и Осипъ, пьяный какъ молнія, врывается.

— Здорово, Сашка!

— Здравствуй! милый, здравствуй!

Нужно замѣтить, что Осипъ только тогда бываетъ у Бѣлки, когда онъ сильно и сильно заложитъ за галстукъ.

— Какъ жива? Водка есть? вино есть?

— Есть! есть!

— Цѣлуй! цѣлуй меня!

— Сейчасъ, родной, и Бѣлка спѣшитъ въ объятія Осипа.

— Крѣпче!

— Да ужъ и такъ крѣпко!

— А я хорошій человѣкъ?

— Славный.

— А я не подлецъ?

— Нѣтъ! избави Богъ!

— Матрена, ходи сюда, кричитъ Осипъ кухаркѣ.

Матрена входитъ

— Матрена, подлецъ я? пьяница?

— Нѣтъ, Осипъ Яковлевичъ, вы добрый, вы честный, съ подобострастіемъ говоритъ Матрена

— Врешь.... (слова непечатныя) врешь!

— Убей Богъ меня, коли лгу.

— Ну, на четвертную.

Даетъ четвертную кухаркѣ

— Ты мужикъ? спрашиваетъ Бѣлку Осипъ.

— Мужикъ! мужикъ! спѣшитъ согласиться Бѣлка.

— Ты вѣдь наша?

— Ваша! ваша!

Осипъ даетъ и ей денегъ, сколько захватитъ изъ кармана.

— А что, Сашка: нешто вѣтру взять—къ цыганамъ на тройкѣ ухнуть.

— Не зачѣмъ: мы и сами споемъ, говорила Бѣлка, не желая выпустить добычу изъ рукъ ни на минуту.

— Ну пой, и Осипъ запѣлъ:

Снѣги бѣлыя пушистыя
Покрывали всѣ поля,
Одного лишь не покрыли—
Горя лютаго мово!

— Отлично! одобряетъ Бѣлка и затягиваетъ:

Мы пить будемъ
И кутить будемъ и т. д.

Осипъ пьетъ еще.

— Эй ты, старушка! кричитъ онъ кухаркѣ.

Кухарка опять появляется.

— Пришла, старушка?

— Здѣсь, батюшка.

— Ты старушка? Ну чтожъ, начинаетъ заговариваться Осипъ, чтожъ: и старушка даръ Божій. Ну, старушка, Травушку спой.

— Не умѣю, батюшка

Осипъ падаетъ на полъ и кланяется въ ноги кухаркѣ.

— Я вѣдь подлецъ? подлецъ?

— Что вы это, Осипъ Яковлевичъ, говорила кухарка, стараясь поднять Осипа, что вы это, Богъ съ вами!

Осипъ вынимаетъ изъ кармана цѣлую кипу денегъ и силится разглядѣть бумажки, но конечно не въ силахъ сдѣлать это; бумажки летятъ на полъ.

— Намъ тьфу—деньгги! Уваженніе главное ддѣлло чувствуй—во!

Бѣлка какъ коршунъ кидается на полъ и собираетъ деньги.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не позволю, говоритъ она.

— У-у-у-бью!

— Убей—не позволю! Ты человѣкъ семейный, беречь надо. Я спрячу деньги—цѣлы будутъ!

— П-по-дай!

— Ни за что!

— У-у-по-длая?

Я-то! Укоръ слышится въ голосѣ Бѣлки.

— Нѣттъ! нѣттъ! Я.... я подлый! ты.... ты честная! ты.... ты.... я помню.... разъ у меня.... только.... пять тысячъ украла, а мо-мо-гла бы и всѣ двадцать.... стянать! ты.... ты честная! еле шевеля языкомъ бормочетъ Осипъ, падаетъ снова на полъ и тотчасъ же засыпаетъ.

Вотъ что я видѣла! Вотъ какъ проводятъ дни у камелій наши досточтимые купчики.

Въ этомъ моемъ разсказѣ—нѣтъ ни одного слова лжи.

ГЛАВА V.

Не полюбить бы мнѣ?

Продолжаю мою исторiю.

Завтра маскарадъ въ театрѣ. Какъ бы увидать мнѣ его? Хочу видѣть его, хочу, да и только.

Напишу ему:

Vous avez dit, un jour, que vous avez peur de moi; eh bien, moi, je n'ai pas peur de vous. Venez demain au bal masqué.

Отъ кого — догадается, навѣрно догадается, а если и не догадается, то все-таки будетъ въ маскарадѣ и я увижу его. И почему это, зачѣмъ мнѣ его видѣть хочется?

Что за вопросы! да просто хочется полюбоваться имъ, полюбоваться какъ художникъ, какъ поэтъ на дивное произведенiе.

Какъ поэтъ! какъ художникъ! вѣрно-ли это? не женщина-ли здѣсь говоритъ во мнѣ, и кто кого боится, это вопросъ еще! Да и чего мнѣ бояться его?

Чего бояться? а какъ опять, какъ Воля? Какъ опять, какъ онъ, и этотъ броситъ меня и броситъ „королевой на часъ“.

На часъ! когда сердце привяжется къ нему навсегда, со всѣмъ пыломъ не ребенка, какъ тогда, а женщины, женщины извѣдавшей наслажденія любви и жаждущей ихъ отъ избытка силы.

Вѣдь это бѣда, горе! Вѣдь это на колѣняхъ за нимъ ползать! Молить взгляда, блаженствовать улыбкой его!

Нѣтъ! нѣтъ! лучше не надо! Не ѣхать лучше въ маскарадъ....

Однако, что я надѣну? Проще и изящнѣе лучше всего: черное платье, домино, маленькую брилліантовую брошь на грудь и бѣлую камелію въ волосы. Да, такъ хорошо. Букетъ не надо.... это слишкомъ обыкновенно....

Пора.

А лучше мнѣ не ѣхать....

И не поѣду.... да....

Въ полночь я была уже въ своей ложѣ.

Маскарадъ былъ одинъ изъ весьма удачныхъ, что бываетъ очень рѣдко: народу пропасть, костюмированныхъ, и роскошно костюмированныхъ, множество.

Ординскаго нѣтъ.

Не ужели онъ не обратитъ вниманія на мою записку! Быть не можетъ, а впрочемъ....

Ко мнѣ въ ложу вошла граціозная Соня (теперь покойница).

— Ну что, Лиза, какъ ты поживаешь?

— Поживала бы ничего, да мѣшаютъ. А ты?

— Я тоже также отвѣчу тебѣ.—Но кто же мѣшаетъ-то?

— Вотъ постой, пріѣдетъ, я покажу тебѣ.

— Да можетъ я знаю?

— Ординскаго знаешь?

— А! этотъ сумасшедшій красавецъ? еще бы. Я жила съ нимъ мѣсяцевъ шесть и сама чуть съ ума не сошла: то онъ милъ, какъ ребенокъ, то противенъ, какъ старая брюзга: то онъ поетъ, танцуетъ, цѣлуетъ, ласкается какъ котъ, глазъ съ тебя не сводитъ, то бранится какъ извощикъ. Нужно быть или рабой этого господина или царить надъ нимъ — середины нѣтъ. А у меня ни на то ни на другое силы нѣту и мы разошлись. Впрочемъ, кажется, это его не огорчило.

— Что, онъ богатъ?

— Должно быть. Это какой-то странный баринъ: недѣли цѣлыя сидитъ онъ иной разъ и все чѣмъ-то занимается, потомъ все это вдругъ броситъ и пошла писать, пошла! Да вотъ и онъ. Гляди.

— Гдѣ? гдѣ!

— Вонъ въ ложѣ напротивъ, въ шляпѣ-то.

— Вижу.

— Пойдемъ въ залу?

Мы сошли въ залу. Ординскій стоялъ въ своей ложѣ и видимо искалъ кого-то.

Къ нему подходило пропасть масокъ (ложа была въ бенуарѣ), но онъ ихъ еле удостоивалъ взглядомъ.

Что за чортъ, я ее не вижу! сказалось на его лицѣ.

Погоди, голубчикъ, думала я, я тебѣ не сейчасъ покажусь, поищи меня, а я посмотрю, что ты дѣлать будешь въ это время.

Наблюдая за нимъ я шла съ Соней.

— Смотри, Лиза, смотри, говорила она показывая на хорошенькаго венгерскаго гусара, — это теперешній *мой*.

— Это мальчикъ еще.

— А глазки-то какіе! Точно бирюза голубая. О! мой Турка безчувственный! поди сюда. Я его Туркой зову.

Гусаръ подошелъ. (Полпуда отлегло звали его въ гимназіи).

— Зюлейка моя! смѣялся онъ. Съ какимъ бы удовольствіемъ я бросилъ для тебя весь этотъ шумъ, блескъ и перевезъ бы тебя какъ сирену на Канкальскую Скалу.

— Не рано-ли?

— Я бы не хотѣлъ — ни рано, ни поздно, я бы хотѣлъ всегда!

— О восторгъ мой! о радость! жизнь отдамъ тебѣ!

— Ничего не прошу давать мнѣ, прошу только возвратить!

Гусаръ обнялъ Соню за талью и поцѣловалъ.

Она вѣроятно исполнила его просьбу.

— Друзья, кричалъ высокій, статный рыцарь, Паша Аренцовъ, идемъ выпить.

— Хорошъ рыцарь! замѣтила ему какая-то маска.

Вмѣсто того, чтобы ломать копья за дамъ, онъ тащитъ выпить!

— Чтожъ, отвѣчалъ рыцарь, я иду поддерживать *вдовушку*.

— Такъ возьми и меня съ собой.

— Не стала бы ревновать Клико?

— Она не добродѣтельна: всякій можетъ имѣть ее за деньги.

— Ну идемъ.

— Милостивый Государь! сердился какой-то баринъ. Вы мнѣ наступили на ногу.

— А вы, отвѣчалъ безбородый юноша, меня взяли за бороду.

— Да у васъ и бороды-то нѣтъ.

— Есть. Вздоръ!

— Маска! что такое медовый мѣсяцъ?

— Это, другъ мой, предисловіе къ изданію.

— Браво! А что такое любовь?

— Это то, чего у тебя нѣтъ.

— А ты откуда это знаешь?

— Говорятъ.

— И за чѣмъ ты пьешь такъ много? усовѣщевала маска какого-то пьяненькаго.

— Лучше пить водку, отвѣчалъ тотъ, чѣмъ бояться квартальнаго.

— А и того лучше идти домой спать.

— Я еще не разочарованъ.

— А скоро это произойдетъ?

— Вѣроятно, если ты со мной еще походишь.

— Ты, говорятъ, потерялъ все, кромѣ меня.

— Я покоренъ передъ судьбой: я бы и это извинилъ ей.

— Ты неблагодаренъ; я для тебя жертвовала всѣмъ, собой пожертвовала!

— Пожертвуй для меня еще разъ собой—только ужъ не для меня.

— Изволь, я тебя брошу.

— О, я застрѣлюсь.... отъ радости.

Ординскій сколько разъ смотрѣлъ на меня изъ ложи, но, вѣроятно, не узнавалъ. Нужно подойдти къ нему.

— Здравствуй, Ординскій.

— Ага, ты здѣсь! ты меня не боишься!?

— Сначала слѣдуетъ поздороваться, а тамъ спрашивать.

— Пойди ко мнѣ въ ложу.

— Можешь сюда сойдти.

— Бѣгу.

Вотъ и онъ.

— Ну, здравствуй еще разъ, сказала я.

— Хотѣлъ бы тебѣ сказать прощай, да силы нѣтъ.

— Ты или невѣжа, или ты меня въ самомъ дѣлѣ боишься?

— Ни то, ни другое.

— Такъ отчего же ты не былъ у меня съ тѣхъ поръ?

— Оттого, что ты злишь собой.

— Это что за новости?

— Такую какъ ты есть, я тебя полюбить не могу, не хочу, а полюбить мнѣ тебя хочется.

— Ординскій, проходя сказала ему маска, я люблю тебя.

— Убирайся, у меня денегъ мало съ собой. Да, продолжалъ онъ, обращаясь снова ко мнѣ, мнѣ тебя полюбить хочется.

— Нужно спросить, хочется-ли и мнѣ этого?

— Вотъ это-то и бѣда.

— А ты хлопочи, старайся.

— Не таковъ я.

— Измѣни себя для меня.

— А ты мнѣ измѣнишь для другаго?

— Нужно, чтобы я нашла лучше тебя.

— Или богаче?

— Прощай, Ординскій, я думала о тебѣ лучше: я не думала, что ты и лежачихъ бьешь! Прощай.

Я вырвала у него свою руку.

— Нѣтъ, маска, погоди.

— Для того, чтобы услышать новое оскорбленіе?

— Прости мнѣ, прости. Я ревную тебя къ своему прошлому, я бѣшусь на него!

— А гдѣжъ ты былъ, когда я осталась одна, брошенная человѣкомъ, которому отдалась, одна, молодая, глупая? Ждать тебя, другъ мой, мнѣ нельзя было. Да. и знаешь-ли что? — Если бы не было этого прошлаго,

если бы я не была извѣстной камеліей, а была скромная, тихая дѣвушка, вѣдь ты бы на меня и вниманія не обратилъ, и не замѣтилъ бы. Развѣ не такъ?

— Если бы не видалъ — да; но если бы я видѣлъ тебя, — я бы нашелъ тебя! Я бы сказалъ тебѣ: дѣвушка, хочешь я буду любить тебя? хочешь, я, сильный мужчина, поведу тебя въ жизнь, защищать тебя буду?

— А теперь? теперь?

— Теперь! и теперь я бы сложилъ къ ногамъ твоимъ свою голову, если бы ты, какъ я уже говорилъ, начала иную жизнь.

— То есть, стала бы работать?

— Прогнала бы всю эту толпу, что толчется у тебя и лишила бы себя сувенировъ твоего позора.

— Да не самъ ли ты мнѣ сказалъ: къ чорту прошлое, когда есть будущее?

— А хорошо ли будетъ, когда это будущее при каждомъ взглядѣ на вещь, что у тебя, будетъ отравляться прошедшимъ? Когда вмѣсто любви одна злость будетъ! а?

— А если я все сдѣлаю, какъ ты говоришь, и ты бросишь меня?

— Брошу!! да нѣтъ, не говори мнѣ этого. Гдѣ ты была? съ кѣмъ ты была, если не понимаешь, что есть вещи, которыхъ порядочнымъ людямъ не говорятъ? Или это ты условія свои хочешь объяснить мнѣ? ха! ха! Прочь, поди отъ меня! Иди! Я проклинаю тотъ часъ, въ который увидала тебя: ты растревожила сердце мое, гадкая женщина! Иди, иди!

Не онъ меня боится, не онъ! Я боюсь его! Что это со мною? Сердце такъ бьется, такъ бьется.... И зачѣмъ это я говорила ему, зачѣмъ? Изгадили меня твари, которыя покупали меня....

Сломалъ онъ меня! сломалъ....

Богъ съ нимъ! гордый человѣкъ!

Ну да что-жъ! свѣтъ не клиномъ сошелся! буду искать, искать тихихъ радостей,... а это бѣшеный человѣкъ!

И злость, и обидно, бѣда, какъ обидно! Ну, постой же, постой! Если я не могла дать тебѣ радости, я отравлю тебѣ твою жизнь. Вѣдь я знаю, знаю, что ты любишь меня!

— А, Ичуринъ, ты здѣсь! (Ичуринъ, нужно объяснить читателю, это скандально кутящій купчикъ; малый добрый и честный, но въ толпу грязныхъ пролетаріевъ попавшій). Я не говорю тебѣ, хочешь ли ты пить, а говорю, пойдемъ пить!

— Хоть полетимъ, маска.

Запью я досаду виномъ.

А что это со мной?—дрожу я вся.

Въ фойэ, я какъ будто предчуствовала, сидѣлъ Ординскій съ какими-то тремя масками и передъ ними цѣлая батарея бутылокъ.

Мы помѣстились какъ разъ противъ Ординскаго. Онъ тотчасъ узналъ меня и злая усмѣшка мелькнула на лицѣ его.

Съ масками своими онъ былъ любезенъ; но я видѣла что это мнѣ въ пику.

Буду подражать ему.

Я пила много, не пьянитъ вино. Старалась не смотрѣть на Ординскаго и смотрѣла, и каждый разъ глаза наши встрѣчались.

— Ичуринъ, ѣдемъ къ цыганкамъ! говорила я какъ можно громче.

— Тройка ждетъ, ѣдемъ.

— Знаешь, будь ты побольше ростомъ, ты бы вѣдь былъ прехорошенькій мальчикъ!

— Да, имѣй я еще другой носъ, другіе глаза, ротъ и пр.

— Ты себя обижаешь.

Ординскій не вытерпѣлъ, вскочилъ и ко мнѣ.

— Слушай ты! какъ ты ни виляй, какъ ты ни зли меня, а ты будешь моя! будешь! А теперь чортъ съ тобой, я сейчасъ пьянъ напьюсь. Вы, очаровательныя дамы моего сердца, обратился онъ къ своимъ маскамъ, перейдемте въ другую залу и дадимъ клятвенное обѣщаніе не выйти сегодня изъ маскарада!

— Такъ чтожъ здѣсь остаться что ли? спрашивали тѣ.

— Нѣтъ, мы будемъ пить до того, что сами выйдти будемъ не въ состояніи и насъ вынесутъ. Идетъ!

— Идетъ, идетъ!

— А ты будешь моя! повторилъ онъ, уходя.

Я, конечно, не поѣхала съ Ичуринымъ.

Домой мнѣ ѣхать не хотѣлось. Я велѣла кучеру ѣхать въ Кремль. Тихая, свѣтлая ночь царила надъ Москвою.

Гдѣ-то далеко ударили въ колоколъ, гдѣ-то повторили, и пошелъ гулъ надо всей Москвой.

Молиться хотѣлось мнѣ.

Боже! неужели я мало наказана за порывъ своего сердца? Неужели мало вынесла я позора, униженій. И чѣмъ они, мужчины, лучше насъ? И отчего то, чѣмъ они гордятся, хвастаютъ, для насъ стыдъ и позоръ?

Болитъ бѣдное сердце.

И онъ, котораго я считала лучше другихъ мужчинъ, онъ оскорбляетъ меня!

Около маленькой, древней церкви я велѣла остановиться.

Темно въ церкви, народу двѣ, три ветхія старушки и только.

Угрюмо глядятъ низкіе своды, трепетно свѣтятъ лампады. Тихое пѣніе, слабый, добрый голосъ священника умилили меня.

На колѣняхъ, со слезами молилась я и что-то ласковое вошло ко мнѣ въ сердце.

Боже мой! прости мнѣ, что я такая грѣшница. Пожалѣй меня слабую, одинокую. Не дай впасть мнѣ въ отчаяніе. Укажи мнѣ другую дорогу, научи меня, научи! Я много наказана, Богъ мой, дай мнѣ увѣдать счастье. Ты добръ, Ты милосердъ! не отврати лица твоего отъ меня. Ты для всѣхъ ровенъ, Ты всѣмъ пріютъ и утѣшенье, не оставь и меня. Ты видѣлъ, Боже, мои слезы, Ты знаешь скорбь—исцѣли меня.

Горько плакала я. Легче стало на сердцѣ, и я, успокоенная, примирившаяся, воротилась домой.

На другое утро я не велѣла никого принимать къ себѣ. Мнѣ было очень скучно. Слезы, и откуда брались онѣ! такъ и капали. Неужели я кромѣ оскорбленія ужъ ничего и не увижу въ жизни? И этотъ.... Ахъ! идетъ мнѣ этотъ человѣкъ въ голову, да и только!.... Этотъ человѣкъ, который мнѣ такъ много говорилъ о моей красотѣ, о возможности иной жизни, таковъ-же какъ и всѣ другіе?

Неужели....

Смѣняется день днемъ, безсонная ночь такою-же, а мое сердце покоя не знаетъ. Мой бѣдный, усталый умъ рисуетъ мнѣ его лице, его глаза.... Нѣтъ покоя мнѣ.

Зачѣмъ ты, сердце женщины, безъ любви быть не можешь? Зачѣмъ ты, сердце, такъ отзывчиво?

Разсудокъ молчитъ, а пылкая душа витаетъ далеко, далеко и рисуетъ счастья полныя сцены.

За море, за лѣсъ уношуся я думою, и вездѣ, и повсюду со мной сладкій обликъ его....

Весна близится. Чувствуетъ грудь ея приближеніе....

Къ жизни зоветъ все, къ счастью....

А я одна, одна со своею думою неотвязною, но плѣнительною, какъ-бы тихій блескъ лужъ промежъ угрюмыхъ тучъ грозной бури.

И къ чему, къ чему онъ нарушилъ бурю мою; къ чему утлой ладьей на хмурыхъ волнахъ взбушевавшаго моря носимой—обманчивый призракъ спасенья рисуется? Къ чему....

Итакъ манитъ онъ, красивый берегъ своею дикою природой, своими очаровательными видами!

Развѣ не миражъ это!

Развѣ возможно счастье для меня? Счастье со всѣми радостями, съ полнымъ освѣщеніемъ, въ глазахъ всего міра!

И этотъ человѣкъ мой!!

Да вѣдь это цѣлый океанъ, міръ блаженства!

Онъ сказалъ, что я буду его. Что онъ сдѣлаетъ для этого? Какъ онъ прійдетъ ко мнѣ, онъ! титанъ между этими пигмеями, прійдетъ ко мнѣ, слабой, ничтожной и скажетъ мнѣ: я твой!

Хорошо.... дивно хорошо....

Прошло болѣе двухъ недѣль со дня нашей встрѣчи, онъ не показывался ко мнѣ; я слышала объ немъ много и говорили все нехорошее: что онъ пьетъ, ссорится, ухаживаетъ-то за той, то за другою; клянется въ любви, вскружитъ голову и послѣ хохочетъ. Когда ему Адель сказала про меня, онъ отвѣчалъ ей: „это такая же франтиха, какъ и всѣ вы, только умнѣе васъ и въ милліонъ триста тысячъ разъ красивѣе. Она было заинтересовала меня, но теперь хоть-бы ея и не было. Я теперь выгоняю ее изъ головы, вино помогаетъ мнѣ въ этомъ“.

Тяжело мнѣ было слушать эти слова, да видно ужъ надо такъ. Видно, будутъ меня стегать за мое прошлое и долго и больно.

И за что онъ такъ измѣнился ко мнѣ?

Не за то ли, что сказала ему: „и ты бросишь меня“? Да, это такъ! Онъ увидѣлъ здѣсь постыдный торгъ, а видѣлъ Богъ, у меня этого и въ головѣ не было. Что мнѣ разстаться со всею этой роскошью на часъ! ничего, ровно ничего. Я его спрашивала: что будетъ съ моимъ сердцемъ, если онъ броситъ меня? это такъ.

Да, наконецъ, если-бы я спросила его и въ иномъ смыслѣ, что же тутъ дурнаго?

Вѣдь если онъ броситъ меня и я останусь снова безъ куска хлѣба, что тогда?

О, гордый человѣкъ?

Безъ думъ, безъ размышленій! хочетъ онъ моей любви.

Тяжело!

И неужели я потеряла его, совсѣмъ потеряла? Быть не можетъ.....

Вечеромъ какъ-то пріѣхала ко мнѣ цѣлая компанія.

Что такъ задумчива,
Что́ такъ печальна?
Иль сердце бѣдное
Проситъ любить?

пѣлъ князь.

— Влюбилась она, господа, шумѣла Вѣрочка, какъ кошка влюбилась.

— Кто же сей несчастный? спрашивалъ Бановскій.

— Господи! не догадываются — Ординскій.

Отчего-же несчастный? спросила я Бановскаго.

«Напрасно чувства даромъ тратить,
Напрасно мраморъ обожать».

проговорилъ онъ.

— Эхъ, вы господа, говорила я, неужели только однимъ вамъ все: и умъ, и способность любить, и честь, и совѣсть? Неужели вы думаете, что если мы имѣли несчастіе продавать себя вамъ, а вы подлость, безсиліе, какъ дряхлые старики, какъ смертельные уроды, покупать насъ, а не искать нашей любви безъ кошелька, только съ головой и лицомъ,—такъ ужъ мы и полюбить неспособны! Дикая мысль! Вы всѣ жалкіе люди, трусы, обиженные природой, обиженные совѣстью, лошади какія-то—а Ординскій не то. Онъ хочетъ любви женщины безъ всякихъ заднихъ, грязныхъ мысленокъ. Онъ хочетъ не только ея тѣло, но и ея умъ и сердце. А послѣдняго мы вѣдь не продаемъ; да, впрочемъ, вѣдь вы и не покупаете! Къ чему вамъ оно, наше сердце, дряблые сластолюбцы? Вамъ будетъ неловко съ тѣмъ, чего у васъ нѣтъ, съ тѣмъ, отсутствіе чего дѣлаетъ васъ самодовольными, грубыми, гадкими, словомъ такими, какъ вы есть. А вамъ такое положеніе и съ руки. Самовольные, толстые! вамъ такое положеніе съ руки, какъ извѣстнымъ животнымъ грязь, вонь....

— Кончила-ли грозная Венера казнить своихъ Адонисовъ? спросилъ князь.

— Вѣкъ бы не кончила, отвѣчала я, если-бы стоило только.

— Не Венера, перебилъ Бановскій, а нимфа Іо; не Адонисъ, а Юпитеръ! Нимфа сердится, зачѣмъ она золотой дождикъ приняла за мокрый!

— О, присяжный остроумецъ! вклеила Вѣрочка,—если слова твои бритвы, то работалъ ихъ „Rodgers“ изъ Тулы.

— Адонисы вы лысые, Юпитеры съ Собачей Площадки, убирайтесь вонъ отъ меня.

— Однакожъ не на шутку засѣлъ ей въ голову Ординскій-то?

— Что мнѣ Ординскій? Ординскій только лучше васъ, но я вовсе не занята имъ; да онъ и не смотритъ на меня.

— Не смотритъ! Я его, говорилъ Бановскій, вчера видѣлъ у Конарскаго, какъ онъ, сердитая барыня, ваши карточки покупалъ.

— А я, сказалъ князь, третьяго дня былъ въ паркѣ и слышалъ, какъ онъ пѣлъ серенаду изъ Фауста и вмѣсто Маргарита, пѣлъ Лизавета.

Насилу-то уѣхали.

Карточки! Лизавета! а самъ не ѣдетъ. Что дѣлать? Отказывается умъ отвѣчать, не отвѣтитъ-ли сердце?

Ужъ не люблю-ли я?

Какъ сумасшедшая! какъ двѣ! какъ три, десять, сто....

— Карету! и скорѣй, скорѣй!

Что хочу дѣлать я! что? не знаю, не знаю и не знаю.

Хочу видѣть его!

Подали. Ѣду.

— Дома баринъ? спрашиваю у его подъѣзда.

— Уѣхали недавно-съ.

Куда ѣхать?

— Пошелъ! пошелъ!

— Куда прикажете? спросилъ кучеръ.

— Ну, пошелъ прямо, прямо пошелъ!

А пока! пока я придумаю куда ѣхать, гдѣ найдти его.

Гдѣ онъ можетъ быть? У цыганъ? Гдѣ у цыганъ?

— Пошелъ въ Паркъ.

А его смуглое, румяное лицо, его волосы, мягкіе что ленъ разчесанный, и эти бѣшеные, а порой ласки безпредѣльной глаза.

Нѣтъ онъ не любитъ меня!

Ну пусть не любитъ, пусть! пусть я одна буду любить его, буду у ногъ его пресмыкаться....

Довольно горя мнѣ, довольно!

А оттолкнетъ онъ меня если?

Отойди, скажетъ онъ, безъ тебя.... съ другою....

И куда я ѣду?

А горды они тѣмъ, когда женщина первая скажетъ имъ—люблю тебя!

Ну гордись, гордись! Я въ ноги паду тебѣ...

O, Richard, o mon roi!

Вотъ Пассажъ—нѣтъ! Вотъ Юль, вотъ Эльдорадо — нѣтъ!

— Въ Стрѣльну!

О, здѣсь я его увижу.

Вотъ Стрѣльна—нѣтъ! и нѣтъ!!

Да гдѣ-же онъ, гдѣ?

— Куда прикажете, спрашивалъ кучеръ.

— Куда? ну дальше пошелъ!

— Да куда-же дальше-то-съ?

Богъ мой! куда? да ужъ я не знаю.... А!

— Пошелъ въ Всесвятское.

Пріѣхали.

— Здѣсь Ординскій? спросила я у подъѣзда.

— Здѣсь-съ.

— Гдѣ-же онъ? одинъ?

— Одни.

— Что дѣлаютъ?

— Сначала пили, а теперь почиваютъ-съ.

А здѣсь онъ! и нѣтъ никого....

— Проводи меня.

— Пожалуйте-съ.

Иду, а сердце такъ и стучитъ....

Въ комнатѣ, освѣщенной только красноватымъ свѣтомъ камина, на широкомъ диванѣ лежалъ Ординскій.

Раскинувшись могучимъ тѣломъ на весь диванъ—онъ спалъ; его прекрасная изящная голова, склоненная нѣсколько на бокъ, была освѣщена огнемъ камина.

Какъ дивенъ! Лице его было нѣсколько блѣдно, губы улыбались и казалось шептали что-то.

Какіе сны, милый мой, возлюбленный, желанный, роятся въ умѣ твоемъ?

Что радуетъ, веселитъ тебя?

Образъ-ли женщины, сердцу любезной, или иныя мечты?

....Заснуть на твоей вѣрной, могучей груди—упоенье!

Никого нѣтъ, все тихо и я одна владѣю имъ.

„Женщина пала, но вотъ святое чувство любви освѣтило мракъ души ея и она снова добродѣтельна, снова невинна!“

А я вѣдь полюбила его.

Будто ты, сердце, и не знало, не вѣдало еще любви, такъ высоко мое чувство къ тебѣ, мой рыцарь, мой свѣтъ!

Развѣ любила я Волю?

Развѣ это не былъ неумолкаемый, неотразимый крикъ молодой натуры и только!

А теперь не то.

Не дѣвочка склоняется передъ селадономъ, а женщина падаетъ въ прахъ передъ могучимъ мужчиной.

.... Заснуть на твоей могучей груди....

Она подошла къ нему. Счастіе освѣтило ея прекрасное лицо. Изящный ротъ шепталъ что-то. Склонясь къ нему она поцѣловала его высокій лобъ.

Онъ улыбнулся....

Она обняла его, онъ проснулся.

Проснулся, всталъ безпутный красавецъ и дума, что это еще сладкій сонъ продолжается, вызвала неясную, неопредѣленную улыбку на уста его.

Она встала.

— Не бѣги меня! не бѣги! останься, дивное видѣнье, мнѣ пріятно, сладко.—Слышишь, красавица, мнѣ пріятно съ тобой!

— Ты не сердишься? прошептала она.

— Я? удивленье казалось на лицѣ его. За что? На тебя сердиться, мнѣ! на тебя слабую, красивую!

— Знаешь, я пришла сказать тебѣ, что безъ уговоровъ, безъ условій, у ногъ *твоихъ* условій, безъ раз-

мышленій пришла я сказать тебѣ—возьми меня. Возьми! насмѣйся надо мной, люби меня, жалѣй меня, но только возьми меня. Ты сказалъ, чтобы я бросила все, что наводитъ меня на мысль о прошломъ — прикажи мнѣ жизнь свою бросить къ ногамъ твоимъ, — я не осмѣлюсь ослушаться. Только въ одномъ я ослушаюсь тебя—я не уйду отъ тебя.

— Бѣдная дѣвочка! бѣдная маленькая! Тебѣ не нужно будетъ ни въ чемъ ослушаться меня! Ты мнѣ довѣрилась, довѣрилась безъ размышленья, безъ думъ и я не обижу тебя! ты, слабый ребенокъ, пришелъ искать убѣжища отъ бури на моей широкой груди,—иди ко мнѣ!

Онъ обнялъ ее за талью и привлекъ къ себѣ на грудь.

— Я благодаренъ тебѣ! Я.... Я люблю тебя! Жалѣю тебя.... Теперь мнѣ будетъ куда дѣвать свою силу, будетъ кого защищать. А прошлое!... Къ чорту прошлое, повторю я, когда есть будущее! И горе тому, кто напомнитъ тебѣ объ этомъ прошломъ.

Грозили глаза его.

Какъ я ничтожна рядомъ съ нимъ, думалось счастливой ей. Съ какимъ восторгомъ глядѣла она на него и такъ пристально.

Дай запомнить черты, чтобъ молиться я могла за нихъ, мой желанный.

— Маленькая! благодаренъ тебѣ я безъ мѣры! Поступила ты такъ, что теперь еще выше вскину я свою голову буйную. Отыскала меня между *ними*.... Ну спасибо....

— Ты сказалъ, что ты любишь меня! ну скажи мнѣ.... скажи мнѣ еще.

— Больше жизни своей, никому не полезной, я люблю тебя, тихая голубь!

— Я довольна. Вотъ мигъ, когда я смерти бы хотѣла!

Извини ты мнѣ слабый вопросъ мой: ты не бросишь меня?

— Не какъ ястребъ за горлицей слабой я летѣлъ за тобой, моя добрая, а какъ гордый орелъ за орлицей красивой! Ты побѣдила меня, если не силой, то своей слабостью и я.... я спрошу тебя: ты не бросишь меня?!

Выросла женщина, поднялась въ сознаніи всей мощи своей слабости.

Онъ тихо, тихо склонилъ передъ нею колѣни, тихо, тихо опустилъ красавицу голову и еще тише, медленнѣе подымалъ ее.

Глядитъ онъ на свою маленькую, улыбается ей и манитъ взглядомъ.... манитъ....

ГЛАВА VI.

Ординскій.

Для характеристики Ординскаго мы разскажемъ одинъ случай изъ его жизни, Эпизодъ этотъ прекрасно характеризуетъ нравственную фигуру нашего героя.

Онъ былъ молодъ, былъ влюбленъ, влюбленъ въ первый разъ, и ясное дѣло, сумасшествовалъ.

Утро застало его за письмомъ къ своему другу: онъ, Ординскій, писалъ.

27 Мая.

„Глупый ты мой! Хорошій ты мой! И что за ерунду ты пишешь мнѣ въ отвѣтъ на мое признаніе, что я хочу жениться! Ну не чепуха ли твоя слѣдующая почтенная тирада: „Ты хочешь жениться? Глупо, удивительно глупо! Ты вглядись, во что ты влюбленъ, да вглядись хорошенько! А главное, бѣги отъ готовыхъ, прежде сдѣланныхъ мнѣній о женщинѣ; они, эти мнѣнія, все равно что платье, сдѣланное въ магазинѣ готоваго платья: въ него можетъ одѣться всякій, но оно ни на

комъ не сидитъ хорошо. Такъ и ты: ты бросаешься на всякую смазливую дѣвчонку и ужъ влюбленъ, и ужъ находишь ее и Богъ знаетъ чѣмъ. А ты всмотрись и увидишь"…. и т. д. и т. д. И все это чепуха. Ты отжилъ, ты устарѣлъ, ты неспособенъ понять мои восторги, уяснить прекрасный образъ моей красавицы. Ты неспособенъ, но я все-таки опишу тебѣ ее. Этого не слѣдовало бы дѣлать, но я…. я сдѣлаю. Сдѣлаю потому, что нужно высказаться, высказаться хотя на бумагѣ (прости эту фразу), какъ я люблю эту славную дѣвушку. Ты засмѣешься? Ну, смѣйся—чортъ тебя возьми! А я люблю, люблю и люблю! И смотри, какая она прелесть: во-первыхъ, она еще никогда не любила и лазурь ея глубокихъ, большихъ глазъ ясна, какъ небо голубое, небо безъ облаковъ и лѣтнее небо. Взглянулъ— и ты видишь, какъ дѣвственно чисты это тѣло, эта душа! Я бы сравнилъ тебѣ ее съ чѣмъ-нибудь, да рѣшительно теряюсь. Иной разъ она напоминаетъ мнѣ тѣхъ женщинъ, которыхъ рисовалъ Леонардо-Винчи, а иной разъ я думаю, что это сама Леда, а еще иной разъ…. да ужъ я и не подберу. Я тебѣ разскажу, какъ мы съ нею встрѣтились. Былъ диво какой день. Жарко въ комнатахъ, жарко на дворѣ, хорошо въ лѣсу—и я ушелъ въ лѣсъ. Глубокій оврагъ тянулся подо мною, и оврагъ страшный, весь поросшій столѣтними соснами, угрюмый, и только милое солнце скрадывало нѣсколько суровость его; кругомъ лѣсъ и лѣсъ, а гдѣ я помѣстился съ книгой, красивая поляна, съ густою, свѣжею, сочною травою. Восторгъ, какъ хорошо! Эффекты освѣще-

нія.... Чортъ знаетъ, кому я говорю обо всемъ этомъ Говорю человѣку, который любитъ природу только на сценѣ, знаетъ ее только по декораціямъ! Я замолчу и перейду къ разсказу.

Итакъ, былъ въ лѣсу, читалъ книгу и былъ спокоенъ. Вдругъ.... ты скажешь: вотъ и deus ex machina! Чтожъ, говори! Мнѣ, право, отъ этого не хуже. Итакъ, я читаю.... и слышу, а въ лѣсу только малиновки. да еще Богъ ихъ знаетъ какія птички поютъ, а потому тихо,—слышу арію Маргариты «за прялкой» изъ Фауста. Голосъ слышится свѣжій и такой свободный. сильный. Пѣсня ближе, книга къ чорту, и я весь вниманіе. Думаю: кто эта пѣвунья? Поетъ хорошо, со смысломъ, и должно быть она хорошенькая: гадкія такъ не поютъ и голосъ такой пріятный имѣть не смѣютъ. Думаю: вотъ и приключеніе. А что, мнѣ встать, какъ она войдетъ на поляну или нѣтъ? Ну, а что если она не сюда? Нѣтъ, сюда; вотъ и она. Я всталъ и глаза наши встрѣтились. Я видѣлъ и не понималъ: развѣ можно однимъ взглядомъ разглядѣть, понять Сикстинскую Мадонну Рафаэля? Нельзя и нельзя, и я, повторяю: видѣлъ и не понималъ. Откуда это ты, прелестное созданье? хотѣлось спросить мнѣ. А она? она взглянула и опять опустила свои глазки, и опять продолжала, прерванную на минуту, пѣсню. Она шла въ мою сторону, она поравнялась со мной, она миновала меня, а я.... я будто околдованный не могъ тронуться съ мѣста, не могъ сказать слова. Вотъ и нѣтъ ее: она скрылась за деревья и только пѣсня звучитъ на всю эту тишину. Звуки даль-

ше, тише.... Я очнулся, и на голосъ вдали замирающей пѣсни пустился за чудною пѣвицей....

Вотъ голосъ опять громче, вотъ и она. Быстро догналъ я ее и сталъ. Что́ мнѣ сказать ей? Какъ заговорить? Да и смѣю ли я нарушать ее покой? Что скажу я ей? Боже, да развѣ я знаю языкъ, которымъ говорятъ ангелы! Глупое положеніе, невыносимо глупое! Она обернулась, и добрая, чуть-чуть насмѣшливая улыбка освѣтила ея личико.

— Простите, заговорилъ я, что я.... я.... безъ вашего позволенія.... курю....

У меня и папиросъ-то не было, а сказалъ, сказалъ эту глупость....

— Продолжайте, смѣется она, отыскивая взглядомъ мнимую папиросу,—вы мнѣ не мѣшаете.

— А можно ли мнѣ идти рядомъ съ вами?

— Рядомъ тѣсно, а идите сзади или спереди.

Я пошелъ сзади.

Но Богъ мой! Что̀ же это со мною: я ничего не могу сказать!

— Вы изъ «Фауста» пѣли?

— Нѣтъ, изъ «Жизни за Царя».

Проучила: не спрашивай пошлостей.

— Вы смѣетесь надо мною и по-дѣло̀мъ. Но что̀ жъ мнѣ дѣлать, что я такой неучъ, такой безтолковый, и что у меня всѣ мысли, кромѣ одной—о васъ—убѣжали, и что я не знаю, какъ мнѣ заговорить съ вами.

— Будто? Однакоже заговорили.

— Но какъ....

— Какъ почти заговариваютъ....

— Жестокое слово: почти всѣ.... А я бы хотѣлъ вамъ сказать....

— Нѣчто иное. Послушаемъ.

Да чѣмъ я начну, чѣмъ инымъ? Я растерялся, я рѣшительно оглупѣлъ.

— Ну-съ?

Молчать дольше не возможно, я заговорилъ:

— Я встрѣтилъ васъ и очень доволенъ. Вы знаете, есть такіе удары, которые убиваютъ сразу, есть такіе глаза, которые заставляютъ любить сразу. Ваши глаза....

— Не продолжайте; я знаю эти разговоры, знаю, какъ говорятъ, чтобы ничего не сказать.

— О нѣтъ, нѣтъ,—это серьезно. До сихъ поръ еще ни разу, никогда я не былъ такъ смущенъ однимъ взглядомъ, одною встрѣчей. Я понимаю, что я долженъ бы былъ молчать, но подумайте, развѣ есть возможность распоряжаться своимъ сердцемъ, заставить его молчать!

Прелестное личико стало задумчиво. Тише пошла дѣвушка. Я замолчалъ.

— Я устала, сказала она и взглянула на меня тѣмъ глубокимъ взглядомъ, который и дно моря увидалъ бы, какъ сказалъ Дантъ.

Мы сѣли.

Вспомни, ты дикій, и лѣтомъ въ ваточномъ ходящій, человѣкъ, что это май мѣсяцъ, — мѣсяцъ, когда природа только что зажила полною жизнью, когда чув-

ствуешь эту полноту съ каждымъ вздохомъ здоровой груди, когда, стало-быть, и самъ живешь полнѣе. Роскошный, душистый воздухъ развѣ не шепчетъ сердцу про любовь, про счастье? А тутъ,—да ты подумай только, какъ хорошо то!—тутъ, въ этомъ лѣсу тѣнистомъ сидитъ съ тобою милая красивая дѣвушка! И ты одинъ съ нею, одинъ глядишь на нее!

Вотъ когда счастье близко, потому что и ты и она—оба молоды! Оба молоды.... счастье близко, а я не буду ей говорить про любовь, — да развѣ это возможно? Да и что же тутъ дурнаго? Вѣдь можетъ-быть,—а чего только не можетъ-быть?—и она взглянетъ на меня не сердито.... И мы раньше узнаемъ счастье, ничего, ни одной минуты не потеряемъ изъ него.

Я вижу твою скверную улыбку на эти, вѣрь, чистыя мысли, но да Богъ съ тобой.

Мы сѣли. Она обернулась ко мнѣ и наши глаза долго смотрѣли другъ на друга.

— Кто вы такой? спросила она.

Я назвался.

— Вы въ первый разъ въ нашихъ мѣстахъ.

— Да. Я только, что покончилъ съ книгами....

— И хотите начать съ жизнью?

— О, еслибы она, для начала, не сердито взглянула на меня вашими славными глазами!

Взглянула на меня красивая и взглянула не сердито.

— Что̀ же тогда бы?

— Тогда бы я вошелъ въ эту жизнь веселый, добрый....

— Добрый, улыбаясь сказала она, и ужъ конечно

послушный, вѣроятно не отказавшійся бы сорвать мнѣ и принести вонъ тѣ—я вижу тамъ—ягоды земляники.

Я сорвалъ ей двѣ ягодки земляники и подалъ.

— Хотите, мы раздѣлимъ? спросила она и подала мнѣ одну ягоду.

Я хотѣлъ взять менѣе спѣлую.

— Не эту—другую.

— Коль вы такъ, то вы себя обижаете, и я на подобный дѣлежъ не согласенъ.

— Такъ что же сдѣлать?

— Дать мнѣ каждой половину.

— Какимъ же это образомъ?

— Очень просто: откусить своими бѣлыми зубами и дать половину. Это будетъ братскій дѣлежъ.

— Братскій? и смѣется.

— Или влюбленныхъ!

Она открыла свой маленькій ротикъ, и открыла такъ, что видны стали ея, какъ снѣгъ, бѣлые зубы, и подѣлила землянику.

Я взялъ свои двѣ половины.

— Довольны вы?

— Еще бы! Я бы не желалъ никогда, во всю мою жизнь иначе закусывать, какъ теперь.

Молчаніе. Покраснѣло личико ея, нахмурились тонкія брови.

— Вотъ какъ! Впрочемъ, это не мудрено: послѣ хорошаго ростбифа и добраго вина подобная закуска ничего.

— Это не совсѣмъ такъ: тѣло имѣетъ свои потребности, свои аппетиты, но ихъ же имѣетъ сердце.

— Ну, и поздравляю васъ съ вашимъ сердечнымъ аппетитомъ и я удаляюсь. Прошу покорно не провожать меня, а если будетъ вамъ угодно, то вы можете пріѣхать къ намъ. Я изъ Алайкова, фамилія моя Ратова.

Я, конечно, сказалъ, что буду непремѣнно, и былъ и бываю.

Вотъ тебѣ, мой суровый, но милый другъ, и моя первая встрѣча. Я буду писать и дальше, но теперь пока довольно: усталъ.

Таровъ — Ординскому.

Получилъ твое письмо и, представь себѣ, прочиталъ даже. Фразы много и сейчасъ видно, что ты не влюбленъ вовсе. Да, не таращь глаза, — не влюбленъ. Я, братъ, вѣдь любилъ и самъ и знаю, помню прекрасно, что ни одного слова не помню изъ того, что я говорилъ любимой дѣвушкѣ. До того ли, другъ, чтобы запоминать слова, когда весь — огонь, весь — счастье, и когда съ языка льется рѣчь отъ сердца, а не изъ головы, а такія рѣчи не запоминаются. Итакъ, я очень доволенъ, что ты не влюбленъ, а пошаливаешь: ну ихъ этихъ дьяволовъ въ юбкахъ! Насолили они мнѣ! И если когда подвертываются, то я съ ними не церемонюсь, а иначе имъ, женщинамъ, кругомъ задолжаешь. Ты, я не гово-

рю, чтобы бросилъ подобное времяубиваніе, продолжай,—это пріятно и среди другихъ бездѣлій самое вкусное, но симъ неувлекайся. Будь на-сторожѣ. Вѣдь для того, чтобы найдти женщину, какъ слѣдуетъ, нужно, чтобы господинъ Случай и госпожа Судьба тебѣ помогали, а станутъ ли они такими глупостями заниматься? Никогда. Ты и не ищи женщинъ, какъ слѣдуетъ,—женщинъ *человѣковъ*, (ихъ и не найдешь), а бери отъ жизни, что она даетъ, помня то, что она, эта самая жизнь не болѣе, какъ сигара, иногда дурная, а иногда и великолѣпная гавана, у которой мало огня и только дыму много. Ну, ты и дыми, и дыми, и дыми! И старайся, чтобы дымить хорошимъ дымомъ. Серьезности, любви, какъ слѣдуетъ, искать нечего у женщины; она не любитъ, но занимается тобою; умъ ея не занятъ ничѣмъ, сердце пусто тоже, ну оно и занимается, какъ гостинница (которую невозможно же содержать безъ посѣтителей), всякимъ вновь пріѣхавшимъ, всякою новостью. Что же касается до нѣжныхъ, буколическихъ фразъ: „Ты моя, я твой“, то это старая пѣсня, имѣющая за собою то достоинство, что она всегда будетъ новою. Ты еще молодъ, еще не стучало сердишко-то отъ любовной тревоги,—ну, пусть постучитъ, пусть. Еслибы я не любилъ тебя и если бы я не увѣдалъ всѣхъ горечей, которыя идутъ слѣдомъ за минутами блаженства и которыя слишкомъ большая и долгая плата за эти минуты, я бы не предостерегалъ тебя. Я бы не старался снять съ прекрасной головки ея свѣжій вѣнокъ и тѣмъ разбивать иллюзіи,—нѣтъ, но я много, другъ, испыталъ,

женщины теперь для меня не болѣе какъ физіологическій этюдъ или же произведеніе искусства. Вѣрь, что тебѣ говоритъ не врагъ твой, а хорошій пріятель, да. Позабавься, но въ мѣру, и помни, что жизнь только для себя — не есть жизнь развитаго человѣка, и что тебя и твои способности ждетъ иная дѣятельность.

А пока прощай.

Твой Таровъ.

Тарова къ своей подругѣ.

Іюня 17-го.

Послѣ перваго письма, въ которомъ я описывала тебѣ мою встрѣчу съ Борей, прошло уже много времени и наши „дѣла любви", какъ ты *это* называешь, шибко подвинулись впередъ. Милая моя, я люблю безъ памяти! Это такой хорошій человѣкъ, умный и красивый, что я не видала, никогда не видала еще такихъ. Я не нашла въ немъ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя присущи наивному, мелкому вздыхателю. Въ началѣ нашего знакомства, какъ я уже тебѣ писала, онъ показался мнѣ не выдѣляющимся изъ толпы, далеко не искреннимъ, но потомъ, когда сердце заговорило въ немъ сильнѣе, онъ преобразился, приподнялся. Ты знаешь меня хорошо и поэтому повѣришь, что я бы не отдала своего сердца пустому человѣку за одну только возможность быть замужемъ, а я отдала мое сердце Борѣ и вмѣстѣ съ сердцемъ отдала ему и руку. Наша свадьба, по жела-

нію матери, будетъ нынѣшнею зимою. Ты спросишь: неужели я все мое время провожу въ любовныхъ объясненіяхъ? Нѣтъ и нѣтъ! Мы много читаемъ, много говоримъ. Боря поставилъ мнѣ на видъ много новыхъ вопросовъ, заставилъ думать; онъ уничтожилъ во мнѣ бездну предразсудковъ и выяснилъ, какова должна быть нравственная фигура женщины. Я занимаюсь, но не смѣю сказать, что много: его красивая фигура мѣшаетъ мнѣ даже и отсутствующая. Ты пожалуй скажешь, что это показываетъ мою пустоту,—нѣтъ, я не такъ думаю; я думаю, сердце говоритъ во мнѣ, а этотъ говоръ помоему не пустой говоръ: человѣкъ—вѣдь и тѣло и душа, а потому и говора сердца не избѣжать ему. Я,—ты не узнаешь меня,—гораздо серьезнѣе стала, хотя и никогда не была особенно вѣтрена. Боря такъ добръ, такъ снисходителенъ, что даже старается никогда не идти въ разрѣзъ съ моимъ настроеніемъ: не ломаетъ его. Когда я весела, онъ чуть не прыгаетъ, шалитъ какъ ребенокъ; я задумалась и у Бори озабоченная физіономія и уже другія рѣчи. Что это? Что, какъ не сочувствіе? Да и можетъ ли быть иначе: развѣ мы не живемъ одною жизнію? Я посылаю тебѣ его карточку. Развѣ не хорошъ? а? А какіе глаза-то? И ты замѣть, что онъ на карточкѣ хуже гораздо, чѣмъ такъ. Ты мнѣ мало пишешь—это не хорошо: я вѣдь тебя люблю и уважаю, какъ друга, какъ совѣтника.

Цѣлую тебя.
Твоя навсегда
Ле я Ратова.

Ординскій — Тарову.

Сентябрь.

Я не писалъ тебѣ, ну да ты и стоилъ этого. Ты пишешь, что тебя удивляетъ отсутствіе извѣстій обо мнѣ, а между тѣмъ удивляться нечему. Ну до тебя ли мнѣ было, да и теперь есть? До тебя ли? Да и что бы я сталъ писать тебѣ? Какъ мы время проводимъ, какъ любимъ другъ друга, — что-ли? Нѣтъ. Ну, такъ что же я бы писалъ къ тебѣ? Разсужденіе развѣ на тѣ глубокія мысли, которыя ты излилъ въ письмѣ твоемъ? — Не стоитъ, дядинька, время терять. Знаю, знаю, что ты захохочешь на эту фразу — сколько угодно. Да и по правдѣ развѣ я не теряю время, когда пишу тебѣ безчувственному, время, которое для меня теперь дороже чѣмъ когда-либо, потому что я его отнимаю у моей любви? Знаешь — съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ, мнѣ какъ-то лучше чувствуется, добрѣе я сталъ, сообщительнѣе. Хочешь я и тебѣ кое-что разскажу; шевельну твои раны, зажившія, но невылеченныя. Слушай, я тебѣ разскажу мое вчера:

Осень, дождикъ, грязь, сыро на дворѣ, и я до вечера не могъ отправиться къ Ратовымъ; но вотъ дождя нѣтъ, только вѣтеръ холодный — свиститъ, я и на коня и въ карьеръ (Ты вѣдь знаешь, я еще не завелъ экипажа въ деревнѣ). Пріѣхалъ — темнѣетъ ужъ: семь часовъ скоро. Ставни въ домѣ затворены, огня не видать. Вошелъ въ залу. Леля встрѣчаетъ.

— А я заждалась. Милый, какія у тебя холодныя руки, дай я согрѣю ихъ

Она, маленькая, взяла мои руки въ свои и грѣетъ. Я молча поцѣловалъ ея чистый, высокій лобъ.

— А maman?

— Спитъ еще. Мы только недавно отобѣдали,—все тебя ждали.

Безъ словъ, да и что говорить, когда взгляды понятны и полны значенья, мы прошли много комнатъ и усѣлись въ угольной. Ставни закрыты, рветъ ихъ вѣтеръ, а намъ и дѣла нѣтъ, намъ хорошо. Въ комнатѣ темно. *Она* наклонила ко мнѣ на плечо свою голову и шепчетъ мнѣ что-то. Тихонько, тихонько, я взялъ ея ручку малютку и тихимъ пожатьемъ хотѣлъ ей сказать: вѣрь ты, вѣрь.

Шумитъ на дворѣ непогода, тихо кругомъ и такъ счастливъ я! А она, милая, такая маленькая, слабая,—моя! Моя безъ раздѣла, вся моя!

Я тихо нагнулся и поцѣловалъ ее. Она прошептала: тебя я люблю.... Весь міръ за блаженство минуты одной не отдамъ. И хорошо мнѣ, отрадно такъ съ нею. Вѣдь, вотъ говорятъ, невозможно объ разныхъ предметахъ въ одно и тоже время думать, а я думалъ: я думалъ о ней, я любилъ ее и я слышалъ, какъ паукъ гдѣ-то теребилъ муху какъ она кричала, и я жалѣлъ ее, эту муху. Что мы говорили? Да развѣ я помню (ты правъ былъ въ письмѣ твоемъ), да развѣ могу отдѣлить то, что сказано было словами и что говорили намъ

взгляды. Такъ тихо кругомъ, что сердце какъ бьется я слышу. Хорошее время...

Тихонько, не слышно открылася дверь и вошла мать Лели, со свѣчкой вошла, и какъ мы сконфузились оба; какъ быстро по мѣстамъ разсѣлись.

Славная, добрая старушка улыбнулась на насъ и пальцемъ намъ погрозила.

— Ишь пріутихли! сказала она.

— Мамаша, голубчикъ! вскочила Леля, какая вы славная: дайте я вамъ чепчикъ поправлю.

— Чепчикъ?! И тебѣ не мѣшаетъ волосы поправить.

Леля вспыхнула.

А вы, мамаша, нынче что-то поздно встали?

— А тебѣ это не нравится? А? И смѣется старушка.

— Я... я право... Да ну, мамаша, и Леля бросилась цѣловать свою мать,—довольно вамъ! Вы виноваты во всемъ: зачѣмъ такъ долго спите!

Какъ мы шутили, смѣялись, какъ была мила Леля въ этотъ вечеръ, а ты, дикій, мнѣ чортъ знаетъ что напѣвалъ въ своемъ письмѣ. Не увлекаться тоже пишешь! Да еслибы за эти увлеченья я всею жизнью моей поплатился, я бы и тогда не жалѣлъ! Ты говоришь, что мнѣ предстоитъ общественная дѣятельность и что я не долженъ жить только для себя,—хорошо ты говоришь, но не совсѣмъ вѣрно: люди прежде всего, и всѣ-съ, эгоисты, и заботясь объ обществѣ, они заботятся о се-

бѣ и наоборотъ: себѣ лучше хлопочутъ и *такъ* всегда, исключая тѣхъ моментовъ, когда человѣкъ любитъ: тогда онъ, заботясь о себѣ, не заботится объ обществѣ, тогда онъ живетъ для себя одного и тогда ему нѣтъ дѣла до общества. Я, съ позволенія твоего, теперь живу для себя только и, что все равно, для Лели.

Впрочемъ, я иногда читаю кое-что съ Лелей, но, говоря по чести, мнѣ это скучно и я дѣлаю это только для нея: пытливая головка. Знаешь что: я иногда думаю, не умнѣе ли она меня, право; весь запасъ практическихъ свѣдѣній я сообщилъ ей, а она все хочетъ еще и еще, такъ что, вѣришь ли, я иной разъ для нея, чтобы отвѣчать ей, читаю, приготовляюсь! А до того ли мнѣ? А между тѣмъ я не хочу, чтобы и она, какъ ты, говорила мнѣ: „охъ, ужъ очень легокъ ты на подъемъ-то". Помнишь? Когда она весела, вотъ тогда я вполнѣ счастливъ. Ну, пока прощай.

Влюбленный, но не въ тебя, *Ординскій*.

Сентября 30.

Таровъ Ординскому.

Ты, вѣроятно, удивишься, если я скажу тебѣ, что твое письмо меня задуматься заставило. Ты и не думалъ, конечно, что, сказавши такъ мало о своей Лелѣ, ты сказалъ очень много. Я понялъ ее и выяснилъ себѣ прекрасно и скажу тебѣ, —ты не сердись, — что она гораздо серьезнѣе тебя, и что ты ее уже и теперь на-

чалъ обманывать! Да, это вѣрно. Ты корчишь передъ нею серьезнаго человѣка (воображаю, что это такое!) проповѣдника, а таковъ ли въ самомъ дѣлѣ? Ты уменъ, добръ, образованъ, красивъ, но ты, другъ мой,— пустота невообразимая. Для тебя жизнь хороша, когда она эффектна, не иначе. Ты спросишь. какъ я это узналъ? Да какъ же не узнать-то: вѣдь я съ тобой не одинъ годъ прожилъ-то и помню всѣ твои душевные порывы. Что тебя волновало въ нашей студенческой жизни, въ литературѣ, въ искусствѣ и въ исторіи? Одни красивые моменты. Вспомни—въ „Фаустѣ“ Морлова что тебя поразило? Вѣдь не глубина мысли, а эффекты появленій, стиха! Вспомни сцену смерти Линкольна: чѣмъ ты занялся, когда прочелъ ее? Занялся ты эффектомъ прыжка Буса изъ ложи на сцену и его крикомъ: Sic semper tyrannis! Ты не сказалъ: ужасное дѣло, подлый убійца! Ты сказалъ: красивая сцена! эффектъ-то какой! Таковъ ты и въ жизни: рисоваться, ловить эффекты—это твоя страсть, и не явись Леля, эта простая симпатичная дѣвушка, въ лѣсу, не пой она при твоемъ появленіи, ты вѣдь бы, пожалуй, и вниманія на нее не обратилъ. Я сказалъ: ты началъ ее обманывать,—и повторяю! Дѣвушка эта не изъ тѣхъ милыхъ, кроткихъ овечекъ,—я по крайней мѣрѣ такъ ее понимаю,—которыхъ можно стрѣтить на каждомъ шагу, а серьезная, хорошо поставленная воспитаніемъ,—словомъ, такая, съ которой тебѣ не справиться, и которая, если теперь и знаетъ меньше тебя, то, вѣрь, скоро догонитъ тебя и тогда.... тогда, братъ, плохо! Пытливая, какова она

есть, она тебѣ наскучитъ живо: согласись самъ, что невозможно же будетъ тебѣ всю жизнь *приготовляться*, какъ ты пишешь, а вѣдь если ты женишься, тогда придется! Да и теперь, въ твоемъ описаніи сцены, когда ты сидишь съ нею, а паукъ мучаетъ муху, — видна, братецъ ты мой, искусственность, холодность. Тебѣ не такія женщины нужны, нѣтъ! И ты отлично сдѣлаешь, если оставишь эту дѣвушку въ покоѣ. Это будетъ и для нея польээительнѣе и для тебя честнѣе. Ты увлекаешься вѣдь, не болѣе, и увлекаешься, какъ горячій человѣкъ, который вспыхнетъ не надолго, а за увлеченіе платить всею будущею неудачною,—а это несомнѣнно,—жизнію—не резонъ. Ты, можетъ, думаешь, что уже поздно оставить ее,—нѣтъ, дитя мое, нѣтъ! Она вѣдь тебя вовсе не любитъ: ты подвернулся ей во-время и больше ничего! Ты заспоришь? Ну изволь, я уступлю, я скажу: теперь она тебя любитъ, но разлюбитъ, когда просмотритъ всю твою красивость и увидитъ всю твою безсодержательность! Ужъ это съ тѣмъ возмите.... Ты не сердись на меня за эту слишкомъ рѣзкую рѣчь, а подумай, правда это, или нѣтъ. Я не смѣю сказать, что ты таковъ теперь. Въ тебѣ есть многое, что могло бы тебѣ доставить эффектъ и даже, пожалуй, значеніе на трибунѣ, но въ тебѣ нѣтъ ничего, что бы могло имѣть значеніе въ ряду будничныхъ дѣятелей, въ рамкѣ тихаго семейнаго счастія. Оставь ты ее, оставь! Иди въ адвокаты—и ты будешь знаменитостью! Да, потому что я не видалъ болѣе эффектной, хотя и не всегда логической, рѣчи, какъ твоя. Я человѣкъ не такой, какъ ты,—

это-то, я думаю и сблизило насъ, и меня эффектомъ надуть трудно, но и я увлекался иногда красивостью оборотовъ рѣчи, интонаціею и тѣми смѣлыми сопоставленіями и выводами, которые ты дѣлалъ, а въ дѣлѣ защиты—это все: тамъ, вѣдь, вдумываться въ рѣчь защитника некогда и тамъ, всего чаще, ловкій софизмъ сойдетъ за убійственно-логическій выводъ. А еще находчивость-то твоя!?....

Итакъ, другъ, или оставь эту дѣвушку въ покоѣ, или передѣлайся! Ты вспомни, на что ты себя обрекаешь! Вѣдь тутъ иная жизнь,—жизнь, которой все будущее въ развитіи до себя любимой женщины и въ воспитаніи дѣтей! А ты развѣ годенъ на это? Ты и самъ, я думаю, засмѣешься подобному предположенію.

Не грубо, какъ это дѣлается многими, а тонко, разумно оставь ее или, что лучше, заставь ее оставить тебя. Сдѣлай это такъ: *заставь* ее увидать себя въ иномъ противуположнымъ тому, въ которомъ ты теперь, свѣтѣ,—увидать тебя дурнымъ, не стоющимъ ее, и тогда, другъ, тогда и овцы будутъ цѣлы и волки сыты. Понялъ ты меня? А коли понялъ, такъ прощай и помни обо мнѣ.

Твой другъ

Таровъ.

Ординскій Тарову (два мѣсяца спустя).

Крокодилъ! Тигра безчувственная!

Я тебя понялъ; но долженъ признаться, что и ты меня безсовѣстно понялъ и грубо разоблачилъ?—Твое письмо навело меня на серьезныя мысли и навело настолько, что я счелъ долгомъ вдуматься въ нихъ; я вдумался и.... и нашелъ, что ты правъ во многомъ! Дѣйствительно, не для меня эта тихая дѣвушка, не для меня это скромное семейное счастіе; я иначе сложился, иначе понимаю жизнь и въ моемъ очарованіи этою прелестною дѣвушкою не было глубокаго чувства, а только увлеченіе, увлеченіе искреннее, подзадоренное красивостію и интересомъ новизны. Я благодаренъ этой святой дѣвушкѣ за тѣ минуты чистаго блаженства, которыя я провелъ съ нею и я.... я не смѣлъ, не долженъ былъ оставлять ее въ заблужденіи относительно меня. Ты разгадалъ меня въ письмѣ твоемъ и я сталъ наблюдать за собою и теперь, когда между нами уже все кончено, я разскажу тебѣ, къ чему привели меня эти наблюденія.

Получивъ твое письмо, я прежде всего разсердился, потомъ сталъ, независимо отъ воли моей, возвращаться къ нему и провѣрять мысли, изложенныя въ немъ. Прошло немного времени и вопросы: сдѣлаю ли я счастіе этой дѣвушки, помирюсь ли я съ скромными долями мужа и отца,—поминутно шли въ мою голову. Сначала я отвѣчалъ себѣ: „вздоръ, она будетъ счастлива,—я буду доволенъ своей долей“,—и кто знаетъ, мо-

жетъ быть, отвѣтъ этотъ былъ бы справедливъ, если, бы... охъ, это еслибы!... еслибы не пріѣхали къ нимъ погостить ихъ дальніе сосѣди, Красовъ съ женой. Ты спрашиваешь, что это такое—Красовъ съ женой? Изволь, я отвѣчаю: это видишь ли, дядинька, говоря языкомъ поэтовъ, закатъ и восходъ солнца. Онъ—это старый, червивый бѣлый грибъ, она—это юная малиновка.

Лела и она (*Соня* зовутъ ее—и это положительно вздоръ)—это два полюса. Одна тиха, немного задумчива, всегда почти сдержана и такъ просто, спокойно красива, другая же—этотъ взрывъ хохота—un éclat de rire, какъ говорятъ Французы, весела, болтлива и красива обольстительно не тогда, когда задумывается, что очень рѣдко бываетъ, когда она спокойна, а когда бушуетъ, волнуется!

Тогда,—о, тогда, я бы посмотрѣлъ, устоялъ ли бы ты передъ этимъ дьяволенкомъ!

Незамѣтно вошла она въ наши отношенія съ Лелей и замѣтно подсмѣивалась надъ нами: „Поль и Виржини“, называла она насъ.

Не замѣтить ея кокетства передо мною мнѣ было положительно невозможно—и я... я замѣтилъ. И, странное дѣло, я сталъ скучать съ Лелей: мнѣ хотѣлось быть дольше съ этою плутовкою Соней и я бывалъ съ нею дольше. Я не могъ не заглядываться на ея искрящіеся глазки, на ея бѣдовую улыбку, ну... ну я въ одно прекрасное послѣ вчерашняго чая взялъ да и разцѣловалъ ее.

Она противилась, но противилась слабо и разсердилась, но точно такъ же и разсердилась слабо: она разсердилась слабо, но Леля, которая все это видѣла, разсердилась, какъ слѣдуетъ, и этотъ вечеръ былъ послѣдній, въ который я ее видѣлъ. Укоризненно взглянули на меня ея тихіе глазки, когда она прощалась со мною....

Гадко было на душѣ у меня, когда я воротился домой: противно на самого себя. (Теперь прошло).

Утромъ я получилъ письмо отъ Лели; вотъ оно:

Мил. гос.

Прошу васъ освободить меня отъ даннаго слова; я вамъ не пара. Я не думаю, чтобъ это огорчило васъ, но я, скажу правду, плачу. Я не сержусь на васъ, — я прошу: уѣзжайте отсюда и уѣзжайте къ Сонѣ. (Она съ мужемъ ѣдетъ сегодня).

Васъ можетъ удивить моя просьба и вы не повѣрите искренности ея, но я вамъ, какъ честному человѣку, объясню смыслъ ея: вы, уѣхавъ къ Сонѣ, сразу и окончательно уничтожите во мнѣ всѣ надежды, всѣ пустыя, и пустотою своею мучительныя мечты о возможности возврата къ прежнему. Я не скрою отъ васъ, что это прежнее мнѣ дорого, мило.... и я.... благодарю васъ за него.

Прощайте.

Прочиталъ я это письмо и чуть, братъ, волкомъ не взвылъ. Ужъ очень мнѣ жалко было Лелю!

Теперь, другъ, я утѣшился: живу у Сони въ деревнѣ и благодушествую.

Читатель спроситъ, что дальше было съ дѣйствующими лицами? Я сообщу ему: Леля вышла замужъ за одного изъ мировыхъ судей, человѣка прекраснаго, и живетъ, вотъ уже три года, счастливо. Соня, по случаю смерти своего мужа, жуируетъ за границей, а чѣмъ кончилъ Ординскій, видно изъ конца этой повѣсти; про Тарова видно изъ разсказа „Призраки“ (книга „Съ позволенія сказать“.)

ГЛАВА VII.

Такъ вотъ оно счастье-то!

На другой день я скорѣй, будто кто торопилъ меня, хлопотала, какъ-бы мнѣ развязаться съ своими вещами.

— Не бросай вещи такъ, совѣтовалъ мнѣ Борисъ, и раздай ихъ, — раздай бѣднымъ; поищи, можетъ найдешь несчастную, которой плохо, которую нужда и голодъ тянутъ на дорогу разврата.

Я не знала такой, но мнѣ указали.

Какія хорошія слезы пролила эта дѣвушка, когда я сказала ей причину моей помощи.

— Благодарю васъ! вы спасаете меня, вы жизнь даете мнѣ. Вы молоды, прекрасны, дай вамъ Богъ всего хорошаго.

Она схватила мою руку, чтобы поцѣловать.

— Лучше просто поцѣлуйте меня, пожмите мою руку. Я вѣдь сама страдала! Знаю, что значитъ нужда и знаю, куда она ведетъ насъ, женщинъ, если у насъ

нѣтъ силы, если мы изнѣжены, если мы не умѣемъ или не хотимъ ничего дѣлать.

Прощайте.

— Я не забуду вашихъ словъ. Прощайте.

Какое-то новое, пріятное чувство щекотало мое самолюбіе. Дѣлать добро другимъ—это такъ пріятно.

Дня черезъ три я *со всѣмъ* покончила и переѣхала въ Hôtel, на деньги, которыя мнѣ далъ Борисъ.

Своихъ пріятельницъ бывшихъ я ни одну не увѣдомила; куда я ѣду и что буду дѣлать.

Удивятся чай?

Рѣки разошлись давно. Май былъ въ исходѣ. Дни стояли восхитительные. Завтра мы ѣдемъ съ Борисомъ въ его деревню, далеко за Саратовъ. Я такъ рада изъ этой гадкой Москвы выбраться; здѣсь мнѣ все напоминаетъ мое горе, мой стыдъ.

Боря такъ милъ съ мною. Ни одно облачко еще не пробѣжало между нами; онъ какъ за ребенкомъ малымъ ухаживаетъ за мною, и я, какъ малый ребенокъ, не капризничаю. Не то чтобы боялась я Борю, а чувство деликатности, сознаніе правоты его всегда, превосходства его надо мною, все это заставляло меня исполнять его малѣйшія желанія, понимать взгляды его. О прежней жизни—ни слова, будто и не было ничего.

Пьянство и кутежи будто и несуществовали — Боря не оставлялъ меня ни на часъ.

Дорогою до Нижняго-Новгорода не произошло ничего особеннаго. На другой день пріѣзда въ Нижній мы выѣхали на пароходѣ Волжскаго Общества. Волга еще не вошла въ берега свои и широкая, мутная, могучая, катила быстрыя волны свои.

Восхитительные виды одинъ другаго лучше рисовались намъ. Особенно красивъ былъ правый гористый берегъ; нѣжная, первая, еще незапыленная зелень, вдали голубая, а еще дальше ужъ совсѣмъ синяя, манила глазъ.

Вотъ Чебоксары. Мы съ Борисомъ, пока пароходъ грузился дровами, взошли на гору, гдѣ ютился убогій городокъ. Что за видъ! Что за область безъ границъ упала подъ наши взоры!

Какъ хороша была Волга, золотомъ солнца залитая! Деревни, церкви виднѣлись вдали; золотыми звѣздочками горѣли кресты далекихъ, какъ-бы въ туманѣ виднѣвшихся, церквей.

Завечерѣло.

Звонокъ раздался, мы сошли на пароходъ; раздалось: „Тихій ходъ“ и пароходъ пыхтя тронулся; „полный ходъ“ и пароходъ, смѣло разсѣкая волны, понесся.

Мы помѣстились на капитанской вышкѣ; чай подали.

Какъ-то отраднѣе, больше, шире дышется. Прохладный вечеръ смѣнялъ теплый день. Отвѣсные лучи заходящаго солнца точно пурпуромъ окрасили волны. Неясный мѣсяцъ стоялъ, не свѣтя, на небѣ; на востокѣ низко, у самой земли, заискрились звѣзды: темно почти было тамъ. Ниже солнце, ниже, и вотъ и со-

всѣмъ скрылось и горятъ румянцемъ только облака на западѣ, еще полныя воспоминаній о горячихъ привѣтствіяхъ солнца.

Темнѣетъ,—луна ярче становится, звѣзды зажигаются повсюду.

Вотъ и совсѣмъ ночь.

Сонъ нейдетъ на умъ, хорошо мнѣ вдвоемъ съ моимъ милымъ, съ солнышкомъ моимъ. Улеглась палуба; капитанъ да мы бодрствуемъ.

— Разскажи мнѣ что нибудь, Боря.

— Да что, моя маленькая?

— Про Волгу что нибудь, про ея старину. Вѣдь я ничего не знаю, ничему не училась, ничего не читала. Разскажи мнѣ.

— Изволь, моя милая. Я разскажу тебѣ про давнюю, вольную Волгу; — разскажу тебѣ про набѣги разбойничьи, про ихъ жизнь безшабашную.

— Ой ты, гой еси, Волга матушка, рѣка русская, великая! такъ началъ Борисъ. Созывала ты со всей земли людей бѣглыхъ, безпаспортныхъ, отъ помѣщичьихъ заботъ утекающихъ. Созывала ты, рѣка вольная, удалыхъ парней отъ солдатчины отбывающихъ, надъ собою властей не знающихъ, на окраины свои пустынныя, въ лѣса прибрежные, во дремучіи. Созывала ты старцевъ ветхіихъ, свою вѣру наблюдающихъ, отъ антихриста душу спасающихъ. И не разъ и не два отъ истока свово, что до самаго моря Хвалынскаго, ты рѣка, христіанскою кровью румянилась; и не разъ и не два въ ночи хмурыя на прибрежьяхъ твоихъ все

потѣшные огни зажигалися, то боярскіе дворы занималися. Оттого ты рѣка многоводна такъ, что лилися въ тебя слезъ мужицкіихъ рѣки жгучія; бурлаками вся ты исхожена, отъ Твери города и по Астрахань измѣрена. Буе́нъ свистъ злыхъ разбойничковъ, не единожды леденилъ руку купецкую, приказную. Соготовлены легки стружки, поотточены булатны ножи и ночь темная союзница! Чу! - плыветъ *по водѣ* судно крупное, зажжены огни на немъ. Тихо, прячучись, по наказу атаманьеву, побѣжали стружки легкіе, разбойничьи за тѣмъ судномъ. Все едино имъ: будь то судно государево, боярское, купецкое — обложить его атаманъ велѣлъ. Тихо, не плеснетъ весло неловкое, ничего не слыхать, ниже шопота. Спятъ на суднѣ томъ, не гадается имъ бѣда смертельная. Свѣтелъ мѣсяцъ содружилъ службу разбойничкамъ: за тучами свѣтитъ хмурыми. Подбѣгали легки суденышки.... близко.... Громокъ свистъ, рѣзкій, что стукъ молота по нако́вальнѣ, дрогнулъ во всю рѣку, разорвалъ тихоту томящую. «*Сарынь на кичку!*» «*Сарынь на кичку*»! И пошла потѣха бранная, загулялъ широкій ножъ въ теплой крови купаючись. Стоны, крики ночь нарушили; свѣтелъ мѣсяцъ разорвалъ тучу. Не долга потѣха буйная, посдалися всѣ на суднѣ томъ, на колѣняхъ просятъ жалости. Якорь бросили. „Доставай жбаны зелена вина, устилай полы золотой парчей“. И уставилась вся палуба, дорогимъ товаромъ всяческимъ, не дешевыми, иноземными винами. Пошолъ пиръ столбомъ, великій пиръ! А убитые не прибраны. „Чьи работнички“? атаманъ

спросилъ. — Боярскіе, отвѣчали провожатые. „Кто ко мнѣ идетъ во товарищи —я готовъ съ нимъ побрататися, а кто прочь идти, не согласны мы, на высокія мачты развѣшаемъ“. Всѣ боярскіе работнички пошли, одного прикащика не приняли: повѣсили. Коротко ли долго ли крушили пиръ, а пришла пора, одумались: опустили на суденышки свои вещи цѣнныя, полезныя, вина разныя, меда сладкіе! Съ пиромъ кончили, посадилися на свои струги а на судно на боярское пѣтуха краснà пустили. Порубили канатъ якорный и пошло по водѣ суднó яркимъ свѣтомъ ночку темную освѣщати, про потѣху молодецкую повѣщати.

— Вотъ тебѣ и прошлое нашей великой рѣки, кончилъ Боря.

Умилила меня его рѣчь мѣрная и чудилось мнѣ, что ползутъ по водѣ струги разбойничьи. Ночь темная, время позднее.... вдругъ „Сарынь на кичку!“ раздастся.

Рѣзкій свистъ встрѣчнаго парохода заставилъ вздрогнуть меня и я крѣпко, крѣпко прижалася къ Борѣ.

Не боюсь я съ нимъ....

Что задумалась, маленькая? спросилъ онъ.

— Я заслушалась тебя. Вѣдь вотъ ты замолчалъ, а мнѣ еще будто слышится твой разсказъ. Разскажи мнѣ еще что нибудь.

— Смотри, говорилъ онъ, указывая на бѣлѣющій уже востокъ, утро скоро, отдохни иди. Завтра я тебѣ еще что нибудь разскажу.

— Нѣтъ, Боря, вотъ что мы сдѣлаемъ: я никогда не

видала восходъ солнца на водѣ, останемся. Вѣдь не долго ужъ.

— Я не прочь, только ты иди надѣнь что нибудь: сыро.

Я надѣла теплый пледъ и воротилась.

Боря разговаривалъ съ капитаномъ.

— Какъ вы не боитесь идти ночью? спрашивалъ онъ капитана.

— Ночь довольно свѣтла, отвѣчалъ послѣдній, да и Волга еще не спала. Вотъ къ осени, когда фарватеромъ только можно идти, мы на ночь становимся. Вы говорили про Волгу, я слушалъ васъ — и не могу не согласиться съ вашимъ очеркомъ старины Волги. Да, многоговорящая рѣка Волга. И прелестна же какъ! Я вотъ ужъ пять лѣтъ хожу по Волгѣ и мнѣ не надоѣли ея берега. За Саратовомъ она еще краше; тамъ пойдутъ знаменитые Жегули.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Боря. Я вѣдь ужъ не разъ ѣзжалъ по Волгѣ. Я самъ изъ Саратова.

— Вы съ супругой изволите, вѣроятно, ѣхать? спрашивалъ капитанъ, указывая на меня.

— Вы не ошиблись.

— Счастливая молодость! простите мнѣ старику (капитанъ былъ сѣдой, загорѣлый морякъ) что ввязался въ вашъ разговоръ. Какъ-то сердце радуется, глядя на радость другихъ. Я не мѣшаю вамъ?

— Нисколько! поспѣшила отвѣтить я. Мы собираемся посмотрѣть на восходъ солнца на Волгѣ

— А, не видали? славная картина.

Дѣйствительно славная! Темно. Начинаетъ голубѣть темно-синій цвѣтъ неба; на востокѣ внизу самомъ онъ былъ свѣтло-розовый, а повыше лиловый. Туманы вставали на Волгѣ и не ясны были далекіе берега. Вереницы птицъ съ сѣвера тянулись на югъ, не нарушая тишь крикомъ и порой скрываемыя туманомъ. Высоко стоитъ мѣсяцъ, но ужъ не свѣтитъ; тѣни не даетъ. Звѣзды померкли. Ярче, ярче румянится небо и облака, что бѣгутъ съ востока высоко на небѣ, еще все залиты краскою солнца; на западѣ низко, они теряютъ золотую окраску и тонутъ на горизонтѣ хмурыя, будто недовольныя. Просыпается палуба. Просыпаются птичьи пѣсни. Вотъ жаворонокъ прозвенѣлъ надъ палубой и замолкъ; вотъ какая-то большая птица крикнула, пронеслась мимо и скрылась въ туманахъ. Свѣтлѣй и свѣтлѣй. Туманы рѣже и, будто оторванные отъ воды, качаются они въ воздухѣ, еле колеблемые тихимъ, свѣжимъ вѣтромъ. Яснѣе берега. Замелькали селенья, рыбачьи лодки показались!... и точно ожило все. Иное, болѣе яркое, освѣщеніе дало еще больше прелести просыпающейся Волгѣ, берегамъ ея. Пѣсни птицъ заслышались громче, радостнѣе—онѣ будто привѣтствовали величаво поднимающееся солнце. Туманы застилали солнце и я смотрѣла на него, — не больно было, какъ оно сначала большое, красное, тусклое, а послѣ, уже выше тумановъ, яркое, блестящее оживляло природу. Тѣни становились короче; тепло становилось отъ солнца.

Смотри, какая ты блѣдная стала, Лиза! Иди-ка спать.

Я въ самомъ дѣлѣ устала немного и простясь съ капитаномъ и Борей ушла спать.

Крѣпко, сладко, какъ давно не спала, заснула я.

Днемъ, ужъ въ двѣнадцать часовъ, проснулась я, свѣжая и съ здоровой головой.

Боря спалъ еще.

День былъ жаркій невыносимо. Солнце стояло высоко и старалось грѣть изо всѣхъ силъ.

На вышкѣ капитана было прохладнѣе.

Вѣтеръ не дулъ, но быстрый ходъ парохода давалъ чувствовать его.

— Въ деревню ѣдете? спросилъ капитанъ, въ одно время со мною вошедшій на вышку.

— Да. Я въ первый разъ на Волгѣ; какъ она хороша? Знатная рѣка. Вотъ и меня старика пріютила на водахъ своихъ. Надоѣло море-то, да и служба здѣсь прибыльнѣе. Бывало такъ надоѣстъ все вода да вода, что радъ-радехонекъ, когда берегъ увидишь. И картины-то моря, правда, величавыя, опошлились какъ-то, какъ опошливаются всѣ хорошія вещи, слишкомъ часто повторяемыя. Всѣ эти восходы, заходы солнца — хоть бы и не видать. Апатія какая-то. Только въ бурю и живемъ, право, по крайней мѣрѣ ощущенія сильныя. Хмурое небо, свиститъ вѣтеръ, пѣна на палубѣ, мокро, холодно, кричатъ, командуютъ — лихо! А то тоска. Сами себѣ надоѣдимъ до отвращенія. Женщинъ нѣтъ —

звѣрями подѣлаемся. Вотъ какъ у Америки крейсировали—хорошо было: мастера эти янки выпить. Пьетъ, бывало, каналья, собака, ромъ стаканами и ни въ одномъ-съ.

— Такъ здѣсь, перебила я словоохотливаго капитана,—вамъ лучше?

— Не въ примѣръ-съ. Нѣтъ ни бурь, ни вѣчной воды, ни летающихъ рыбъ и есть безъ конца очищенная! Я, знаете, воды и чая почти не пью, не привыкъ, но за то ужъ нашу народную-то пагубу гублю не на животъ, а на смерть.

Скучный человѣкъ! и что мнѣ за дѣло до его очищенной, до его „ни на животъ." Скоро ли Боря встанетъ, вѣдь ужъ второй часъ.

Капитанъ не умолкая продолжалъ, я его почти не слушала: надоѣлъ.

А вотъ и Боря. Такой славный, еще заспанный немного и больно ему смотрѣть на небо. Потягивается точно котъ....

— Здравствуй, соня. Я заждалась тебя.

— И залюбезничалась съ капитаномъ. Капитанъ, Боря обратился къ нему, вы не очень-то ухаживайте за моей барыней. Ну, здравствуй, чучелка моя гороховая, здравствуй. Что во снѣ видѣла? Чай пожары, набѣги и тому подобныя страсти?

— Ничего не видала.

— А меня?

— Представь себѣ и тебя не видала.

— Быть не можетъ.

— Спала, какъ убитая.

— Ну и умница. А жарко — паритъ. Гроза будетъ, пожалуй, капитанъ?

— Да, похоже на это.

Публики съ нами ѣхало много, много ѣхало и мужчинъ, но я ихъ будто и не видѣла, такъ занята была моя мысль Борей. Мнѣ не хочется, трудно оторвать глаза отъ него и онъ это замѣчаетъ и счастливый, довольный улыбается.

— Ну, чего ты, глупенькая, смотришь на меня все? А?

— Да нужно же на что нибудь смотрѣть.

— Ну что врать-то: „нужно же на что нибудь смотрѣть! дразнилъ онъ меня. — Просто влюблена, какъ цѣлая дюжина влюбленныхъ.

— О, Цезарь! Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ....

Боря засмѣялся, потомъ всталъ и, низко склонивъ передо мною голову, сказалъ:

«Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Такъ Юлій Цезарь говорилъ
А я сказать вамъ принужденъ:
Пришелъ, увидѣлъ, побѣжденъ».

— Хорошо! браво! Если бы я не думала надоѣсть тебѣ, если бы здѣсь не было никого, я бы пожалуй и поцѣловала тебя!

— Неужели? и самъ хохочетъ....

— Вѣрно.

— Смо ,ирЛиза, какъ уставился на тебя вонъ желтенькій господинъ. Вѣдь хорошенькій? а?

— Точно огурецъ, оставленный на сѣмена.

— Онъ тебѣ глазки дѣлаетъ. Лиза, вотъ тебѣ задача: изволь устроить такъ, чтобы онъ съ тобою заговорилъ, чтобы разсыпался передъ тобою. Ну-съ, начинайте. Глазки дѣлать извольте ему, ну-съ. Я прійду черезъ пять минутъ, чтобы онъ былъ около тебя.

Уходитъ и хохочетъ.

Господинъ, котораго поручилъ Боря, - былъ изъ тѣхъ эѳирныхъ молодыхъ людей, которые бываютъ только въ высшемъ обществѣ: худенькій, блѣдненькій, чисто выбритый, въ перчаткахъ, съ такими утонченными манерами, и весь въ желтомъ.

Я бросила два-три взгляда на него, онъ весь съежился; я еще посмотрѣла — онъ вспыхнулъ; еще взлянула—и онъ граціозно воздушно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ. Я серьезно посмотрѣла на него — онъ остановился, сконфузился и сталъ вертѣть цѣпочку.

Хохотъ разбиралъ меня. И зачѣмъ это Борѣ понадобился этотъ баринъ? Нужно еще одинъ коварный взглядъ....

Онъ подошелъ.

— Mille pardons. madame! Я нарушилъ ваше уединеніе.

— Какъ, засмѣялась я, указывая ему на мѣсто рядомъ со мною, развѣ вы себя и капитана ни за что считали (насъ было трое на вышкѣ), что просите извиненія за нарушеніе моего уединенія.

— Нѣтъ, изящно улыбнулся онъ, — я встревожилъ уединеніе вашихъ мыслей, я ихъ нарушилъ.

— Будто и встревожили? Будто и нарушили!

Томный взглядъ, брошенный мною на желтенькаго господина, спуталъ его: онъ не понялъ насмѣшки.

Явился Боря, одобрительно улыбнулся мнѣ и разговоръ сдѣлался общимъ. Богъ мой! какъ мы трунили надъ этимъ бариномъ и какъ онъ ничего не понималъ. Въ продолженіи дня онъ мѣнялъ три раза свой костюмъ и одинъ другаго убійственнѣе.

Скоро я по приказанію Бори начала дѣлать глазки всѣмъ,—что прикажите дѣлать?—и мы перезнакомились со всѣми. За мною ухаживали на пропалую. А плутъ Боря посмѣивался себѣ, важничалъ.

Казань, Симбирскъ, Самару мы уже миновали; скоро и Саратовъ.

Дни всю нашу дорогу стояли славные, только два раза была гроза и то не надолго.

Мнѣ очень нравилось это путешествіе, но все-таки хотѣлось поскорѣй *домой!*

Я сказала это Борѣ.

— Черезъ три дня мы будемъ дома.

— Я рада! Я буду вставать рано, хозяйничать! Вѣдь да, Боря?

— Если угодно.

— Ты будешь еще спать, а я уже обойду скотный дворъ, все, выкупаюсь и къ пробужденію вашей милости, мой господинъ, я буду ожидать васъ съ кофе.

— Ну это еще видно будетъ. Я самъ въ деревнѣ встаю рано.

Въ Саратовѣ мы пробыли полдня и теперь мы уже подходимъ къ Жегулевскимъ горамъ.

Еще издалека стали видны онѣ. Восторгъ, что за видъ.

Неровно шли знаменитыя горы, гдѣ потѣшался „батюшка Степанъ Тимофѣевичъ" (это мнѣ объяснилъ Боря).

То высоко, высоко подымались онѣ, поросшія боромъ дремучимъ, то вдругъ спадали чуть не до самой воды и шли небольшими холмами, поросшія уже мелкимъ кустарникомъ, а чаще вовсе голыя, красныя. Въ самую высь поднебесную ударялись иныя, обнаженныя бѣлыя мѣловыя и синѣли въ туманномъ далекѣ.

— Боря, просила я, разскажи про Жегули; про Разина.

— Радъ служить:

„Что по ниже города Саратова, а по выше города Царицына, въ Жегули горы потайныя, не злы воронья солеталися, понизовыя бурлаки собиралися. Собиралися, атаману батюшкѣ поклонялися. „Вы зачѣмъ, про что, вопрошалъ онъ ихъ, сюда парни понаѣхали? Аль топтать зелены цвѣтны луга? Аль ровнять круты красны берега? — Не за тѣмъ къ тебѣ наѣхали; одолѣла зла неволюшка, опостыла наша долюшка! Не орелъ въ сине небо взвивался, то Степанъ Тимофѣевичъ за крестьянскія души поднялся. Мы прослышали и къ тебѣ утекли, больше мы не могли выносить всѣ неправды боярскія!" А, коль такъ, я не прочь отъ гостей, только слушать меня. Такъ народъ къ атаману сбирался, такъ въ походъ атаманъ снаряжался. По овра

гамъ, лѣсамъ заповѣднымъ поселялися разбойнички, атамановы работнички. Всѣ по сотнямъ, по дружинамъ перемѣчены, есаулы къ нимъ поназначены. И бывало въ ночь бурливую на веслахъ плывутъ вверхъ рѣки, а какъ день пришелъ, хоронятся и такимъ путемъ до богата села княжеска добираются, а нагрянутъ ночью — потѣшаются, съ боярами расправляются, а потомъ пожарище зажгутъ, чтобы путь обратный имъ свѣтило. Такъ многажды они потѣшалися, со ворогами мужицкими считалися. Во погоню за ними стрѣльцы снаряжены, укрываютъ разбойниковъ мужнія жены: удалой народъ — голь кабацкая, голутьба обнищалая! Разъ, къ зимѣ, отпустилъ атаманъ своихъ парней, со наказомъ такимъ: „какъ польютъ ручьи съ горъ, какъ поля зачернѣютъ, всѣ ко мнѣ, въ Жегули собирайтеся, фузеями, синимъ порохомъ, ножами запасайтеся". Собрались къ веснѣ. Заготовлены судна, суденышки, легки стружки изукрашены, словно лѣсомъ поросли, всѣ-то копьями, знаменами. И ударилась ватага буйная ко Хвалынскому морю сердитому. Миновали, слышь, Царицынъ городокъ, не замѣтила и Астрахань. Вышли въ море—бѣгутъ. Плыли долго-ли, коротко-ли, къ бусурманскому царству подъѣхали, персіанскаго царя навѣдати, про свое молодечество повѣдати. Ну и точно: погуляли. Нагрузили судна, ажно некуда, добромъ нехристей, а въ полонъ забрали дѣвицу — едину дочь султанскую. Хороша она: лицо бѣлое, какъ ясный день, глаза черные, что осення ночь. „Мнѣ не надобно золотыхъ парчей, ни цвѣтныхъ камней, ни зерна ясна бур-

мицкаго, мнѣ отдайте красну дѣвицу! сказалъ слово Степанъ батюшка Тимофѣевичъ. Поклонились парни ею атаману. Разодѣлъ свою любовницу атаманъ лихой во шелки-ли шемахинскія, во парчи-ли веницейскія и любуется! Съ нею рѣчь поведетъ — не понятна ей, пѣсню ей запоетъ—улыбается. Да и краля же! Текутъ домой суда, поспѣшаютъ. Разъ подъ утро буря злая разыгралася, волна выше волны поднималася, а буе̇нъ вѣтеръ нагибаетъ мачты стойкія, паруса рветъ что шелковыя! Такъ на три дни погодушка взбушевалася, на три дни да на полдня. Разметало по морю суда легкія, возроптали слуги атамановы. — Атаманъ, взговорили молодцы его, оттого невзгода эта приключилася, что некрещѐна душа плыветъ съ нами. Изыми ее съ судна. — „Николи не бывать тому“! Не бывать!? загудѣли въ одно слово всѣ разбойники. Такъ мы сами ее съ судна швырнемъ. — „Во какъ! Выходи такой, что помѣряться не прочь со мной! Выходи! коль міръ Божій не милъ, свѣтъ-свѣтелъ не красенъ, выходи!“ Пріутихли всѣ, а она краснà сидитъ, улыбается, на свово дружка любуется: не понятна ей рѣчь лютая. Вышелъ одинъ есаулъ сподручный, холеный и молвитъ: „не признать тебя; атаманъ лихой! ты обабился съ своей бабою! Не затѣмъ мы пошли съ тобой не совѣтуючись, безъ распросовъ, не затѣмъ. А ты насъ зовешь на смертельный бой! — что жъ не прочь! Ты одинъ,—а насъ много, вѣдь и бабѣ твоей все едино на дно моря прогулятися прійдется же. Призадумался атаманъ.—„ Ну инъ быть по вашему“! и хохочетъсамъ:

только до ночи дождемся мы — може буря и умается. Не умаялась: еще пуще разыгралася и мечетъ легки струга точно перышки, порвала въ лоскуты паруса всѣ. Подалъ знакъ атаманъ; собрались къ его順стругу другіе струги. — Подъ веселый пиръ, говоритъ онъ, подъ потѣшны огни выдадимъ мы морю дѣвицу.

Борисъ остановился будто задумался.

— Говори, говори, прошептала я.

— Согласились. Сомѣшались съ ревомъ бури пѣсни буйныя, полилось вино фряжское. Стонъ стоитъ. А ночь, что могила черная, только изрѣдка молоньей озаряется. — Темно, братцы намъ! говоритъ атаманъ. Подожгемъ судно одно, а съ него народъ на другія суда перейдетъ пускай. И на это согласились всѣ: пить да гулять, только бъ время коротать. Всѣ одѣлися по воскресному: пестрядинныя рубашки съ золотыми голунами, шапки соболя сибирскаго, верхи бархатны и зеленъ сафьянъ на сапожкахъ; изукрасили всѣ палубы что шелками, что безцѣнными парчами. Зажгли стругъ! Высокъ огонь въ небо самое ударился и заигрываетъ съ молоньей. Мракъ ночной они въ день обратили — гуляютъ! Злится море, вѣтеръ рѣзче, такъ и ноетъ, завываетъ. Пьютъ ребята, веселятся. Догораетъ судно, снова черная ночь наступаетъ. Изукрасивъ, какъ царицу, атаманъ въ остатный разъ любуется своей дѣвицей красавицей. Хмѣль беретъ свое, заголдѣли всѣ разбойники: „окуни ее, Степанъ батюшка Тимофѣевичъ, пришла пора“. Вовсе тухнетъ стругъ, ночь чернѣе, буря злѣе. „Ладно! Ну, красавица, про-

щай! Сгребъ ее голубку бѣдную, обнялъ крѣпко такъ и швырнулъ чрезъ все судно. Унялася буря, стихло.

— Я нарочно велъ разсказъ тебѣ этимъ языкомъ, языкомъ народныхъ былинъ, языкомъ того времени, чтобы по возможности перенести тебя въ это время, время ничѣмъ не похожее на наше, кончилъ Борисъ.

— Боря, это былъ красивый разбойникъ. Ты сдѣлалъ бы тоже, что и онъ?

— Это трудный вопросъ, хорошая моя: нужно опредѣлить, какая женщина была со мною.

— Если бы.:.. я была?

— Тебя бы не бросилъ я въ море, а съ тобою бы бросился.

— Шутишь?

— Право. Ну кому бы я тебя оставилъ?

— А, ревность.

— А что такое ревность?

— Ревность — это зависть.

— Умница.

Ночь была такъ темна, что капитанъ рѣшилъ остановить на ночевку пароходъ. Поздно уже на палубѣ раздались пѣсни, тѣ своеобразныя русскія пѣсни, которыя такъ много говорятъ русскому сердцу. Это были не тѣ заунывныя, полныя горя, нужды пѣсни, что поютъ у насъ въ центральныхъ губерніяхъ, а бойкія, смѣлыя, широкія по идеи, какъ матушка Волга рѣка, какъ ея степи безграничныя.

— Слышишь, Лиза, говоритъ Борисъ, какая разница между русскими пѣснями подмосковными и этими — волжскими?

— Да.

— А отчего она?

— Не могу сказать.

— А оттого, что подъ Москвою народъ больше гнёта перенесъ, больше забитъ, приниженъ, чѣмъ здѣсь: здѣсь же былъ онъ вольная птица: степь широкая, Волга, рѣка, набѣги, грабежи, пожары! Бойчѣй эта пѣсня, а почему? — да потому, что народъ здѣсь, на окраинахъ, былъ самъ себѣ господинъ, самъ себѣ защитникъ! Набѣгали на него: татары крымскіе, киргизы, татары, калмыки и онъ самъ съ ними считался, ну и въ пѣсняхъ здѣшняго народа, ясное дѣло, больше удали, размаха сказалось.

Пѣсня шла то хоромъ, то solo:

Дуй, ты вѣтеръ дорогою
За моею зазнобою;
Развѣй ея русу косу
До самаго поясу.

Теки, теки, коню добрый
По степи широкой.
Спѣши, спѣши, коню добрый
Къ моей свѣтлоокой.

Дуютъ вѣтры, стелятъ пыль
Недалеко до конца
Про разбои шепчутъ быль
Въ уши молодца.

Сказывала лихая пѣсня. Голоса были чудо какъ хороши, особенно одинъ теноръ грудной, высокій, сильный. Боря былъ въ восторгѣ отъ этой пѣсни и просилъ ея спѣть еще, — спѣли еще и еще согласнѣе, еще лучше.

Не хотѣлось спать идти: слушала бы до утра.

Утромъ часовъ въ двѣнадцать на какой-то пристани мы вышли. Насъ ждалъ управляющій Бориса и четверня въ коляскѣ.

— Далеко, Боря?

— Сорокъ верстъ. Мы скоро доѣдемъ, не пугайся, вѣдь здѣсь дорога, что твое шоссе, да и на половинѣ насъ подстава ждетъ.

Живо запрягли намъ лошадей и мы двинулись.

Никогда еще я не ѣзжала степью, а хорошо. Нѣжная, молодая, не запыленная еще, почти-свѣтло-зеленая трава не высоко поднялась отъ земли; кой гдѣ, безъ всякой симетріи, она густо перемѣшана съ ярко желтыми кустами цвѣтовъ. Горячій день манилъ на эту сочную, густую траву, хотѣлось потоптать ее, поваляться на ней. Жарко было. Вѣтеръ изрѣдка пробѣжитъ по степи, качнетъ траву, взволнуетъ ее точно воду и уйдетъ. Птицы какія-то, встревоженныя нашимъ поѣздомъ, взвивались высоко въ воздухъ, громко негодуя за нарушеніе покоя и долго долго кружились надъ нами. Въ небольшихъ озерахъ, оставленныхъ

разливомъ рѣки, мы видѣли цѣлыя стаи разной птицы: гусей, утокъ и проч.; шумно поднимались онѣ при нашемъ приближеніи. Здоровый воздухъ степи какъ-то выше подымалъ грудь, шире дышалось. Глядишь, и нѣтъ конца степи; на горизонтѣ сливалась она, синѣя съ голубымъ небомъ.

Мы ѣхали шибко и почти не разговаривали. Я была какъ-то особенно, торжественно настроена, порабощенная новизною впечатлѣній. Не утомляетъ, а покоитъ зрѣніе это тихое однообразіе степи. Силу природы чувствуешь сильнѣе и машинально склоняешься передъ этою силой.

Перемѣнили лошадей, перемѣнилась отчасти и мѣстность: пошли холмы, показались и кустарники. Вотъ, на довольно высокой горѣ показался огромный барскій домъ.

— Вотъ и Ординское, указываетъ мнѣ Боря, вотъ мы и пріѣхали, и дома.

— Прелесть, Боря, какъ хорошо.

Красивое мѣсто. Большое село показывалось намъ изъ-за пригорка, церковь старой архитектуры и безъ конца сады.

Вотъ мы проѣхали село, спустились къ небольшой, свѣтлой рѣчкѣ и во всю прыть взобрались на гору, къ дому.

Насъ ждали, все было приготовлено. Толпа дворни, какъ въ доброе старое время, до 19 февраля, встрѣтила насъ у подъѣзда.

— Вотъ моя жена, а ваша барыня, рекомендовалъ меня Боря дворнѣ.

У меня цѣловали руки, просили любить и жаловать; я, понятное дѣло, на обѣщанія не скупилась; но.... но какъ-то совѣстно было мнѣ: развѣ я жена его? Иначе, правда, сказать онъ не могъ, не хотѣлъ ронять меня въ мнѣніи этихъ людей, оскорблять меня предъ ними. Сердце шептало, что это такъ, а разсудокъ говорилъ и громко говорилъ: не совсѣмъ такъ! Если любитъ онъ меня, отчего-же онъ не женится на мнѣ? Ну да объ этомъ послѣ.

Для насъ былъ отдѣланъ весь низъ дома и нѣсколько верхнихъ комнатъ. Я помѣстилась на верху. Небольшія, свѣтлыя хорошенькія комнаты были прелесть какъ уютны. Разныхъ красивыхъ бездѣлушекъ у меня было пропасть. (Когда это успѣлъ все закупить Боря?)

Къ вечеру, при помощи двухъ горничныхъ, я разобралась съ своими вещами и сошла внизъ. Боря ждалъ меня. Въ большомъ кабинетѣ нѣсколько мрачномъ, но уютномъ шипѣлъ на столѣ самоваръ. Я принялась наливать чай, Боря пригласилъ къ чаю священника, и разговоръ завязался. Говорили объ урожаяхъ, о сосѣдяхъ, меня это не интересовало и я принялась за сливки желтыя, густыя, такія сливки, которыя въ городахъ немыслимы.

— Много не кушайте, сударыня, замѣтилъ мнѣ священникъ.

— Отчего-же?

— Вредно-съ.

Дальнѣйшія доводы этого добраго, кроткаго, какъ я узнала въ послѣдствіи, человѣка убѣдили меня; онъ провелъ ту мысль, что всякій излишекъ въ удовольствіяхъ—пагуба. Нужно зарубить это на носу.

Послѣ чая, усталые отъ дороги, мы отправились спать.

Тихо, семейно потекла моя жизнь. Будто я и создана была для такой жизни—такъ скоро я вошла въ нее. И какая благодать! Встанешь рано по утру свѣжая, здоровая; нѣтъ ни тревогъ, ни огорченій и сердце спокойное, счастливое, не ищетъ какихъ-то невѣдомыхъ восторговъ, не мчится куда-то вдаль. Купаюсь. А Боря еще раньше меня встанетъ и уже гдѣ нибудь по оврагамъ, по полямъ рыскаетъ съ борзыми. Я въ это время хлопочу по хозяйству, приготовляю завтракъ Борѣ и часовъ въ десять иду къ себѣ, на вышку, ждать Борю, смотрѣть, какъ онъ пріѣдетъ. Вотъ и онъ, на своемъ сѣромъ донцѣ, летитъ сломя голову; бѣдныя, усталыя борзыя гуськомъ бѣгутъ за нимъ. Еще издали увидалъ онъ меня въ открытое окно и машетъ своей шапкой. Онъ близко, я бѣгу внизъ и встрѣчаю его на крыльцѣ. Въ пыли весь, загорѣлый и такой хорошій! Послѣ мы гуляемъ или онъ что нибудь поетъ мнѣ и затѣмъ до обѣда онъ занимается съ управляющимъ.

Вечеромъ чтеніе, а если хорошая погода—прогулка верхомъ. Онъ мнѣ много дѣлалъ подарковъ и разъ подарилъ прекрасные бриллiанты своей матери, я была внѣ себя отъ восторга. Дивныя вещи!

Такъ шла наша жизнь до осени. Осенью Боря сталъ скучать немного и завелъ знакомство съ помѣщиками.

ѣздили къ нему одни мущины и часто устраивали карточную игру. Я никогда не сидѣла долго и часовъ въ двѣнадцать уходила спать.

На другой день, если Боря выигрывалъ, онъ былъ чудно милъ со мною: дразнилъ меня, хохоталъ, любовался мною, шалилъ какъ малое дитя; если-же проигрывалъ, онъ становился какъ-то особенно задумчивъ, серьезенъ и почти не говорилъ со мною, развѣ иной разъ къ вечеру разбѣгутся тучи и онъ сдѣлается настоящимъ Борей.

Мой міръ былъ полонъ и отсутствіе женскаго общества не тяготило меня. Такъ дѣло шло до глубокой зимы. Боря началъ играть и не у себя: отлучался иногда на день, на два къ сосѣдямъ. Разъ, помню, онъ возвратился страшно сумрачный и цѣлый день не говорилъ со мною.

На другое утро, опять сумрачный, онъ особенно странно спросилъ меня.

— Лиза, если-бы я сдѣлалъ что нибудь дурное — любила бы ты меня?

— Послѣ преступленія, отвѣчала я, — да; послѣ подлости.... не знаю.

— Не.... знаешь.... и самъ задумчивый такой.... а я знаю.... знаю — что нѣтъ!

— Да что съ тобой, Боря, что? а у самой слезы еле держутся и сердце такъ бьется, бьется.

— Ничего: я такъ спросилъ. Прощай, я ѣду играть. Дай мнѣ руку на счастье.

Я дала. Крѣпко пожалъ онъ мою руку, внимательно взглянулъ мнѣ въ глаза и простился долгимъ, жгучимъ поцѣлуемъ. Уѣхалъ.

Что съ нимъ? что съ нимъ! что!! Ужели несчастье вновь, ужели онъ оставитъ меня? Нѣтъ! нѣтъ! это было-бы ужъ черезчуръ жестоко. Скученъ длинный зимній вечеръ, тоска страшная.

Каминъ въ кабинетѣ пылалъ ярко, я потушила свѣчи, сѣла противъ него и стала думать о Борѣ. Мысли одна другой тревожнѣе шли мнѣ въ голову и наконецъ, усталая нервно, я уснула.

Спала я долго и когда проснулася, было уже очень поздно, я сей часъ-же спросила, пріѣхалъ-ли Боря; мнѣ отвѣчали: пріѣхалъ и уже спитъ у себя. Я пошла къ нему, дверь заперта; я стукнула въ дверь, не отперъ. Цѣлую ночь не могла я заснуть и только ужъ утромъ, когда свѣтло, задремала.

Блѣдный вошелъ Ординскій въ свою спальню. Сосчиталъ деньги въ портъ-моне, швырнулъ его на столъ, заперъ дверь и началъ ходить. Сурово, тревожно было лице его.

— Все кончено! Все проиграно! И ты, сила сломана! Дѣлать что мнѣ? Глупый вопросъ! Что дѣлаютъ честные люди, когда проигрываютъ столько, что имъ нечѣмъ заплатить? Умираютъ..., а жизнь-то развѣ не манитъ будущимъ? Вѣдь не старъ я! Каково умереть-то?

Какъ знать что ждетъ впереди; вѣдь можетъ быть..., да что можетъ быть! Отыграться? это не можетъ быть! Ну а еще все то, что можетъ быть мнѣ не къ чорту не годно. А какъ-же она-то останется. Ея личико дивное, глазки огневые.... кому? О, горе мнѣ! горе! Спитъ, моя крошечка, да и не вѣдаетъ, что ея милаго постигло. Спи.... не взойду я къ тебѣ, не взгляну на тебя.... нѣтъ. Силы не хватитъ тогда съ жизнью покончить.... А надо. Трудъ?... не знаю я его, я не изъ тѣхъ гордыхъ и смѣлыхъ людей, людей нынѣшняго вѣка, у которыхъ желѣзная воля, желѣзная сила. Воли.... у меня нѣтъ никакой; силы.... у меня много, но не на работу. Я не вскормленъ *тѣмъ* духомъ, не вспоенъ *тѣмъ* молокомъ, которыми живы новые люди. Иной вѣкъ, вѣкъ благородныхъ отцовъ моихъ, питалъ меня. Я не понимаю этихъ новыхъ людей, но я преклоняюсь передъ ними. У нихъ есть задача въ жизни, цѣль есть, и упорно, попираемые, идутъ они подъ градомъ пуль и ядеръ, падаютъ, падаютъ, и все-таки идутъ.... Смертельно раненый онъ гордо поднялъ свое знамя и только мертвый склонилъ его. А за нимъ новыя, здоровыя силы опять несутъ это-же знамя и будто пожаръ охватываетъ оно цѣлыя массы, цѣлыя зданія. Не изъ этихъ людей я, и я кляну судьбу свою. Молодъ я, не старше ихъ, а другой міръ понятій царитъ во мнѣ. Кто виноватъ?... не я только.... нѣтъ.... А будь у меня эта мощь, будь у меня эта стойкость, не изъ послѣднихъ бойцевъ былъ-бы я. Притвориться.... могу, ну и буду какъ та толпа паршивой молодежи, нераз-

битой, необразованной, что хочетъ внѣшностью показать, что она дѣло дѣлаетъ, что знамя несетъ! Пошляки! своимъ передразниваньемъ людей дѣла, людей борьбы за идею, они только портятъ, пакостятъ дѣло! Нѣтъ, такіе, какъ я, какъ мы, насъ много вѣдь, лучше. Да, не гожусь я въ работу.... не гожусь.... Если и достигну чего, то когда! Тяжелъ, длиненъ путь.... и до конца-то его что дѣлать мнѣ? Нѣтъ?—это невозможно. Цѣлая бездна понятій раздѣляетъ насъ. У нихъ, у новыхъ людей, однѣ задачи въ жизни, у насъ иныя; у нихъ—однѣ потребности, у насъ другія; у нихъ одни понятія о предметахъ, у насъ они не тѣ; они одно понимаютъ подъ кличкой „наслажденія“, мы другое. Да что толковать-то, что время терять напрасно! Умереть надо. Вѣдь „съ милымъ рай и въ шалашѣ“—это глупо непроходимо. А оставить-то ее какъ-же? Ничего выдумать не могу.... ничего. Шесть тысячъ осталось въ карманѣ; но онѣ не мои уже,—проигранныя.... Ну да чортъ съ ними, съ этими собаками, пускай дерутся, раздѣляя мое имѣніе, а ужъ эти деньги я ей отдамъ, въ письмо къ ней положу ихъ. Да....

Молча подошелъ Ординскій къ бюро, открылъ его и досталъ маленькій пистолетъ. Цѣлый адъ клокоталъ въ душѣ у бѣдной жертвы пошлаго воспитанія, дикихъ предразсудковъ: жить хотѣлось!

Внимательно осмотрѣлъ онъ пистолетъ и зарядилъ его.

— Не хочется, не хочется умереть. Полонъ силъ, молодъ, красивъ, а завтра—трупъ безобразный! Взой-

детъ завтра ясное солнце, заблеститъ хрупкій снѣгъ, загорятся кресты на церкви и свѣжій воздухъ манить будетъ въ сани, на тройку, рядомъ съ милой, а я въ могилѣ холодной, темной....

«Вырыта заступомъ яма глубокая»
Жизнь не суровая, не одинокая
Не какъ осенняя ночь молчаливая
Шибко она и красивая шла
«И какъ степной огонекъ замерла»

„Только однимъ человѣкомъ убавится"…. и міръ заживетъ, какъ по старому, заживетъ, будто и не случилось въ немъ ничего. Одна она сироткой останется.... плакать одна будетъ. Жалко ее.... Ни къ кому не привязывался я такъ.... нѣтъ, было одно существо: моя старушка няня....

«Голубка дряхлая моя»
Одна среди степей широкихъ
«Одна ждала всегда меня».

Умерла она, а какъ живая теперь стоитъ передо мною, съ своею кроткою улыбкой, съ своими добрыми глазами. „Сорванецъ ты гадкій" ворчитъ бывало на меня, а у самой столько ласки на лицѣ.... Умерла.... вотъ и я за тобой, милая, голубушка няня.... Зачѣмъ тебя нѣтъ теперь со мною, зачѣмъ? Цѣлый міръ свѣтлыхъ видѣній дѣтства ты подняла во мнѣ: помнишь, няня, я былъ имянинникъ и ты меня никакъ не могла уложить спать въ ночь подъ этотъ день? Еще серди-

лась такъ страшно, а я все смѣялся? Помнишь.... Утромъ открыли ставни, а на дворѣ снѣгъ, первый снѣгъ, въ ночь выпалъ; и солнце! Ты меня поздравила, похлопала кое-гдѣ шутя, поцѣловала и я, не допивъ чая, въ одномъ тулупчикѣ, безъ теплыхъ сапогъ, выскочилъ на дворъ. То-то радость была!... Богъ мой, идетъ кто-то! Лиза идетъ.

Ординскій въ моментъ потушилъ свѣчу и остановился. Тихій стукъ раздался въ дверь. Ординскій еле дышалъ; еще; опять молчаніе. Слышны удаляющіеся шаги.

— Она приходила! и я не пустилъ ее, не простился съ нею! Прости мнѣ это, несчастная Лиза, прости!...

Ординскій зажегъ свѣчу, досталъ бумагу и сѣлъ писать.

Голубушка Лиза!

Не печалься обо мнѣ, забудь меня. Я нарушилъ жизнь твою — прости мнѣ. Прости мнѣ дурному, несъумѣвшему сохранить свое счастье, прости. Я виноватъ передъ тобою; но я знаю, ты не унесешь обо мнѣ гадкихъ воспоминаній. Я любилъ тебя одну и впервые! Я проигрался, Лиза, мнѣ жить не на что, и, когда ты будешь читать это письмо, я буду мертвый. Я бы могъ продолжать жить; я бы могъ, мнѣ это предлагали, жениться на старой и богатой, но.... но недавно ты сама произнесла мой приговоръ; ты сказала: послѣ преступленія, я буду любить тебя, послѣ подлости — нѣтъ. Это были твои слова. А развѣ женитьба на

старухѣ, продажа себя не подлость?! Я умираю, благодарный тебѣ за тѣ минуты счастья, которыми ты подарила меня. Я оставляю тебѣ ничтожную сумму денегъ, ради Бога, не думай что это плата за любовь! Иначе ты оскорбишь меня смертельно. Вѣдь ты, моя лапушка, безъ гроша денегъ останешься, одна, въ чужомъ мѣстѣ и вотъ почему я оставляю тебѣ деньги. Давать тебѣ совѣты,—значитъ оскорблять тебя, и я не желаю этого. Не плачь, моя крошечка, а уѣзжай отсюда скорѣе: нагрянутъ сюда злые коршуны съ векселями моими. Ну! прощай! прощай! будь счастлива, вспоминай меня. Прощай, цѣлую тебя, жму твою руку. Пора мнѣ, пора! а не хочется, Лиза.... Прощай же! прощай! Сердце на части рвется.... Ахъ!...

Боря.

Долго, долго, склонивъ бѣдную голову свою, сидѣлъ Ординскій: слеза за слезой бѣжали по щекамъ его....

Вотъ всталъ онъ, вложилъ въ конвертъ письмо и деньги и запечаталъ.

— Теперь все кончено: корабли сжегъ!

Какъ-то измѣнилась физіономія его: рѣшимость видна была на ней, сурова стала она.

— Теперь за дѣло! Мѣшкать нечего — иначе ничего не выйдетъ.

Онъ взялъ пистолетъ, поставилъ двѣ свѣчи у трюмо и сталъ противъ его.

— Ну прощайте, Борисъ Петровичъ, говорилъ онъ себѣ, смотрясь въ зеркало, прощайте! Посмотрите на

себя въ послѣдній разъ хорошенько, запомните себя: вѣдь скоро, теперь свѣтло еще, будетъ мракъ, полный мракъ. Вы жалѣете, Борисъ Петровичъ, эту гордую, красивую голову обезобразить, ну такъ стрѣляйте въ сердце. Что же-съ! Или струсили? Иль вспомнили что-то? Рвите, рвите ихъ, эти воспоминанія, ломайте надежды и къ дѣлу, къ дѣлу. Вамъ хочется проститься съ кѣмъ нибудь? Проститесь сами съ собой.

Борисъ нагнулся къ зеркалу и поцѣловалъ свое изображеніе.

— Холодный! не привѣтный поцѣлуй. Прощай, молодая жизнь! прощайте милыя воспоминанья! Прости и ты красавица, прости. Я бы смѣлѣе умеръ кабы не дума, что ты другому достанешься! Я бы не задумался, если бы былъ одинокъ, если бы не было тебя! А вы толстые, отъѣвшіеся, безъ сердца люди, кромѣ ненависти я ничего не оставляю вамъ въ наслѣдство. Вы были счастливы, есть и будете, своимъ ничтожествомъ, своимъ голымъ развратомъ. Не одно еще чистое, какъ голубь, созданье погубите вы! Не разъ еще за свои деньги вы купите возможность дѣлать подлости и тянуть въ нихъ, за собой въ тину, множество слабыхъ людей! Я съ удовольствіемъ разстаюсь съ вами. Не откликнетесь вы на призывъ, на стоны молодежи, не отзоветесь вы никогда ни на одно святое дѣло! Черезъ васъ, благодаря вашей работѣ, я не лучше чѣмъ есть! Черезъ васъ я умираю! Молодъ я и совѣстливъ, иной бы другую рѣчь повелъ съ вами!... И кому же еще Лиза достанется какъ не имъ? Слаба

она.... куда ей бороться съ жизнью; моего вѣка она, ну а насъ по головкѣ не гладятъ.... Ну за дѣло!...

Ординскій поднялъ пистолетъ къ сердцу и....

Итакъ прощай, Боря, опять говорилъ онъ себѣ, смотрясь въ зеркало, прощай голубчикъ. Поцѣлуй себя еще. Что! опять не по вкусу холодный поцѣлуй пришелся? Не то видно, что поцѣлуй любовницы? Не хочется умирать? Знаю, братъ, знаю, да дѣлать-то нечего. А вѣдь хороша иной разъ жизнь?! И вотъ недавно еще, думалъ ли я о смерти; гадалъ ли я, что она близко, рядомъ со мной стоитъ? Тяжело.... Ишь, какъ сердце-то стучитъ, будто выпрыгнуть хочетъ.... Ну!... ну!... прощай! прощай, братъ!...

.... выстрѣлилъ.

Широкой струей лилась кровь изъ раны; блѣднѣй и прекраснѣй становилось лице самоубійцы.

Свѣтаетъ. Заря горитъ. Птицы пѣсни заводятъ. Встаетъ солнце ясное....

По каплямъ льется кровь изъ раны; какъ первый снѣгъ блѣдно лице самоубійцы.

ГЛАВА VI.

Не жизнь, а каторга.

Нѣтъ словъ, которыми бы я выразить могла мое смертельное горе. Я не знаю, что сдѣлалось бы со мной, если бы не кроткая рѣчь, не ласковое слово ординскаго священника. Жалѣлъ онъ меня, плакалъ онъ надо мною. Какъ христіанинъ, какъ пастырь указывалъ онъ мнѣ на мое будущее, предостерегалъ.

Послѣ похоронъ Бориса, (какъ красивъ онъ былъ мертвый), я тотчасъ же уѣхала. Куда? да опять въ Москву. Зачѣмъ я ѣхала туда именно, а не въ другое мѣсто, я, право, не могла дать себѣ отчета.

Я совершенно потерялась. Мой умъ, сердце бродили далеко; они безжалостно, мучительно уносили меня въ то недалекое еще, полное свѣта и радостей время, которое я провела съ Борей.

Ничто не заманило меня; все было противно и только въ слезахъ и молитвѣ находила я немного облегче-

нія, въ сновидѣніяхъ—находила утѣху. Отупѣла я какъ-то. Все дума объ немъ, да объ немъ и нѣтъ мнѣ дѣла до міра и его радостей, его печалей. Нѣтъ мнѣ дѣла до самой себя.

Жить-ли, умереть-ли—все равно.

Жестокая горячка, я простудилась, продержала меня три мѣсяца въ постели. Каждый разъ когда послѣ безпамяства очнешься бывало, рисуется передо мной милый образъ Бори и тяжелое горе снова рветъ сердце на части, снова страданья безъ мѣры.

Зачѣмъ не умерла я! Къ чему, кому нужна моя жизнь?

Принесло снова лѣто дни жаркіе, ночи лунныя, а мнѣ все не мило. Досадно бывало на радости людей! Обидно смотрѣть на юную, полныхъ свѣтлыхъ надеждъ, ликующую молодость. Чувство странное, несправедливое, но оно было во мнѣ.

Ну чему ты радъ?! такъ и хочется сказать каждому улыбающемуся. А этотъ, улыбающійся, проходитъ мимо тебя и нѣтъ ему дѣла до тоски твоей, онъ еще будто приглашаетъ и тебя раздѣлить свою радость.

Мои знакомые посѣщали меня иногда, но не веселое, житье мое безъ отзыва шутки отвадили ихъ отъ меня.

Я не могла ничего читать, ни о чемъ думать, кромѣ недавняго прошлаго, и впадала все болѣе и болѣе въ апатію.

Несчастія однѣ не ходятъ — толпами ходятъ онѣ! Въ іюлѣ мѣсяцѣ я получила письмо отъ одного изъ сосѣдей матери, вотъ оно:

М. Г.

Лизавета Григорьевна.

Матушка ваша скончалась 21 іюня. Скончалась она безъ памяти и въ бреду часто повторяла ваше имя: „бѣдная Лиза! бѣдная! бѣдная". Къ огорченію своему, какъ душеприкащикъ покойной, я долженъ сообщить вамъ, что имѣніе вашей матушки перешло *по купчей* къ воспитанницѣ ея, которую она взяла къ себѣ еще за годъ до своей кончины. Обстоятельство заставившее ее это сдѣлать—это извѣстія о вашей жизни въ Москвѣ.

Честь имѣю и проч.

Теперь я одна, одна во всемъ мірѣ. Теперь для меня нѣтъ нигдѣ крова, нигдѣ пріюта. Теперь даже и надежда на иную жизнь не имѣетъ смысла.

Боря умеръ! мать умерла—бѣдные.

И тутъ и тамъ не я ли причина смерти? Не я ли жалкая, гадкая, надорвала эти жизни? Я, ничего не стоющая, ничего не умѣющая!

Она жалѣла меня, мать моя.... Угадало сердце ея, что страдаю я, что много, жестоко поплатилась я за побѣгъ мой. Ну что жъ одна, такъ одна.... Никто обо мнѣ не думаетъ, никого мнѣ и не надо....

Теперь я страдаю, а было время, были моменты, за которые я отдала бы жизнь.

Мнѣ продали минуты счастья цѣною всей будущности, что дѣлать! Не сама-ли виновата во всемъ? Не сама-ли.... сдается мнѣ, что другіе.... Теперь моя жизнь что такое, я и не знаю.

Въ моемъ сердцѣ не осталось для любви ничего.... рѣшительно ничего.

Что въ немъ есть, я не знаю.... Кажется совсѣмъ пусто оно, или нѣтъ оно плотно, но не настоящимъ, прошедшее живетъ въ немъ, умерло оно для будущаго. Желаній, какъ прежде, извѣдать вновь жизнь, уже нѣтъ.

Устала я, устала отъ вѣчныхъ тревогъ, неудачъ, отъ постоянно разбиваемыхъ надеждъ.

Сердце не то что успокоилось, а будто совсѣмъ уничтожилось: мнѣ все—все равно. Злость да зависть даютъ знать иногда о себѣ, особенно послѣдняя и то не сильно. Завидуешь иной разъ, а сама спрашиваешь: чему завидовать-то? Развѣ это счастіе, эта радость сравнится съ тѣмъ счастіемъ? съ тою радостью, которыми я жила когда-то? Конечно — нѣтъ. А прошлаго вѣдь не воротишь, вѣдь нѣтъ? Ну а меньше, иначе счастья не надо мнѣ.

«Улстѣлъ мой покой,
Сердце ноетъ въ груди,
Никогда мнѣ его,
Никогда не найдти».

Я была одна, почти всегда одна, и это не тяготило меня. Въ своемъ одиночествѣ я была покойнѣе. Что дѣлалось пругомъ меня, плакали-ли, радовались-ли мнѣ, было все равно.

Сижу бывало, уставлюсь на что нибудь и не думаю, ничего не думаю, и такъ проходятъ цѣлые часы.

А иной разъ плачу, плачу и плачу,

Утѣшать меня станетъ прислуга — злость беретъ: зачѣмъ, какъ смѣютъ ввязываться, дотрогиваться до моего горя, т. е. до моего милаго прошлаго.

Не воровали у меня только лѣнивые и денегъ, что оставилъ мнѣ Боря, хватило съ небольшимъ на годъ.

Извѣстіе это, какъ прежде бывало, не поразило меня, или вѣрнѣе я не дала себѣ труда подумать надъ результатомъ этого извѣстія.

Да будто не все равно, гдѣ ни жить, что ни ѣсть, во что ни одѣваться?

Нужно будетъ измѣнить привычки—измѣню, нѣтъ и не надо.

Я отдала заложить брилліанты, что подарилъ мнѣ Боря. Зачѣмъ они мнѣ?

Съ кольцомъ вотъ его, вотъ съ этимъ, съ маленькимъ, я не разстанусь. Пускай оно, напоминая мнѣ о прошломъ, мучаетъ меня, я рада этимъ мукамъ: онѣ, какъ тѣни прошлаго, уносятъ меня въ иной міръ. Унося въ прошлое, онѣ, эти муки, еще сильнѣе, правда, даютъ чувствовать изъ сравненій настоящее, но все таки я благословляю ихъ.

Ничего не дѣлаю я цѣлые дни, да и что дѣлать-то!

Апатія, повторяю я, ко всему....

Пить буду! Въ пьянствѣ есть успокоеніе; пьнство сонъ даетъ, а сонъ порою хорошія грезы. Буду пить.

Начала пить.

Что мнѣ разсказывать дальше? Не знаю право. Да и стоитъ-ли.... Когда въ жизни не участвуетъ сердце, развѣ это жизнь? развѣ это не прозябаніе?

Прошло еще два года и ничего новаго.

Мнѣ стали въ тягость не только другіе, сама себѣ я стала въ тягость! не смотрѣла-бы ни на кого.

Средства мои становились меньше и меньше и опять появились ко мнѣ разные маклера въ юбкахъ: обыкновенная исторія....

Такъ пожила я еще немного и какъ я кончила читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА IX.

Въ домѣ терпимости.

Домъ терпимости! Стыдъ, ужасъ для развитой личности!

Не входи туда, женщина—оттуда нѣтъ выхода, тамъ ты потеряешь все, что имѣла; тамъ твое человѣческое чувство заглохнетъ окончательно — ты животное станешь; тамъ голосъ совѣсти заглушаемый виномъ—робко ведетъ свои рѣчи; тамъ для стыдливости нѣтъ мѣста, нѣтъ уголка; тамъ позорная плата и презрѣніе мужчины — награда за твои ласки; тамъ не нуженъ твой умъ, твое сердце—тѣло нужно твое; тамъ нѣтъ, нѣтъ жалости, нѣтъ деликатности къ тебѣ—тамъ тебя можетъ купить всякій!

О плачь! плачь! если ты *тамъ* полюбишь кого нибудь!

Тамъ, если у тебя остались хоть кусочки чувствъ честной женщины,—пропадутъ они втягиваемые, какъ

болотомъ, этой жизнью одно за другимъ въ пучину, въ пропасть; тамъ чѣмъ ты подлѣе, чѣмъ ты нахальнѣе— ты больше выигрываешь!

Тамъ граница, за которой тебя *совсѣмъ* оставляетъ общество.

Ты товаръ, вещь, ты животное!

Товаръ.... вещь.... животное.... а вѣдь ты молода, ты красива, ты могла-бы прежде, не теперь. нѣтъ! сдѣлать счастье человѣку, быть честною женою, матерью! Нѣтъ для тебя семейныхъ радостей.... не услышишь ты радостный лепетъ *твоего* ребенка....

Вѣдь *оттуда* нѣтъ возврата! нѣтъ!

А вы, подлыя фуріи, мерзкія твари—хозяйки этихъ домовъ—будьте прокляты!

Если есть что нибудь безстыднѣе, грязнѣе васъ на всемъ свѣтѣ, то отрубите мнѣ голову.

Вы однѣ стоите оплевываемыя всѣмъ, что есть честнаго въ мірѣ, вы однѣ владѣете живымъ, женщиною зововымъ, товаромъ, — однѣ рабынь имѣете, которыя ваши своимъ тѣломъ, которыя ваши своими чувствами, такъ какъ онѣ ради васъ, ради дохода вамъ, отворачиваются отъ нихъ.

Въ ваше сердце жалость не проберется — вы ласковы, щедры—пока женщина красива, молода, пока приноситъ вамъ пользу; вы идеалы грубости, безчувствія и зла, когда женщина дурнѣетъ — вы гоните ее. Для васъ не существуетъ памяти, что вы обязаны ей своими доходами—вы не сжалитесь надъ нею! Никогда!

И что это за особый міръ! что это за коммерція! Срамъ! стыдъ!

Не входи туда, молодой, способный увлекаться, человѣкъ? Не входи! Оставь это мѣсто злачно—развратникамъ. Тамъ ты погибнешь, какъ гибло много хорошихъ личностей! Тамъ просвѣтятъ тебя такъ, что твои хорошія мысли объ женщинахъ канутъ въ Лету. Циникъ ты станешь.

Если ты богатъ и юнъ — ты разоришься тамъ! если ты юнъ и бѣденъ — ты надѣлаешь пропасть гадостей, за которыя будешь краснѣть передъ честными людьми.

Ты пропалъ совсѣмъ—если ты полюбишь *тамъ* женщину, да еще такую, въ которой умерло все человѣческое; она хитра, ловка, она на своемъ амплуа великолѣпная актриса и она, обобравъ тебя до нитки, броситъ къ чорту и еще, мало этого, насмѣется надъ тобою.

О, бѣги, бѣги оттуда!

Не вѣрь жинщинѣ *тамъ*, если ты не совсѣмъ глупъ, что она тебя любитъ: пойми, что невозможно это—она любитъ тебя и принадлежитъ всѣмъ! Хочешь испытать ее — изволь: предложи ей выходъ изъ дома, свою любовь и свою бѣдность и она не пойдетъ къ тебѣ, она засмѣется тебѣ.

— Трудъ.... трудиться для нея не существуетъ: она слишкомъ втянулась въ эту жизнь, слишкомъ забылась, слишкомъ отупѣла въ своей чувствительности.

Впрочемъ.... она трудится.... работаетъ.... всякій вечеръ на службу, въ залу выходитъ!

Страшная вещь эти дома терпимости! Явился туда

юный, не много подгулявшій, господинъ: тамъ свѣтло, роскошныя женщины, доступныя каждому, гремитъ музыка, льется шампанское, *ахъ! зачѣмъ позволяютъ тамъ вино продавать*, ну и онъ пьетъ шампанское, — на послѣдніе гроши; пьетъ, когда завтра ему ѣсть нечего, когда завтра ему нужно отдать эти деньги; пьетъ иногда и на чужія деньги! Голова въ чаду—смѣхъ, хохотъ, канканъ кругомъ—и онъ забывается.

А исходъ?

Исходъ! исходъ или пулю въ лобъ, какъ это дѣлалось, дѣлается и будетъ дѣлаться, или же.... или прощай честное имя, простите честные люди.

Дальше дорога торная.... длинная дорога.... Дальше жизнь темная, жизнь безъ просвѣта, съ дикими, полными цинизма и низости, проблесками радости.

Ахъ! зачѣмъ позволяютъ тамъ вино продавать?!

Я попала въ домъ терпимости.

Я кончила начало конца,—начинаю оканчивать конецъ.

Кончено съ жизнью, кончено съ личностью.

Я уже не человѣкъ съ свободнымъ правомъ перехода и распоряженія собою, я уже товаръ.

Никто, ни одна душа въ мірѣ не указала мнѣ на ужасъ будущаго, ни одна душа въ мірѣ не поддержала меня..

А я втянулась въ эту праздную, пьяную жизнь—и не руководимая ничѣмъ, я пала такъ, какъ уже ниже не падаютъ.

Когда-же, Богъ мой! когда-же общество взглянетъ на насъ, когда оно займется въ своей благотворительности нами?!

Какъ красивая и молодая, я попала въ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Москвѣ.

Роскошныя залы, бронза, хрусталь, газъ.

Между моими товарками по несчастью было много молодыхъ и красивыхъ; старыя были тоже, но были и дѣти.

Ужасный видъ! Чуть не дитя еще бѣдное существо, отъ выпитаго вина горятъ ея глазки, горитъ ея личико, кричитъ грязныя пѣсни, дѣлаетъ полныя, омерзительнаго цинизма, движенія.

Публики, *гостей*, у насъ бывало множество.

Вотъ знаменитый канканёръ Жоржъ. Смотрите, что онъ выдѣлываетъ съ роскошною Августой; вотъ вѣчно подвыпившій Мишка Красный (Лубинскій) онъ свое дѣло круто знаетъ! вотъ вѣчно испившій не въ мѣру Пашинька, онъ сидитъ и пьетъ; вотъ извѣстный ловласъ домовъ терпимости Арнольдъ; вотъ молодой Агоза, безпрестанно влюбляющійся, а вотъ сентиментальная рожа влюбленнаго въ Фефелочку-Черненькаго. Теперь ужъ онъ не влюбленъ, впрочемъ. Счастье его! Вотъ Турка безчувственная, извѣстный скандалистъ и Зазона, знаменитый развратникъ.

Но эти всѣ молоды и это, за не имѣніемъ другаго, можетъ служить имъ извиненіемъ.

Но вотъ, вотъ глядите! Вотъ идутъ отрепья человѣчества,—старые, сѣдовласые старцы; они уѣхали отъ своихъ женъ, отъ своихъ дочерей — тутъ уже голый развратъ. Глядите эту рожу, толстую, красную это извѣстный воръ — Тининъ (фамиліи, понятное дѣло, вымышлены); „во святой часъ",—это его поговорка,— уѣхалъ онъ отъ жены въ публичный домъ! вотъ сѣдой дрожащій старикашка, отецъ огромнаго семейства, которое онъ разоряетъ—Лотковъ; вотъ солидный купецъ Бардовъ—извѣстный своей неаккуратностью съ рабочими при расплатѣ; онъ здѣсь ставитъ шампанское дюжинами!

Плюйте на нихъ, хорошіе люди! Позоръ для нихъ— урокъ другимъ.

Вотъ передъ вами человѣкъ, теперь его уже нѣтъ, онъ застрѣлился недавно, небольшаго роста, черноватый съ академическимъ знакомъ на груди, — онъ тратитъ казенныя деньги! „Не стая вороновъ слеталась" а женщины теребятъ его и просятъ шампанскаго.

— Поставь, Володя, поставь!

— Дюжину! кричитъ онъ.

Ему все равно — онъ зарвался уже давно — исхода нѣтъ!

Забыться, это лучшее для него! Михалиночка около него, музыка гремитъ, онъ пьянъ.

Какъ нервозны, странны его движенія — видно сейчасъ, что съ этимъ человѣкомъ дѣется что-то особенное. Музыканты, кричитъ онъ, „зацѣлуй меня"!

И музыканты, одинъ—ученикъ Фильда, умный и солидный музыкантъ, а другой — еврей смѣлая, роскошная скрипка,—играютъ ему: „зацѣлуй“.

— Еще дюжину!

Да, я погибла. Пьянство, какъ средство забыться, сдѣлалось моею потребностью, жизнью моею. Я пила страшно, безобразно пила, но подъ конецъ и это не помогало: прошлое еще ярче, еще чувствительнѣе рисовалось мнѣ—когда я выпью.

Я стала напиваться замертво.

Собою я не занималась и потому хозяйка меня не особенно жаловала.

Я пила, но боги, что бывало со мною, когда на другой день послѣ оргiи, вина, я просыпалась съ больною головой, усталая, убитая,—какiя страданiя терпѣла я! какiя слезы лились!

Разсказывать дальнѣйшiя безобразiя моей подлой жизни не зачѣмъ: это грязь и ужасъ, ужасъ, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго — животное въ немъ только.

Изъ женщинъ, которыхъ я знала тамъ, многiя еще не потеряли всего — были проблески стыда и искренняго, хотя и животнаго, чувства, и мы бывало сойдемся какъ нибудь днемъ въ комнату и заводимъ грустныя рѣчи о своемъ прошломъ, плачемъ вмѣстѣ.

Грустныя повѣсти слышала я, — но все почти одинаковыя: сказалъ что любитъ, я полюбила тоже, а онъ шалилъ, игралъ мною и потомъ бросилъ.

Одна пѣсня!

А здоровье наше! — какъ гибнетъ оно, разстроиваемое ежедневными оргіями.

Но кому какое дѣло до этого!

Что за дѣло кому до нашего будущаго! что за дѣло до насъ, продажныхъ и покупаемыхъ!

И намъ самимъ нѣтъ дѣла до насъ самихъ!

Поворота назадъ нѣтъ, жизнь наша мерзкая втянула насъ, какъ паукъ паутиной опутала и мы погибнемъ безъ сознанія, безъ сопротивленія, безъ горести, хотя со слезами.

Слезы! слезы! собрать бы васъ—моря бы подѣлались. Умереть!

Нѣтъ силы, храбрости? Надежды хотя и нѣтъ впереди ни на что, а все жить хочется.

И зачѣмъ? — не знаю. Умъ не работаетъ, а если и прійдетъ такая минута, то она коротка.... и ужасна...

Два года прожила я въ Рудникахъ; а оттуда я сошла пониже, оттуда пониже, и наконецъ очутилась на площади, на Кузнецкомъ.

Тутъ уже я лицъ человѣческихъ не видѣла.... тутъ уже дальше ходу нѣтъ, тутъ уже еще шагъ и—могила.

Пьянство сдѣлалось моею потребностью и я, бывало, вымаливаю у толпы пьяныхъ лакеевъ, забавляющихся со мною, водки, хотя бы съ мухами!

И подлецы насыпятъ мухъ въ водку. Я пью, а они хохочутъ.

А зима! холодно, бьетъ вѣтеръ, снѣгъ въ лице, а я чуть не въ лѣтнемъ пальто *гуляю*!—по Кузнецкому.

Развѣ это не смерть?

Развѣ это не конецъ-конца?

Я кончила, веселые люди, и знаю, что обманула васъ въ ожиданіяхъ при покупкѣ книги.

Знаю и радуюсь!

ВМѢСТО КОНЦА.

Въ одной изъ нашихъ больницъ, гдѣ я былъ ординаторомъ, въ палатѣ „неизлечимыхъ", — лежала женщина лѣтъ 25-ти.

Блѣдное, истощенное лице ея давало приблизительное понятіе объ ея красотѣ; оно было прекрасно и теперь, теперь, когда смерть стояла около этой несчастной и, настойчиво *спѣша*, звала ее къ себѣ.

Дивно хороша должна была она быть прежде!

Я былъ добръ, вниматеденъ къ ней.

Мнѣ было жаль этой молодой, угасающей жизни!

Хотѣлось знать: кто она эта женщина, что такъ рано ведетъ ее къ могилѣ?

Я высказалъ ей это желаніе.

— Старая обыкновенная исторія, докторъ. Да и тяжело мнѣ говорить объ этомъ.

Я не настаивалъ.

Недѣли черезъ полторы она спросила бумаги и перо. Ей дали.

— Я хочу, докторъ, теперь, когда я у могилы уже, когда мой умъ, мое сердце успокоились, очистились нѣсколько, написать для васъ перечень моихъ страданій. Вы добры были ко мнѣ, вы, какъ съ равною себѣ, какъ съ человѣкомъ, говорили со мною и я думаю, что, прочтя повѣсть моей грустной жизни, вы не осудите меня, а если и скажете „виновна"—то прибавите „но заслуживаетъ снисхожденія".

Я догадывался, кто была эта несчастная. .

— Я бы просила васъ, докторъ, напечатать мою исповѣдь. Можетъ быть ее прочтутъ тѣ несчастныя, „падшія", къ которымъ принадлежу и я. Можетъ быть, если онѣ еще не совсѣмъ пали, — она, эта исповѣдь, скажетъ что нибудь сердцу ихъ, остановитъ ихъ!

Черезъ недѣлю она мнѣ вручила свою „Исповѣдь".

Еще черезъ недѣлю она умерла.

Передъ смертью она позвала меня къ себѣ и простилась со мною.

Такъ умерла несчастная, молодая женщина!

Кого винить за позоръ ея? Гдѣ искать его виновниковъ?

Умерла бѣдная! забытая всѣми, одинокая!...

А сколько чувства въ ней было!

Да, другая обстановка, иные люди и вышла бы изъ нея иная женщина.

Жалко. Грустно.

Осудите эту женщину—у кого хватитъ силы?

Разсказъ, предлагаемый здѣсь, *составленъ* по ея наброскамъ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

ЦѢНА 1 РУБ.

Складъ изданія на Ордынкѣ въ домѣ Синицына у А. Д. Потемкина (отъ 9 до 1 ч. пополуд.).